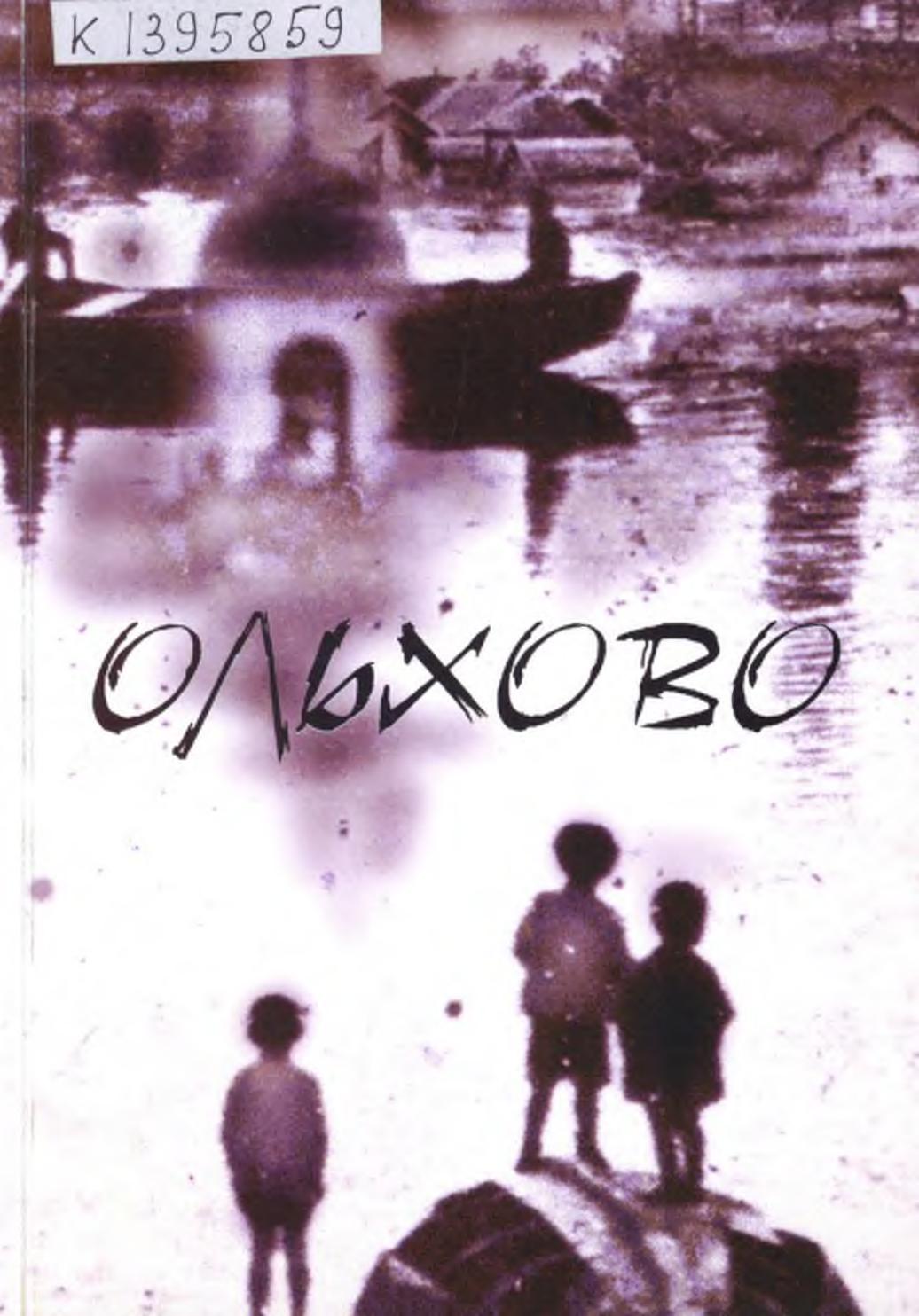

K 1395859

A sepia-toned photograph of a village scene. In the background, there are several houses with gabled roofs along a riverbank. A small boat is on the water. In the foreground, three children are visible: one stands on the left, and two others stand together on a large rock in the center. The overall mood is nostalgic and peaceful.

ОЛХОВО

**СБОРНИК
ВОСПОМИНАНИЙ
О МАЛОЙ РОДИНЕ**

г. Череповец
2008 г.

И.А. Борин

И. Борин

ОЛЬХОВО

исторический очерк

1974 г.

От автора

Настоящий небольшой очерк мне не удалось написать более полным. Особенно бедны были в моем распоряжении материалы, характеризующие историю возникновения Ольхово. Летопись и другие исторические документы Ольховской Казанской церкви не сохранились. При разборке здания церкви эти документы не были сданы в районный или областной архивы, а, видимо, были просто уничтожены.

За недостатком собранных сведений, написанным схематично оказался раздел 2-й «Колхозное крестьянство в период до затопления», который заслуживал более развитого содержания.

В моей работе по созданию очерка активно участвовали: Черепанов М.А., Фрегатов В.П., Паланов Ф.М., Паланов С.М. и моя супруга Борина П.А. (быв. Земскова). Два первых товарища дали ряд фотоснимков и несколько интересных фактов из воспоминаний. Братья Палановы поделились многими воспоминаниями из жизни односельчан до Октября и за период до колхозного строительства. Моей супруге принадлежит большинство упомянутых в очерке хоровых песен, песен-частушек и воспоминание ряда оригинальных событий. Помогли мне, предоставив сохранившиеся фотоснимки ольховчане: Лукашков А.И., Лукашкова Т.С., Павлова М.Е. и Сиротина В.В. Всем упомянутым ольховчанам-землякам за их активное участие и отзывчивость объявляю искреннюю благодарность.

Приношу извинения живущим в настоящее время родственникам лиц, упомянутых критически в очерке – ныне умерших. Готов просить прощения у праха их перед могилами, хранящими, хотя и недобрую для иных, но священную память.

Классовые противоречия, порождавшие борьбу и антагонизм на селе, я осветил с партийных позиций и считаю такой подход к изложению общественных и частных событий единственно правильным.

Наиболее алчных сельских буржуев и священнослужителей пришлось невольно обличить не за то, что они принадлежали к имущему классу, а за то, что они бессовестно эксплуатировали и грабили трудовой народ, находившийся у них в зависимости.

Дорогие читатели-односельчане я жду от вас критических замечаний и отзывов, за что буду весьма признателен.

Автор

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. История, география, природа	6
2. Население (труд, быт, нравы, обычаи):	
Крестьяне до Октябрьской революции.....	13
Дети и молодежь до Октября	31
Период от Октября до коллективизации.....	45
Колхозное крестьянство до периода затопления	48
Сельская буржуазия.....	51
3. Школа и церковь:	
Школа и учительский персонал	57
Церковь и церковнослужители	64
4. Сельский кооператив	72
5. Шлюз и плотина	75
6. Знатные люди	80
7. Затопление и последствия	86

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ПРИРОДА

Словом «Ольхово» назывались два селения – село и деревня, расположенные на правом берегу реки Шексны между городами Рыбинск и Череповец. До Октябрьской Революции они входили в Новгородскую губернию, Череповецкий уезд, Ольховскую волость. После Октября и до нового районирования существовала Череповецкая губерния, включившая в себя пять уездов бывшей Новгородской губернии: Череповецкий, Кирилловский, Белозерский, Тихвинский и Устюженский. После нового районирования Ольхово вошло в Мяксинский район Ленинградской области, а позднее – Вологодской. В настоящее время они входили бы в Череповецкий район Вологодской области.

В Череповцеком ЗАГСе до сих пор хранятся все церковные метрические книги бывшей Ольховской Казанской церкви. При постройке Рыбинского гидроузла селения Ольхово попали в затопляемую зону (как и многие другие селения, и даже город Молога), и были в 1939-1940 годах снесены. Откуда произошло слово «Ольхово» нам говорят предания наших предков. Низменность, лежащая на восток от селений, когда-то была вся покрыта ольховым лесом. Этот лес в виде уже мелкорослых и уродливых ольх сохранился в самом низком месте между селениями до периода затопления. Называли его по-местному «олешник». От названия дерева ольха и произошло название селений Ольхово. Вначале было название «Вольхово», а затем наши предки пожелали букву «в» отбросить, и в результате закрепилось за нашими селениями название Ольхово, которое дошло до наших дней.

История возникновения Ольхово, видимо, уходит в отдаленное прошлое. Точную дату возникновения Ольхово установить нельзя. Церковные записи Ольховской Казанской церкви сохранились только относящиеся к первой половине девятнадцатого столетия. Ближайший к Ольхово Леушинский женский монастырь по своему происхождению был моложе Ольхово, и в его летописи, естественно, нет ответа на интересующее нас событие.

На месте новой зимней церкви до 70-х годов прошлого века стояла старая церковь. Предание предков, известное мне от родителей, говорит, что разобранная церковь стояла несколько веков.

На кладбище Ольховской Казанской церкви до начала нашего столетия сохранялся памятник священнику Петру Богоявленскому, который умер в престарелом возрасте, в 1837 году. Он всю жизнь был священником Ольховской Казанской церкви. Следовательно, можно уверенно сказать, что

ольховская церковь и село Ольхово уже существовали во второй половине восемнадцатого столетия. Можно ли предполагать более ранние даты основания Ольхово? На этот вопрос нужно ответить утвердительно по следующим доводам. В 3-х верстах от Ольхово находилось село Николо-Выкса, лежащее не на реке Шексне, а на озере Никольское. Известный русский историк-фольклорист, исследователь древнерусской письменности Барсов Е.В. (1836-1917 г.г.) (См. Б.С.Э., издание 1970 г., стр. 44, 45), дом которого и его сестры Барсовой П.В. (начальницы женского епархиального училища в гор. Парычи Минской губ.) стоял на берегу р. Шексны в 1,5 верстах от Ольхово, издал труды об исчезнувшем Никольском женском монастыре. По его инициативе на месте большого монастыря была построена деревянная часовня, дожившая до нашего времени. Существовало предание, что одна из жен царя Ивана Грозного была сослана в упомянутый Никольский монастырь, где и дожила свой век.

Если учесть, что первые поселения в старину больше возникали на водных путях, то Ольхово перед Николо-Выксой имело преимущество.

Шексна исстари была торговым водным путем, по которой сплавлялся вниз на Волгу лес и деревянные непаровые суда, а вверх – хлеб и другие продукты тянули на мелких судах бурлаки.

По преданиям наших предков, переходившим из поколения в поколение, ковочное ремесло по изготовлению лодочных гвоздей существовало несколько веков и сохранялось до конца прошлого столетия. Кустари-кузнецы гвозди сбывали местным купцам-перекупщикам, которые продавали их судопромышленникам. Непаровые деревянные суда строились в 45 верстах, на верфях г. Череповца и других городов и селений.

При ковке гвоздей для горна применялся древесный уголь, который выжигался из местного леса в ямах, специально выкопанных в лесных массивах. Многие из таких ям сохранились до наших дней, покрытые густым вековым хвойным лесом. Таким образом, мы можем сказать, что возникновение Ольхово уходит в шестнадцатый, а возможно, и в пятнадцатый век нашей эры.

Село и деревня разбросались на небольшой (площадью около 5-6 квадратных верст) возвышенности.

Село состояло из нескольких улиц – двух главных, образующих букву Т. Самая длинная, свыше одной версты длиной, называлась Смирновская и имела дугообразную форму, подчиненную рельефу местности. Она делилась на два участка: первый из них, идущий от реки до соединения с другой главной («кресты») назывался «Богатый край». Здесь проживали богатые люди – Кабачиновы и Куликовы, а также мелкие лавочники – Афонюшкины («Пикал») и Махаевы («Патюшеня»). Второй участок

от Крестов и до границы с деревней Ольхово носил название «Рылово». Вторая главная улица Верещагинская была прямой, шла перпендикулярно первой с запада на восток и выходила на первую главную у крестов. К этим главным улицам параллельно их расположились несколько малых улочек, имевших по одному ряду домов. Эти улочки заселялись позднее главных, по мере роста населения и выделения из больших крестьянских хозяйств молодых семей, получавших дворича для застройки.

Деревня Ольхово состояла из одной главной улицы и нескольких коротких улочек с двумя и с одним рядом домов, идущих параллельно и перпендикулярно главной. Главная улица по условиям местности была немного изогнутой. На расстоянии одной версты от деревни на берегу реки Шексны, была деревня Черепаново, в состав которой входило три дома. Здесь жили мещане, не имевшие надельной земли на полях деревни Ольхово. Вверх по течению реки в одной версте от Черепаново стоял большой деревянный дом, принадлежавший когда-то мещанину Волкову Т., а позднее он был продан детьми Волкова Барсовой П., которая вместе с братом Барсовым Е. не жили в этом доме, дом или пустовал, или сдавался в аренду. После Октября был конфискован и использовался под медицинский пункт. Село выглядело более зеленым, чем деревня, особенно зеленой была Верещагинская улица. Это была зеленая аллея. Деревня построилась позднее села, да и пожар 1907 года уничтожил почти всю зелень. В селе и деревне вместе было 360-370 дворов с населением до 1500-1600 человек.

Село своим юго-западным краем подходило к реке Шексне, к ее правому берегу на расстояние 120-150 саженей. Деревня северо-восточным краем лежала от Шексны на расстоянии около одной версты. Примерно половина площади возвышенности была застроена, если включить сюда приусадебные участки и овины. Вторая половина была занята полями. Река Шексна имеет длину 425 км, она вытекает из Белого озера и впадает в реку Волгу у г. Рыбинска. На всем протяжении река судоходна, Ольхово стоит в 125 км от Рыбинска и в 45 км от Череповца вниз по течению. Река с южной стороны села делает большую излучину, в которой раскинулся красивый луг в длину до 3-х км и в ширину до 2-х км. Этот затопляемый луг имел общее название «Наволоок». Наволок состоял из нескольких отдельных покосных участков, каждый из которых носил свое название: «Затонище», «Гладкие», «Пески», «Загрива», «Передзаулки», «Заулки», «Востребово», «Хотинская». Участок «Заулки» в свою очередь состоял из ряда дугообразных, длинных возвышенностей («грив»), отделяемых друг от друга замкнутыми неглубокими речками («старицами») называемых: «Дубовица», «Иловица» и др. Каждый заулок имел свое название «Задубовье», «Осотлова», «Холст первый», «Холст второй», «Сквозная грива».

В западной стороне мыса («Наволока») лежали два озера, в которых водилась рыба – щука и карась. В наволоке крестьяне косили траву и собирали сено, сажали картофель, капусту, сеяли овес и лен. Рано весной и после уборки урожая, осенью, в наволоке пасли скот.

С восточной стороны селений из болотистых лесных районов, лежащих на север от деревни Ольхово, вытекала речка, не имевшая особого названия, и впадала она в реку Шексну около здания училища, с западной стороны села.

Весною во время половодья в речку заходила для нереста крупная рыба: щука, судак, лещ, язь, окунь, налим и др. Летом речка местами совсем пересыхала. Между Наволоком и селениями с восточной стороны лежала полоса луга для пастбы скота, которая шла на северную, заболоченную и лесную сторону, где была основная площадь пастбища. За пределами этого пастбища была опять возвышенность, расчищенная от леса, использовалась как полевая земля под названием «Кривая», лежащая в 3-х верстах от села и в 2-х от деревни. За пределами поля Кривая, в 3-х верстах лежало второе лесное поле Дора, на расстоянии около 6-7 верст от селений. Возвышенная часть пастбища, что находилась близ села и деревни носила название «Островец», служащая местом «сражений» молодежи села и деревни.

С западной стороны села между полями и рекой Шексной тоже был луг, именуемый «Дубровы» и «Заровная». «Дубровы» прежде были землей церкви и здесь крестьяне косили траву и собирали сено, а после Октября эта земля присоединилась к пастбищу. Это второе пастбище на юге граничило с огородом для посадки капусты, именуемом «Капустник», а на севере и северо-западе – с лесными массивами «Дубровское» и «Глупое». Первый мелкорослый лесок всегда был крестьянским, а второй – хороший хвойный лес до Октября принадлежал помещику Смирнову. За районом лесным «Глупое», примерно в одной версте от луга, была граница («Засека»), отделявшая владения соседней деревни Избишнево. За лесным массивом «Глупое», примерно в 3-х верстах от реки начинались земли, принадлежащие деревне Горловка. В 5 верстах вниз по течению Шексны лежали деревни – «Борки Власовы» и «Борки Брагины». За рекой Шексной с востока, юга и запада от селений были прекрасные заливные луга и смешанных пород леса, принадлежащие до Октября в наибольшей доле помещикам Журавлеву, Петошину и купцу Кабакинову. В южной части излучины река Шексна была до Октября границей между Новгородской и Ярославской губерниями и соответственно – Череповецким и Пошехонским уездами. После Октября и проведения нового районирования левобережная заречная земля перешла в Мясинский район Вологодской области, в который вошли и оба селения Ольхово. На заречных землях крестьяне

заготавливали сено и дрова. Ранней весной, примерно на месячный срок, за реку перевозили коров для выпаса. Заречные земли подразделялись на отдельные районы, каждый из которых носил свое название: «Ворсовское болото», «Гнилуха», «Бараниха», «Голуха», «Заулки», «Противы», «Чищеба», «Желудок», «Постради», «Намоина», «Солманское», «Долгое». В заречных лесах на вырубках было изобилие малины, а в холмистых местах хорошо произрастала смородина: черная, красная и белая. За рекою в южном направлении, на расстоянии 3-х верст от села находилось глубокое до 150 м. и богатое рыбой (щукой, окунями и др.) озеро Язвецкое, длиною до 25 верст и шириною около 300-500 сажень. На берегах озера гнездились утки, за которыми охотились местные охотники-любители.

В полутора верстах от села, с правого берега впадала в реку Шексну речка Выкса – славилась рыбой (щукой, окунем, плотвой, налимом и даже жерехом). Она протекала по красивой лесной местности, и в верхнем течении делилась на две ветви; левая из которых брала свое начало в большом Никольском озере (в 3-х верстах от дер. Ольхово у села Николо-Выкса), а правая – вытекала из болотистых лесов соседней деревни Избишнево (после Октября – Ленино). На правой ветви около дер. Избишнево стояла водяная мельница, на которой крестьяне окрестных селений мололи зерно на муку.

Берега реки Шексны, намываемые водой покрывались густыми зарослями ивняка, который крестьяне срезали на связки для изгородей, на изготовление корзин и на другие хозяйственные нужды. Девушки на этих берегах любили с песнями «драть коры» (сдирать кору с ивняка), а затем высушивать и сдавать оптовым скупщикам, а вырученные деньги тратить на наряды («басу»). Кору использовали в кожевенном производстве.

Нельзя не отметить мощи и красоты весеннего паводка реки. Уже в конце марта лед на реке темнеет, вздувается, а затем отрывается от берегов, образуя между ними и кромкой льда ленту воды, именуемую закраиной. Движение через реку на лошадях и пешком прекращается. Во время таяния снега вода в реке быстро поднимается, а вместе с нею и ледяной покров.

В первой половине апреля (по старому стилю) начинается весенний ледоход. Больше берега уже не могут препятствовать ледоходу, и лед с большим шумом и треском медленно начинает двигаться. Когда ледяной массив широких мест русла реки входит в более узкое ее русло, да еще на крутых поворотах, то он с гигантской силой врывается в берега, выворачивая большие глыбы еще не оттаявшей земли и образуя на поверхности низких берегов мощные бесформенные кучи земли, льда, деревьев и кустарника. Бывают моменты, когда движение льда на несколько минут

останавливается. Однако эта далеко неравная борьба двух сил заканчивается всегда в пользу ледохода. Лед, остановившийся в излучине реки, подталкивается все новыми и новыми мощными пластами, плывущими сверху реки, и ледоход вновь и вновь со страшной, нарастающей силой, с шумом и ревом продолжает развиваться. Ледоход проходит несколько дней с одновременным прибыванием воды, которая заполняет буквально на глазах огромные окрестные пространства. В наших краях разлив воды, при больших паводках, простирается по пойме на расстояния до 20-25 верст в правую и левую сторону реки. Паводок приносит на затопляемые земли неоценимый удобрительный материал ил, источник роста прекрасной

*Общий вид села Ольхово с восточной стороны.
Снимок сделан в 1933 году*

Пассажирский пароход «Гидротехник», плывущий вниз по течению р. Шкшны около с. Ольхово с западной стороны. Снимок сделан в 1933 году

луговой травы. Можно без преувеличения сказать, что природа описанного района была поистине живописной. Мощные хвойные, лиственные и смешанные леса, судоходная река, болота, озера окружали наши селения со всех сторон. В лесах водились медведи, волки, лисы, зайцы, белки, рыси, лоси и др. Зимой волки даже заходили в села. Еще больше было в лесах и на лугах птиц, как перелетных, так и зимующих. Из перелетных птиц гнездились грачи, скворцы, жаворонки, соловьи, ласточки, пеночки, утки и многие другие. Из зимующих лесных птиц были глухари, тетерева, куропатки, филины, совы, дятлы, кукушки и другие. Даже в зимнее время, заснеженные леса, поля и луга отличались неповторимой красотой. Правда, мощные снегопады, вьюги и снежные бураны причиняли людям немало хлопот. Снежные вьюги нередко свирепствуют не одни сутки подряд. Сугробы иногда достигают нескольких метров в высоту, закрывают собою окна низких изб и внешние двери, ведущие во двор. В такую пору люди расчисткой снега даже в пределах своего двора бывают заняты до половины дня. Еще труднее выезжать после больших буранов на лошадах по хозяйственным нуждам. Зимние дороги в соседние деревни окаймляют еще по мелкому снегу елками, чтобы можно их находить после снежных заносов.

Однако и елки иногда снег покрывает с верхушкой, и тогда приходится их откапывать и втыкать снова в снег. Только северный человек научился бороться со стихией суровой природы и выходить победителем.

ГЛАВА 2

НАСЕЛЕНИЕ (ТРУД, БЫТ, ПРАВЫ, ОБЫЧАИ)

Крестьяне до Октябрьской революции

В период крепостничества, то есть до 1861 года крестьяне с. Ольхово были крепостными двух помещиков. Около двух третей крестьян принадлежали помещику Смирнову, а одна треть – помещику Верещагину. Крестьяне дер. Ольхово принадлежали тем же помещикам Смирнову и Верещагину, и часть – помещику Воронову. Кроме того, в деревне проживала часть мещан, не имевших надельной земли: Черепановы, Волковы, Люшины.

Помещик Смирнов поблизости села не проживал и не имел усадьбы, а крестьянами управляли его уполномоченные – старосты. Помещик Верещагин Василий имел родовое имение в д. Пертовка, в 12 верстах от с. Ольхово. Его ст. сын, Николай Васильевич, первым в России начал вырабатывать сыр, проживал в другом родовом имении Верещагиных, в Тверской губ.. Средний сын Верещагин Василий Васильевич – знаменитый русский художник-баталист, погиб в 1904 году при взрыве броненосца «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым – командующим русской эскадрой в Порт-Артуре. Младший сын Михаил Васильевич, получивший от отца имение в деревне Пертовка, дожил в этом имении до Октябрьской революции. По сведениям, дошедшим до нас от наших предков, помещик-крепостник Верещагин Василий (отец) отличался известной жестокостью к своим крепостным. Во дворе его усадьбы экзекуции (наказание розгами) крестьян были явлением нередким. Моего деда Борина Нестора Ивановича, умершего в 1873 году, дважды пороли розгами на барском дворе по норме двадцать пять за каждый раз. После порки его приносили без сознания на рогоже, и после этого на продолжительное время человек терял трудоспособность. Такие экзекуции проводились часто в присутствии барина, который осуществлял контроль за действиями крепостных-экзекуторов, чтобы они не допускали сознательно только видимых ударов. В случаях установления барином таких «недобросовестных» действий экзекутор, провинившийся, ложился тут же на стол наказуемых и получал розги по заслугам. Крепостному Прохору Паланову по приказу барина Верещагина дали 40 розг, после чего он умер тут же на конюшне.

Кроме обязательных работ крепостных крестьян на помещика (три дня в неделю, а иногда и больше) крестьяне работали на сельскохозяйственных работах для себя на выделенных им землях. В зимнее время, когда полевых работ не производилось, они ковали гвозди в своих кузницах и сдавали

их местным богатеям-судовладельцам, строившим непаровые суда, а где их не было – перекупщикам. Крестьяне в эту пору жили крайне бедно. Их жизнь во всех отношениях принадлежала помещику. Даже браки совершались только с разрешения помещика. Священник не имел права венчать вступающих в брак, если не было у него письменного разрешения помещика-крепостника. Одежда крестьян того периода изготовлялась из домотканых тканей, как нижняя, так и верхняя. Последняя была из грубых тканей, в лучшем случае окрашенных в синий цвет, а поэтому и называлась она «крашенина». Обувь в летнее время была плетеной из бересты и лыка (лапти), а в зимнее время носили чуни (туфли глубокие плетеные из льняной или конопляной веревки). Шубы и валенки, а также сапоги были уделом немногих. Пища крестьянской семьи была весьма скудной. Она состояла из черного хлеба, овсяных блинов, картошки, капусты, грибов и ягод, да и то в ограниченных дозах. Белые пироги пекли только в большие праздники и только в более состоятельных семьях.

После отмены крепостного права материальный уровень жизни крестьян поднялся незначительно, а местами совсем не улучшился. За земли, перешедшие от помещиков к крестьянам – полевые наделы и усадебную оседлость крестьяне обязаны были отрабатывать барщину или платить оброк. Юридически крестьяне стали свободными, то есть вышли из крепостной зависимости. Теперь помещик не мог крестьянина телесно наказывать, отдавать в солдаты и т.д. Были сложены все обязательные и добровольные поборы, которые нес мужик: оброк или подати, ренту за землю священнику и помещику, все другие церковные поборы, общественные сборы (сборы местные на нужды крестьянской общины), чистые доходы в пользу сельских богатеев (купцов, лавочников), – все это отнимало у него более половины всех доходов.

В 1891 году в июле месяце (во время сенокоса) село на три четверти сгорело. Причиной пожара было неосторожное обращение с горящими углями домашней работницы священника отца Павла, которая вымела их во двор в незакрытом сосуде (в корчаге), что было для крестьян неожиданным бедствием. Полученные крестьянами страховые премии за сгоревшие постройки были крайне мизерными и явно недостаточными для их восстановления. За сгоревшие домашние вещи и сельхозинвентарь никаких страховых премий они не получили. В пожаре были случаи гибели детей и взрослых. После такого стихийного бедствия крестьяне на многие годы оказались в тяжелейших материальных условиях.

В мае 1907 года такая же участь постигла и дер. Ольхово, которая сгорела почти полностью. Причина пожара не была установлена, но подозрение упало на местного крестьянина Грехова Герасима, который затем

пожизненно терпел упреки, и за ним закрепилась кличка – «Поджигатель – Гараська Трус».

Сельскохозяйственные орудия труда, которыми пользовался крестьянин, были весьма примитивными. Знаменитая соха сохранялась в обиходе до Октября. Правда, уже в конце прошлого столетия плуг начал вытеснять соху, а к началу текущего – занял господствующее положение. Деревянная борона оказалась более устойчивой, чем соха. К Октябрю на вооружении хлебороба деревянных борон было больше чем железных.

Траву косили ручными косами. Первая конная косилка появилась, незадолго до Октября, только у купца Кабачинова, а рядовой крестьянин не мог о ней и мечтать. Обмолачивали хлеб ручными цепами («молотилами»). Первая конная молотилка, единственная на селе, была куплена сельским лавочником Бориным Е. («Ефимом Уховым»). Хлебные злаки жали ручными серпами, и только женщины. Нужно сказать, что это был для женщины поистине «египетский» труд. Мужчины косили только овес ручными косами, да и то далеко не все.

Земля была крайне бедной, на ней ни одна культура не вырастала без внесения в неё навоза. Единственной тягловой силой служила лошадь. Если крестьянин не имел лошади, то ему было существовать крайне трудно. Таких крестьян-бедняков безлошадников было до 25-30%. Семьи их нередко просто голодали. Весь сжатый хлеб и даже лен свозился для сушки и обмолота в овины (сушила). Чтобы заполнить овин, нужно было привезти и посадить три одра (вид повозки) хлеба в снопах. Целую ночь овин с хлебом сушили специальными сухими дровами длиной около 1,3-1,4 метра (овиньяками), обычно сучковатыми и плохо коловшимися. Обмолот производился рано утром (до рассвета) и продолжался около двух часов бригадой в составе 6-7 человек. Обмолоченное зерно отвеивали от половы (мякны) путем выбрасывания его ручной деревянной лопатой в воздух, чтобы ветер относил полову, а зерно падало на гумно (ток).

У того же лавочника была единственная на все село ручная веялка. Обмолоченная солома сносилась и складывалась в кучу (груды). Овин строился не на одно хозяйство, а на два, три, а иногда – и четыре. Сеялись на полях обычно три культуры: рожь озимая, ячмень и овес. Овес сеяли и на покосных возвышенных землях, так называемых – «гривах». Для посадки картофеля и капусты, кроме приусадебного участка, использовались специально отведенные земли в зоне покосных угодий и около овинов. В полеводстве господствовала до Октября трехполка: одно поле под озимой рожью, одно под ячменем и одно под парами. В каждом поле отводилась на хозяйство одна основная полоса, и одна – для маленьких на запольках. Собранное зерно хранили в амбарах, в засеках или бочках, мололи на муку

на ближайших водяных мельницах, овес толкли на ветровых толчеях. Из ржаной муки выпекали хлеб, из ячменной – пироги, а из овсяной – блины такие, что оставшаяся в муке половина при проглатывании царапала не только горло, но и ниже до конца пищеварительного тракта.

Полевой земли как в селе, так и в деревне было очень мало. Поэтому крестьяне издавна занимались расчисткой лесных массивов под поля. Эти земли лежали вдали от селений: «Глупое» – в 2-х верстах, «Кривая» в 3,5 верстах и «Дора» – в 7-8 верстах от села, в 6-7 верстах от деревни. Расчистка леса под поля была делом исключительно тяжелым, особенно тяжело было выкорчевывать свежие пни хвойных деревьев. Обычно работала на расчистке вся семья и лошадь. Часто от сильного напряжения рвались гужи и хомуты, а лошадь покрывалась пенистым потом. После удаления пней не менее трудной была первая вспашка. Почва оказывалась очень крепкой, заросшей плотным мхом, насыщенной корнями деревьев и кустарника. При вспашке вновь рвались гужи и хомуты, ломался нередко плуг, а для лошади была повторная баня от собственного пота. Первые два года урожай на распаханной лесной целине снимались слабые, так как почва была подзолистой, малоплодородной. Только после внесения в почву навоза подряд несколько лет, земля начинала приносить отдачу. Плохие условия для полеводства природа вознаградила более лучшими условиями для животноводства молочного направления. Окрестные заливные луга, лежащие по обе стороны реки давали прекрасное луговое сено для скота, и часть их использовалась под пастбища. Рано весной, примерно до конца мая, луга для скоса травы на сено, использовались под пастбища, как в наволоке, так и за рекой. За это время на лугах, отведенных под постоянные пастбища, трава вырастала, и скот перемещался на них на период до сентября месяца. После уборки сена, овса, картофеля и капусты в наволоке, скот вновь перемещался в наволок на срок до выпадения снега. В среднем один крестьянский двор имел 2 молочных коровы, но некоторые имели по 3 коровы, а малоземельные – одну. Были и безкоровники. Покосные земли были разделены на полосы соответственно душевым наделам («ревийская душа» – условная земельная мера, в каждом селении и даже в каждой общине своя).

Переделы полевой и луговой земли были редки, так как существовала частная собственность на землю. Переделы могли быть только по единогласному решению крестьянской общины. Такие переделы не уменьшали и не увеличивали количества земли в одной ревийской душе, но менялось место расположения полос (участков) земли. Сначала договаривались, кто в каком районе желает получить землю. Районы отличались друг от друга по природным условиям, а поэтому в каждом из них площадь земли,

выделяемая на одну ревийскую душу была разной. Так, например, в луговой земле учитывалось качество растущей травы и урожайность.

В каждом районе луг делился на «осьмаки», включавшие в себя 10-15 душевых норм, а в осьмаках – по крестьянским дворам с учетом душевых наделов. Между полосами, выделенными крестьянским дворам, устанавливались земельные знаки – «утины» (небольшое углубление в земле, производимое при помощи штыковой лопаты). Перед скосом травы, полосы одна от другой отделялись «бродом» (пеший проход по траве с одного конца полосы до другого). На конце полосы в утин вбивался кол с пучком травы на верхушке (веха), затем вбивался второй кол на середине межи. С начала полосы от утина рано по росе шел хозяин правой или левой полосы, ориентируясь на эти вехи и стараясь, чтобы брод был прямой. Умельцы этого дела обходились без промежуточной вехи, ориентируясь на какие-либо ветки кустарника, высокую траву на меже и т.п. При прохождении первого рядом с межою прокосива (ширина окашиваемой травы ручной косой за один проход) при объективном подходе к делу, косой выбирался только брод одной ноги («выбирай один лапотъ», так гласила народная справедливость). Ширина полос измерялась косьем (деревянная рукоятка косы), а доля меньше косья – замерялась ступнями ног, одетых в лапти, и поэтому называлась эта мера – «лаптем».

Полевые межи между полосами пропахивались плугом с помощью лошади. В некоторых селениях между полосами оставляли зеленые гребешки, именуемые «межниками». Для селений малообеспеченных пахотной землей, способ этот не применялся, как нерациональный. Лесная земля делилась только в пределах годовой потребности в дровах один раз в год в период первых заморозков осенью. Делянки на сруб определялись на сходках общины. Лесная делянка между «осьмаками», а внутри их по крестьянским дворам делилась так же, как и район луговой земли. Межи между «осьмаками» и крестьянскими дворами обозначались путем записывания (затеска коры топором) деревьев, стоящих на границе. Обычно при разделе леса выделяли таким богатеям, как Кулаков Н. Площадь сверх нормы – за особую денежную плату, которую тут же расходовали на водку для пьющих и на баранки – для непьющих. Любителям выпить часто не хватало такой дозы, и они добавляли на собранные свои гроши. Русский мужик любил по любому поводу отвлечься от тяжелого труда и повеселиться.

Последний передел луговой покосной земли был в 1911 году. По принятому общим собранием крестьянских общин решению этот передел дал некоторые преимущества крестьянам. Отдельные, более отдаленные заречные земли, как, например, «Солманское» были переданы крестьянам

дер. Ольхово, в обмен на другие их земли, лежащие ближе к селу Ольхово. Под покосы были разделены некоторые лесные земли (вырубки с молодым лесом), и их крестьяне обязались расчистить.

Проделать такую тяжелую работу могла далеко не каждая крестьянская семья. Поэтому расчищенной оказалось меньше половины отведенной под покос лесной земли. Хотя это был и хороший район по качеству травы, именуемый – «Голуха».

На лугах соседних росла трава пырей в рост человека, но эти луга существовали уже более 50 лет, и кочки на них почти полностью сравнялись (заилились при ежегодных паводках). На вновь расчищенной от леса земле были огромные кочки с растущей на них грубой, малосъедобной скотом травой. Между кочками трава почти совсем не росла. Таким образом, затраченный титанический труд крестьянина на чистку леса и старых пней, совершенно не оправдался. Нужно было бы еще выкорчевать молодые пни, раскокшить кочки, сравнять землю и засеять рано весной семенами пырея. Проделать такую тяжелую дополнительную работу крестьянин в одиночку не имел возможности, а технических средств в то время в нашей стране не производилось. Да, если бы они и были, то купить их он не имел средств.

Эту горькую правду мне пришлось видеть своими глазами, на примере отца и его некоторых соседей по этим покосам. Мой отец на вырубку леса и расчистку своей полосы затратил около двух недель, поистине рабского труда, а с этой полосы получил 25-30 пудов исключительно плохого, грубого и малосъедобного сена. Нужно заметить, что крестьяне, как полевую, так и покосную землю, обрабатывали неплохо. На покосных лугах не оставалось ни одной не скошенной, а на полях – ни одной не посеянной полосы.

Вторых укосов в нашей местности из-за короткого лета не практиковалось. Посев искусственных трав был крайней редкостью. Землю удобряли только навозом, а о минеральных удобрениях совсем не знали.

Рыбная ловля, как промысел, была развита слабо, хотя близость большой реки, Язвицкого озера и многих малых речек благоприятствовали этому промыслу. Систематически ловили рыбу для продажи только крестьяне из рода Куриловых – Иван (отец, по прозвищу «Ваня Горюч») и Петр (его сын). В летнюю пору у них всегда можно было купить живую рыбу из садка (судака, леща, щуку и даже стерлядь). Стерлядь продавалась на меру длины – вершок. Длина измерялась от хвоста до головы. Многие из крестьян занимались рыбной ловлей как любители, но при помощи промысловых снастей: бредней и морд (по-местному – мёрд). Бродили рыбу в мелких речках и озерах в теплое летнее время. Летом также при помощи мёрд

в речках и малых озерах – ставили язки (ряд мёрд, перегораживающих от берега до берега речку или узкое место в малых озерах). Развита была подледный лов в реке Шексне при помощи ворот – зигагообразных щитов из лапника ели, закрепляемых кольями ко дну реки, и с опускаемыми на кольях, вбиваемых в дно реки, мердами в зазоры стыков щитов. На крючок рыбу ловили преимущественно дети, подростки.

К числу забот крестьян относился также сбор грибов и ягод. Природа щедро одарила этими плодами окрестные лесные массивы. В 7-8 верстах от селений Ольхово, в прилегающих лесах к деревням Костино, Воротишино и Середнево, одна женщина в короткий осенний день набирала до 5 пудов брусники и немногим меньше – клюквы. Клюкву собирали и сдавали заготовителям на речную пристань р. Шексны – «Борки». Здесь погружали ее в суда и доставляли на фабрики и заводы для использования в красильном производстве и для производства экстракта морса, кваса и других прохладительных напитков. Широкие лесные массивы на север тянулись свыше 40 верст. Бывали случаи, когда заблудившийся человек оказывался бессильным выйти из леса и становился его жертвой. В этих лесах росло много засолочных грибов: груздей белых, серух, волнух и т.п. Засолочные грибы выезжали собирать на лошадях несколькими семьями. Лошадей оставляли на лесной дороге под присмотром одного-двух подростков, а все остальные уходили с большими корзинами в лес собирать грибы. Подростки, оставленные у лошадей, подавали сигналы ушедшим в лес громким голосом, а иногда и небольшим колоколом, что одевали на шеи коровам, которых по звуку легче было отыскать на лесных пастбищах. Обычно выезжали за грибами ночью, а к рассвету уже были на местах их сбора. За один день, то есть до вечера, пока грибы были видны, семья собирала столько грибов, что их хватало на всю зиму и весну. За день каждый человек выносил до 4-х больших корзин. Соленые грибы употребляли в пищу в разных видах, а больше их любили есть с овсяными блинами и в качестве закуски к выпивке.

В лесных массивах «Ворсовское болото», «Гнилуха», «Солманское» росло много малины, черной, красной и белой смородины, ежевики (по-местному – «куманики»). Сбор этих ягод был любимым занятием молодых женщин и девушек. Во время сбора раздавались их веселые песни по всему лесу.

В паводок обычно много плыло по воде полезного лесного материала, пригодного на ремонтно-строительные нужды и на топливо. Многие крестьяне, имея свои лодки, вылавливали (по-местному – «перенимали») плывущие материалы, выбрасывая их на берег, и в дальнейшем использовали в своем хозяйстве.

Никаких культурных очагов, кроме школы, в дореволюционное время в селениях не было. Народ держался в темноте и невежестве. Церковь вселяла в умы людей веру в бога и повиновение властям, а полиция воспитывала только дубиной и тюрьмой.

Но в сознании народа по отношению к несправедливым царским порядкам зрела ненависть. Первая русская революция заглянула и в наши родные края. Примерно в 3,5 верстах от селения, за рекой была усадьба, принадлежавшая помещику Журавлеву. До конца прошлого столетия в этой усадьбе жил управляющий именем Малышев В.И. Около усадьбы было много земли пахотной и луговой, а еще больше лесной. В усадьбе работали крестьяне селений Ольхово по найму. Платили за труд гроши. Мой отец, работая пелесовщиком (лесным охранником), получал зимою 3 рубля в месяц на готовых харчах (хлеб черный и картошка с постным маслом, а иногда только тюря). К 1905 году на усадьбе стоял большой пустующий дом управляющего и другие хозяйственные постройки. Местные крестьяне ночью сожгли усадьбу. Виновники поджога не были установлены и наказанию никого не подвергали.

Поджоги помещичьих имений были слышны тогда по всей стране. После поражения революции 1905 года царизм усилил жандармский режим над крестьянами. В 1906 году в село Ольхово был назначен на постоянную службу конный стражник (Николай Иванович). Человеком он оказался уживчивым с крестьянами. В праздничные дни нередко даже собутыльничал в кругу мужиков. Кроме своей службы, он занимался побочным сапожным ремеслом. Не было случая, чтобы кто-либо пострадал по его доносу. Даже молодежь не стеснялась нового стража и по-прежнему пела запрещенные песни на улицах села. Особенно частушки, подобные следующей:

*Бога нет, царя не надо.
Все правительство побьем.
Податей платить не будем,
Во солдаты не пойдём.*

В годы Столыпинской реакции жизнь крестьян не улучшилась, а ухудшилась. В большие местные, так называемые «пивные» праздники, по улицам села и деревни прогуливался не один, а три-четыре стражника, назначаемые на время праздника Череповецким полицейским управлением из других ближайших селений. Они расправлялись с подвыпившими довольно бесцеремонно. В такие дни арестантского помещения при волостном правлении обычно не хватало. Использовались для арестованных пустующие амбары, охранявшиеся патрулями из крестьян, назначаемыми

старостой села в помощь полиции. Однако любителей выпить из молодежи, порой пошуметь и подраться, не страшил и усиленный наряд жандармов. Памятен мне случай, когда за прославленным храбрецом Семеновым М. («Миходькой») погнались два стражника с обнаженными шашками. Однако ловкость, быстрота и смелость парня оказались неожиданными. Подпустив первого близко к себе, он изловчился и свалил его вниз головой в канаву, а от второго – убежал в огород соседнего дома, а оттуда – на луг. Этим поступком он еще больше завоевал славу смелого и храброго парня. В дер. Ольхово отличался хулиганством смелый и отважный парень Виктор («Вихтя»). Он на дороге между селом и деревней делал каблуком черту на песке и предупреждал, чтобы никто ее не переступал. В одной из драк он сложил свою голову. В праздники выпивали по обычаю и семейные мужчины. Они ходили группами по очереди друг к другу, напивались некоторые до бессознания и засыпали там, где последняя выпитая рюмка их укладывала на покой. На следующий день праздника выпивка и гулянка возобновлялись. Пивные праздники продолжались обычно два или даже три дня подряд. Вот они: «Смоленская» – 28 июля, «Воздвижение» – 14 сентября, «Дмитриев день» – 26 октября и «Модестов день» – 18 декабря. Не всегда мирно протекала жизнь между двумя общинами Смирновской и Верещагинской. В Смирновской общине существовал род Куриловых, а в Верещагинской – Палановых. Между этими родами издавна существовала вражда. В пьяном состоянии вспоминались прежние обиды, за которые у обиженных взрывалось чувство мести и начиналась драка. В таких драках уже участвовали не только Куриловы и Палановы, но и многие друзья и товарищи их по общине. В драках применялись не только дубины (колья), но и ножи. Известны не единичные факты нанесения друг другу побоев дубинам и ножевых ран. В одной из таких драк, например, был зарезан ножом молодой мужчина Шадрухин П., оставивший свою жену с четырьмя малыми детьми. Вообще, в нравах народов северных в Новгородской и Вологодской губернии удаль и отвага сложились исторически. Известно, что новгородцы не были завоеваны татарами, несмотря на неоднократные попытки нападения на них татар. Эти районы нашей родины, по числу только зарегистрированных хулиганств, как до Октябрьской революции, так и в двадцатых годах нашего столетия, занимали первое место.

В веселых компаниях любили прихвастнуть о своих достоинствах и возможностях. Наш добрый сосед из бедняков Атамонов Н. («Стрешок») жил скудными плодами своего сельского хозяйства, плел корзины из еловых корней и делал кирпич в ветхом балагане. Под хмельком он не раз говорил:

– Вчера у Кузьмы Егоровича Кабачинова «Фоминское» покупал; он

просил двадцать тысяч, а я давал пятнадцать, так и разошлись! – А у самого за душой копейки медной не было.

Рыбин Евграф из деревни Ольхово был большой шутник-лгун. Проезжая мимо группы односельчан он услышал возгласы: *«Евграф, соври что-нибудь!»*. Он ответил: *«Некогда врать, в поле попали Никольские коровы»*. Все бросились спасать посева, а там никаких коров и не было.

Малышков П. («Прошка Легкой») любил похвастать важностью раз выполненных им обязанностей конвоира во время солдатской службы.

– Когда я служил в конвойной команде, так сноральских (генеральских) дочек водил под конвоем. Какие это, братцы, были красавицы, а арестовали их за политику. Офицер, начальник караула, мне сказал: «Если, Малышков, они убегут по дороге, то ответишь своей головой!» Когда я их повел, так у меня задрожали колени и забилося сердце, как у овечки хвост. Я в дороге смотрел больше не на их красоту, а на изящные ножки. Мне казалось: вот-вот эти ножки пустятся наутек, и пропала моя головушка не за нюх табаку. К счастью, мои красавицы сжалились надо мной и меня не подвели под монастырь. Офицер поблагодарил меня перед строем и сказал: «Молодец Малышков. Берите с него пример, главное – помните, куда нужно смотреть во время конвоя красивых барышень».

Один раз его подвела своя родная мать. Получив от Прохора из армии письмо, в котором он писал, что получил новое назначение – чистит теперь клозеты. Неграмотная женщина, не зная, что такое «клозеты», и соседям сказала с гордостью: «От Прошки письмо пришло, пишет, что его чином повысили. Теперь он клозеты чистит!» Эта новость быстро стала известной всему населению и переходила из поколения в поколение.

Галанин Ф. («Федя бык») мужик был высокого роста и хорошо сложен. Очень любил блины овсяные, уничтожал их до тридцати-сорока штук за один присест. У него была ветряная мельница («толчея»), на которой он толк овес на муку всему населению и за работу брал овсяной мукой. Поэтому он и оказался невольно большим любителем блинов. Приехав однажды в г. Череповец на базар, чтобы купить для телеги колеса, с продавцом их вступил в оригинальный спор. Он сказал продавцу: «Если я за одну минуту сделаю подряд сорок звуков неречевым аппаратом, то отдашь мне скат колес бесплатно? Продавец согласился, думая, что это шутка. Наш «герой» тут же безукоризненно выиграл пари и забрал скат колес без оплаты. Дело было при свидетелях, и продавец вынужден был выдать выигранный товар, но попросил открыть ему секрет своего искусства. «Дело простое, – сказал Галанин, – ешь по сорок овсяных блинов с солеными грибами зараз и легко овладеешь моим секретом!»

Мудрый и оригинальный был мужик в деревне Ольхово Афонин Т.

«Фиёфанович». Он никогда не ездил на телеге или одре обычной, принятой в нашей местности, конструкции, а обязательно сделает телегу замысловатой формы. Люди называли его телегу колесницей Ильи-пророка, а позднее стали называть аэропланом. Любил рассказать, как его отец, приехав однажды в Вахново (за 25 верст) за шинным железом, подал приказчику не ордер на получение железа, а успокойную записку. Ему не только железа не отпустили, но и надсмеялись над ним. Пришлось вернуться домой за ордером, т.е. проехать 50 верст напрасно. Возвратившись домой, он напал на свою жену, которая рано утром, отправляя его в дорогу, вынула из-за киоты (рама для икон) вместо ордера успокойную записку, а он, не посмотрев, положил ее в кошелек с деньгами. Заканчивал этот рассказ пословицей: «Дурака работа любит!». Подобный случай повторился и лично с ним. Весной 1917 г. он погрузил самовольно на сенопрессовальном пункте в дер. Ольхово два воза прессованного сена и привез на речную пристань в село Ольхово. Там сено не приняли (из-за дождя погрузка в баржу не состоялась), и он вынужден был отвезти его обратно на сенопрессовальный пункт, где от администрации пункта вместо денежной оплаты получил выговор. На смех народа он отвечал острой шуткой-поговоркой: «От дурной работы не будешь богат, а станешь горбат!»

Зная, что он любит острую шутку, группа подростков решила его напугать. В отверстие большого ключа набили головок от спичек и забили пыж. Сделали на боку прорезь для затравки теми же спичками. Поздно темным осенним вечером выезжал из наволока на своем «аэроплане» Фиёфанович, и когда он поравнялся с ребятами, они подожгли затравку, но выстрела не получилось, а была только вспышка затравки. Заметив неудачу у ребят, он громко сказал: «Что вы, ребята, так... и заняли!»

Наш сосед Махаев Яков отличался большой скупостью и особенно не любил цыган. На просьбы цыган дать клочок сена отвечал: «У меня сено только про себя!» На назойливых попрошаек брал кнут и выгонял из дому. Любил париться в жаркой бане до такой степени усердно, что его неоднократно приносили в костюме Адама на рогожке без сознания и оживляли нашатырным спиртом. В печке бани камни раскалялись докрасна и оплавлялись. От высокой температуры не терпели кисти рук, и он парился в рукавицах, которые сжимались на руках так, что их приходилось затем разрезать овечьими ножницами, чтобы освободить руки. Баня от чрезмерной топки неоднократно загоралась. Пожарный надзор, наконец, запретил ему строить баню на своем дворыще, а указал место в поле, за 150 метров от жилья, где она вновь загоралась. Не менее усердно он любил сушить хлеб в снопах на своем овине (сушило). В каменку (печку) заваливал до полной вместимости крупные березовые сухие дрова («овиньяки»), которые при

сгорании создавали такую температуру, что плавился на своде кирпич. Вскоре беда пришла и сюда, один овин с хлебом сгорел дотла.

Город Рыбинск, что стоит при впадении р. Шексны в Волгу, издавна славился выпечкой баранок. Достаточно разломить один такой баранок и опустить в стакан с чаем, как через пару минут чая в стакане не останется. – его впитает в себя баранок. Рано утром до рассвета пароход, идущий рейсом Череповец – Рыбинск, доставил уже знакомого нам «героя» Галанина Ф. («Федю быка») с односельчанином Карышовым Д. (по комплекции не уступающим своему другу) в гор. Рыбинск. Друзья приехали на осеннюю ярмарку и, по обычаю русскому, заглянули в чайную попить чайку с рыбинскими баранками. Заказали чай на двоих с сахаром, а баранки принесли с собою. По тогдашнему обычаю, оплачивался в чайных чай, заваренный в маленький чайник, и порция к нему сахара, а кипяток подавался бесплатно и без ограничения в чайниках вместимостью около 6 стаканов. Друзья приступили к делу и чаевничали около двух часов. Когда было выпито уже 11 чайников кипятка и дан сигнал официанту (половому), то он, взглянув на наших посетителей с недовольством, к ним не подошел. Тогда один из них не поленился и принес двенадцатый чайник, который и был последним.

На нашей родине, да и вообще на севере, чай пить любят и пьют его из самоваров минимум два раза в день. Солидный мужчина, да еще после парной бани, может выпить до 30 чашек чая за одно чаепитие, и это не редкость.

Человек издавна борется с природой всеми разумными средствами. Так поступал и один из трудолюбивых, но очень крутого нрава, крестьянин Катышев П. («Проня Симанов»). Производя уборку сена на лугу в стог в ветреную погоду, он не мог сдерживать гнева на ветер, который все время разносил по лугу сено, поднятое вилами для подачи на стог, и его приходилось снова сгребать. Он в неравной борьбе с ветром пустил в ход сразу два орудия. Первое – вилы, с которыми после подачи каждого навильника бежал навстречу ветру, как солдат в штыковом бою с винтовкою в руках, а второе орудие – это мат, произносимый во весь голос. Но, к сожалению, все его старания, гнев и возмущение не достигали цели в борьбе со стихией природы. Эта сцена для ближайших соседей по лугу была интересной и забавной, и они охотно делились увиденным с другими односельчанами.

Среди трудолюбивых крестьян редко встречались и просто лентяи. Такая кличка закрепились по селу за крестьянином Карчуговым И. Он со своей женой Татьяной «Климихой» траву на покосных землях обычно не косил, а продавал и скота не держал. Естественно, что жить ему было

трудно, имея троих детей. Одну и ту же полосу травы он ухитрился продать еще в зимнее время и не одному, а двум покупателям. Когда купившие траву приходили косить, то, естественно, возникал скандал. На жалобу купившего, которому травы уже не оставалось, продавец отвечал просто: «Прости, друг! Вышла досадная ошибка! Денег у меня возратить тебе нет, а траву мою отдаю на скос в следующем году». Покупателю ничего не оставалось делать, как согласиться.

Работая на стройке шлюза и плотины рассыльным (курьером), он получал небольшую заработную плату и вынужден был постоянно просить авансы, а когда наступало время получки, то ему на руки денег не причиталось, он вновь шел к начальнику строительства – инженеру Кострову за авансом и вновь повторял прежнюю фразу: «Иван Николаевич, это будет в последний раз!» Но этот последний раз наступил только перед последней его получкой на этой стройке.

Подобно Карчугову И. ближайший наш сосед Атамонов С. всегда был должником в сельском кооперативе. Когда ему доверенный или приказчик кооператива напоминали об оплате долга, то он охотно соглашался уплатить долг, но никогда не платил полностью и всегда оставался должником. Правда, здесь причина иная, чем у Карчугова. Атамонов С. был трудолюбив, но имел большую семью и мало земли. Это был настоящий бедняк, честный и добросовестный работяга.

Малоземелье и рост населения на нашей родине порождали избыточные, не занятые рабочие руки, которые вынуждены были покидать родные места в поисках работы. Молодые и не обеспеченные землей крестьяне уезжали в Сибирь в поисках лучшей жизни. Но и там не всем удавалось прижиться. Некоторые, истратив свои последние пожитки, измученные, полуголые и голодные возвращались на родину-мачеху.

Особенно тяжела была в отдаленном прошлом доля женщины. Она в семье занимала бесправное, подчиненное мужу, положение. Главой семьи был мужчина. Многие семьи были большими, включающими два, три поколения. В этих семьях главой был дед, которому и подчинялись семьи сыновей и даже внуков. Из больших семей сыновья женатые и имеющие уже детей часто выходили, получая так называемую долю – домашний скот, инвентарь, а иногда – и полнадела или надел земли. К сожалению, им жить было очень трудно. Многие работали летний сезон на водном речном транспорте (ходили на судах), а женщины, особенно девушки, работали на кустарных маслодельных заводах в деревнях, порой далеко от родины. Такие кустарные маслодельные заводы были и в обоих селениях Ольхово. Они были оборудованы сепараторами, маслобойками и отжимными столами с ручными приводами. Заводы принадлежали до организации сельского

кооператива частным предпринимателям. Несмотря на примитивность применяемой техники, на кустарных маслодельных заводах вырабатывалось сливочное масло высокого качества, благодаря хорошему фуражу – сену, полученному с местных заливных лугов.

При всех благоприятных и неблагоприятных условиях большинство крестьян жили исключительно бедно, а самая бедняцкая часть, особенно безземельные и малоземельные, просто голодали.

Вернемся к положению женщины в семье. Женщина несла на своих плечах титанический труд. Она была матерью, воспитывающей своих, а часто и чужих детей, вела по дому все хозяйственные работы: выпекала хлеб, кормила скот, доила коров, стригла овец, готовила пищу для семьи, убирала жилище и т.п. и т.д. В летнюю пору косила на лугу, убирала сено, жала хлеб, дергала лен, обмолачивала хлеб, слала лен на луг, убирала его, трепала и чесала. Зимой – пряла, мотала пряжу, ткала на ручном станке (кросна) прекрасные ткани и шила из этих тканей одежду на всю семью. Даже после отмены крепостного права часто согласия девушки на брак не спрашивали. Решали этот вопрос родители и другие родственники. Существовал обычай увода или увоза девушки тайком от ее родителей. В таких случаях девушку называли «самоходка», и это название закреплялось за нею на всю жизнь.

В семидесятых годах прошлого столетия в нашем селе произошел такой случай. У родителей было несколько дочерей. Старшая, не привлекательной наружности, носившая очки, не имела успеха среди женихов и дожила до критического возраста. Вторая дочь была значительно более пригожая, и ее посватали раньше старшей. Такой брак назывался «прыжок через огород (изгородь)». Состоялась помолвка (выпили вино), а затем предстоял обряд венчания и свадьба. Старшая дочь переживала такой удар по ее незавидной репутации страшно мучительно. Разделявшие горе старшей дочери родители пошли на жестокий обман жениха. Они нарядили под венец вместо высватанной младшей старшую дочь. Под вуалью нельзя было видеть ее лицо, да еще и без очков, в которых ее привыкли все видеть. Так и прошел обряд венчания. Только приехав из-под венца в дом жениха, невеста открыла свое лицо. Тут произошел невероятный скандал. Жених пытался отказаться от новобрачной, но было уже поздно. Переговоры родителей и ближайших родственников с обеих сторон закончились примирением. Они решили, что такая, видно, у новобрачных судьба, и уговорили молодых смириться с «роком своей судьбы». Это примирение было продиктовано не только судьбой, но и железным законом церкви. Ведь новобрачные перед крестом и евангелием при божьем свидетеле – священнике поклялись быть верными друг другу до конца своих дней. Описанный случай имел место

с невестой, по имени Надежда, дочерью псаломщика из соседнего села Николо-Выкса и женихом Кисточкиным Иваном (из крестьян села Ольхово, позднее служившим урядником в полиции). Новобрачные прожили долгую совместную жизнь и имели нескольких неплохих детей.

Нам, современникам, это событие покажется легендарным или сказочным, а в старину оно вполне укладывалось в рамки законов и обычаев того времени. По тогдашним церковным законам разойтись супругам, т.е. оформить развод юридически было просто невозможно. Уместно здесь напомнить, как гениальный русский полководец А.В. Суворов полжизни потратил на оформление развода с распутной женой. Он неоднократно обращался во все церковные инстанции и даже в высшую – Святейший синод, но и там не нашел положительного отклика.

В деревне не было разводов даже фактических. Не было, так называемых гражданских (по-тогдашнему – незаконных) браков. Попадая в большую бедную крестьянскую семью, жизнь для женщины становилась тяжким бременем. Она вынуждена была поистине нести тяжелый крест, свято сохраняя супружескую верность. Терпеливо принимала на себя побои не только мужа, но и его родителей (свекра и свекрови). В деревне нередко можно было слышать такую поговорку, – «Это не мужик, который бабу не бьет!» или еще сочнее: «Какой он мужик, если его баба бьет!»

Образцом изверга и женоненавистника слыл в нашем селе Семенов С. («Степа Ляпа»). Первую жену побоями довел до преждевременной смерти. Вторую жену во время ее беременности выбросил из окна второго этажа своего дома на землю. Напрасно она просила о помощи ради спасения их ребенка. В убийце не проснулось чувство человека. Третью жену Марию И., работая с нею на поле, вдали от села, вечером раздел донага, связал веревкой руки и ноги и спиной привязал к дереву, а сам уехал домой на лошади и не возвратился. Женщина испытывала невероятные муки. Она не могла даже защищаться от укусов роя насекомых. Напрасно пыталась кричать о помощи, на поле уже никого не было (поле «Дора» в 10 верстах от села). Только перед рассветом ценой нечеловеческих усилий ей удалось с помощью зубов освободиться. Освободившись, она не могла нагая возвратиться в село и пошла на ближайший берег реки, на замеченный издали огонек, в надежде встретить там людей. Подойдя тихо к костру и спрятавшись за ветви кустарника, она подала голос помощи сидевшим у костра ночным рыбакам. Объяснив людям свое положение, просила дать ей что-либо из верхней одежды. Один из них снял с себя и бросил ей рваный плащ, в котором и дошла она до дому. К ее удивлению ее «благочестивый» муж-инквизитор в это время беззаботно спал, наполняя дом громким храпом.

Второй «герой» Макаров П. («Пронька Кудрин») будучи человеком даже грамотным, под хмельком любил поиздеваться над своей женой Татьяной не менее бесчеловечно, чем прославленный « Степа Ляпа». Придя домой после очередной выпивки, заявлял: «Таня, что моя нога говорит?»

– Кланяться велит, Прокофий Абакумович, – отвечала жена, и тут же падала ему в ноги. А «верный» муж в это время наносил удар носком сапога ей в зубы. Примерно к 35-40 годам она не имела во рту ни одного переднего зуба.

Другой раз подвесил жену за ноги на веревке к потолочному брусу (матице), так чтобы голова и руки не доставали пола. Крики ее о помощи были услышаны на улице, откуда прибежали в избу люди. Только через несколько минут ее освободили от веревки, когда жертва уже потеряла сознание.

Еще более бесчеловечную кару учинил над женой в лодке при переезде через реку Шексну, будучи сам в трезвом состоянии. Он столкнул жену с лодки в воду, а когда она стала цепляться за весло, старался тем же веслом давить на ее тело. Погрузившись с головой в воду, жена в воде стала креститься, готовясь к смерти. Только в этот момент проснулось в тираническое человеческое чувство, и он помог ей выбраться из воды в лодку.

Удивительно то, что эти, мягко говоря, истязатели, а вернее – преступники, никогда не привлекались к уголовной ответственности и не несли за свои бесчеловечные поступки должных наказаний.

Крепостная женщина Паланова Варвара после рождения сына по имени Тимофей, по приказу барина Верещагина В. была взята на срок около года кормилицей его родного сына по имени Василий. Она была привезена в имение барина в д. Пертовка (в 12 верстах от Ольхово) жить на барских харчах, без права свидания со своим ребенком, мужем и другими родными. Свой ребенок Палановой В., лишенный грудного материнского молока, вскоре умер. Через полгода муж кормилицы Паланов Ефим пришел в барскую усадьбу с целью повидать жену, но барыня не разрешила свидания, боясь расстройства кормилицы, и как следствие – потери молока. Тогда муж пошел просить свидания у барина и поклонился ему в ноги. Барин разрешил только взглянуть на жену через стекло кухонной двери, так чтобы жена его не видела. После окончания срока кормления Паланова В. возвратилась в семью к мужу, но своего ребенка, который погиб ради жизни барского дитя, уже не увидела. На прощание барин с барыней, отличавшиеся жестокостями к крепостным, на сей раз оказались «милостивыми», облобызали оба кормилицу. Барин послал с нею на имя мужа Паланова Ефима записку, примерно следующего содержания: «Я, помещик Верещагин В., за хорошее кормление грудью моего сына Василия твоей женой Варварой дарю тебе,

Паланову Ефиму, в собственность водяную мельницу на два постава, что стоит на речке Выкса близ села Ольхово».

Так простая крепостная женщина, сама не ведая в то время, вскормила своей грудью (сделала больше чем родная мать), ребенка Верещагина В.В., будущего знаменитого русского художника-баталиста, картины которого известны всему миру, как выдающиеся произведения русской живописи второй половины прошлого столетия. Нужно сказать, что художник В.В. Верещагин не мог не видеть жестокостей отца по отношению к крепостным и не раз обвинял его. Позднее совсем покинул отцовский дом.

Потом стало известно, что «барская милость» была вынужденной. Мельница барская последние годы не давала дохода. Каждую весну плотину разрушал паводок, и ее приходилось вновь восстанавливать. Плату за помол муки крестьяне опускали в запертый замком железный ящик, прикованный к стене мельницы, в присутствии мельника Паланова Е. Раз в месяц приезжал управляющий, отпирал ящик и забирал деньги. Паланов К. в период работы мельником при помощи специального приспособления научился извлекать из ящика часть денег лично для себя. Видимо и управляющий при каждой выемке денег часть их прикарманивал для личных нужд. Барин Верещагин В. выражал недоверие управляющему, а не мельнику. Вот эти то обстоятельства и вызвали «барскую доброту», то есть понудили его сделать красивый жест – подарить мельницу мельнику Паланову Е. Паланов Е., самостоятельно эксплуатируя мельницу, тоже испытывал материальные затруднения. Плотину мельницы паводки продолжали ежегодно разрушать и, наконец, разрушения в один из паводков оказались роковыми. Плотину снесло полностью до основания, а вместе с ней и устройство под жерновами, потому мельницу пришлось закрыть и использовать постройки для других хозяйственных нужд большой семьи (у Паланова Е. было шесть сыновей и одна дочь, не считая умерших в детстве).

Так хочется сказать словами великого русского поэта Н.А. Некрасова:

*Баба порезала ноженьку голую,
Некогда кровь унимать,
Доля ты русская, долюшка женская,
Вряд ли труднее сыскать.*

Сватовство девушки проходило чаще без присутствия жениха и даже невесты. Если родители девушки сватам отказали, то говорили, что жених «протачил шеста», и ночью у него дома ставили длинный шест с пучком сена или соломы на верхнем конце.

Деревенские свадьбы были подчинены строгому ритуалу, а поэтому следует

сказать о них побольше. Свадьбе предшествовала помолвка (пропивание), на которой присутствовали жених и невеста и их ближайшие родственники. На помолвке обычно невеста давала жениху «задаток» (хороший платок, шарф и т.п.). В случае отказа невесты выйти замуж, жених имел право задаток не возвращать. Если жених отказывался от невесты, то он возвращал задаток невесте в обязательном порядке. Если невеста из села выходила замуж в другую деревню, то при следовании новобрачных из-под венца они сталкивались по дороге с препятствием (перегораживали дорогу бревнами). Процессия останавливалась, и жених обязан был заплатить выкуп. Коли выкуп любителям выпить казался недостаточным, то начинались торги о сумме выкупа, иначе дорогу не освобождали. Накануне свадьбы от невесты к жениху привозили приданое, которое состояло из одежды, обуви и других предметов домашнего обихода, а иногда и домашних животных (коровы, телки и т.п.). У «богатой невесты» приданого иногда бывало так много, что ей хватало на десятки лет замужней жизни. В деревне праздничные наряды одевали только по праздникам и при выезде в гости к родным, живущим в других селениях. Галоши носили обычно в сухую погоду, чтобы не сбивался с них лак, и не теряли они блеска. Одной пары галош хватало на два поколения (галоши матери переходили в приданое дочери). Свадьба начиналась у жениха (первый день), а затем перемещалась к невесте (второй день) и заканчивалась у жениха в третий день (отводины). В этот день гости одевали маски, маскированные костюмы и гуляли по улице с песнями и плясками. На свадьбе рядом с женихом сидел крестный отец, а рядом с невестой – крестная мать. Руководил пиршеством «дружка», уполномоченный родителями жениха, а у невесты – родителями ее. На столы подавались в неограниченном количестве водка, пиво, закуски. После нескольких выпитых рюмок гости кричали «горько», и новобрачные целовались после каждой рюмки. Захмелевшие гости пели хором свадебные песни, как старинные, так и современные. Такие, как: «По Дону гуляет казак молодой», «Бывали дни веселье», «Уродилась я как в поле былинка», «Чудный месяц плывет над рекою», «Зачем ты безумная губишь?», «Не брани меня родная» и др. Любители плясать выходили на свободное место и пускались в пляс.

Больше всего плясали «русского». Девушки и молодые женщины во время индивидуальных плясок пели частушки, порой, самого похабного (недозволенного) содержания.

Ужин начинался втаскиванием с помощью веревки гостями пирога большого размера – блинника. Тащили с пением песен, вроде «Дубинушки», как припева при тяжелой коллективной работе. Внешне это выглядело так, как будто тащат груз весом в десятки пудов. Выпить на свадьбе любили и зрители, которых всегда приходило много (заполняли избу до отказа). В се-

ни избы выставляли большую посуду, наполненную пивом, которая называлась «выставка». Если одной посуды было мало, то просили повторить.

Русско-японская и Первая мировая войны отвлекли от своих семей многих молодых мужчин в возрасте до 40 лет. Положение оставшихся женщин и детей было исключительно тяжелым. Многие из воевавших не возвратились в родные края. К числу невозвратившихся с этих войн относятся: Лахаев С., Пармонов К., Костырев В., Галанин В., Савушкин М. и др.

Дети и молодежь – до Октября

Крестьянские дети рано пользовались свободой от своих родителей не потому, что родители желали воспитывать в них самостоятельность, а в силу того, что они не имели возможности за ними следить. Особенно рано дети получали свободу в многодетных семьях. В лучшем случае за ними присмотр вели старшие братья и сестры. Одежда крестьянских детей была крайне простой, из домотканой ткани, и состояла она в летнее время только из рубашки и штанов. В зимнее время в качестве нижнего белья носили домотканые панталоны (портки) из белой ткани, а рубашка была та же, что и летом. Верхней одеждой в зимнее время был пиджак или пальто из хлопчатобумажной ткани на вате или куделе и верхние штаны из крашеной, грубой ткани. Летом никакой обуви не носили, а зимою валенки имели дети далеко не во всех семьях. Головных уборов летом дети не носили, а зимою они довольствовались старыми, весьма поношенными шапками взрослых. Летние штаны матери шили из грубой крашеной ткани (тканины). Когда такие штаны надеваешь первые дни, то сидеть в них спокойно невозможно.

Летом холщевые штаны носили бесценно до самой осени и сдавали матери только верхний пояс (опушку) от них, а все остальное было похоже на лохмотья. Излюбленным местом наших игр и купаний была река Шексна. В возрасте шести-семи лет все ребята уже могли плавать, нырять в воду, ездить самостоятельно в лодке, даже на другой берег реки. Дети, проживавшие на улице, называемой «Рылово», купались в маленькой речке и в ее заливах, по названию «Залой». До берега реки Шексны им было ходить далеко. Не обходилось дело и без утопленников, но, к счастью, это были редчайшие случаи.

В полуверсте на север от села был кустарниковый лес, называемый «Дуброское». В этом лесу много росло ягод морошки и голубики (гоноболь). Этот лесок нам нравился тем, что в нем нельзя было заблудиться. При потере дороги достаточно взобраться на высокую кочку, и будет видна своя колокольня. Мы начинали посещать этот лесок с шестилетнего возраста. Отправлялись в лес за ягодами группами в 5-6 человек. Среди нас был

старший лет семи по имени Миша Трошин. Его мать, провожая нас, давала такой наказ: «Сойдите, по красшку походите, наберите по кружечке и пойдите домой». Она была не из нашего селения и говорила на своем диалекте. Часто употребляла слово «родимец», и поэтому ее прозвали «Родимая». Мы, конечно, ее наказ грубо нарушали. Войдя в лес, прочесывали его до самой границы (засеки) леса соседней деревни Избишнево. Обычно во время сбора ягод сначала досыта наедались, а затем уже собирали в корзинку. Не боялись мы съездить за малиной и смородиной за реку Шексну, но чаще не для сбора в корзинки, а просто покушать ее до объедения. В более старшем возрасте наш лесной маршрут лежал вниз по правому берегу реки Шексны до лесного массива «Глупое». Часть этого массива, прилегающая к реке, изобиловала белыми грибами, подосиновиками, моховиками, рыжиками и другими. Обычно мы поднимались в поход до рассвета. К началу рассвета уже входили в лес, лежащий примерно в версте от края села. Между нами шла борьба (соревнование) за сбор наибольшего количества только белых грибов, а все другие породы грибов мы не считали. В годы урожайные в возрасте 10-11 лет нам за одно утро удавалось собрать до ста штук, и даже более, белых грибов.

Рыбу ловить мы любили в детском возрасте не в реке Шексне, а в речке Выксе, где поймать ее было значительно проще, хотя рыба была по качеству хуже шекснинской. Ловили больше на крючок: окуня, плотву подъязка, а на жерлицу (на живца) – щуку. Рано весной, по высокой воде хорошо брала щука на дорожку (на длинной леске). Дорожку пускали в воду за кормой лодки, а леску (метров 30 длиною) держали в зубах, а в руках было одно весло, при помощи которого управляли лодкой. Если живца на крючок поймать было трудно, то в теплое время за ними ныряли в воду и ловили их руками под колобинами (упавшими когда-то деревьями). Особенности речки Выксы заключались в том, что она имела большие глубокие омуты (до 80 метров в диаметре и до 10-15 метров глубиной), где рыбе отлично жилось в жаркую погоду и в зимнюю пору подо льдом. Летом плес мелел, и местами его можно было перейти вброд. Когда щука попадалась на крючок и уходила вместе с колом и крючком на середину омута, тогда приходилось раздеваться, подплывать к ней и тащить за собою к берегу. Такое состязание было порой нелегким, особенно когда щука попадалась крупная.

Особенно забавлял нас способ ловли при помощи морд (мёрд) и ботал. В мелком месте, на плесе около омута, речку у берегов заваливали кусками земли – дерна, в середину ставили морды плотно одна к другой, прижимая каждую крупными кусками земли, чтобы не снесло их течением воды. После этого заходили в другой конец плеса, вставали в поперечный ряд и большими палками (боталами) били по воде, громко шумели и

медленно двигаясь к мордам, загоняли в них рыбу. Этот способ, хотя и был варварским, но всегда удачным в смысле улова. Интересна была ловля сачками в речке с восточной стороны села весной, когда рыба после нереста уходила по ней в Шексну.

Самым памятным периодом нашей детской жизни на реке Шексне были ночи, проведенные у костра, в ожидании вылета из берегов бабочки-полуденки (метлицы). Массовый вылет (валка) продолжался одну-две ночи. Этому вылету ночи две предшествовали с малым вылетом и две ночи с таким же малым вылетом – после массового вылета. Бабочки выползали из суглинистого берега и летели низко над водой, бороздя длинным, вилкообразным хвостом поверхность воды. Это было великолепное, незабываемое, неопишуемой красоты зрелище. Река как бы пробуждалась от спокойного сна и настолько оживала, что можно было с большим наслаждением любоваться ее очаровательной красотой до полного рассвета. Рыба из глубин поднималась на поверхность, прыгала вверх, хватала бабочек в воздухе и падала в воду, образуя шумные всплески воды, напоминающие звуки удара лопаты по зеркалу воды. С большим удовольствием любясь неповторимой и живописной картиной природы, мы набирали бабочек на берегу целые сумки, чайники и с восходом солнца уходили домой. Первый день бабочек использовали для насадки на крючки в свежем виде и ловили рыбу в реке Шексне на удочки и на перемет. Перемет – это тонкая веревка с большим камнем на конце, имеющая от 30 до 70 поводков длиной в 25-30 см. с крючками на концах, забрасываемая при помощи лодки в реку перпендикулярно берегу. Береговой конец перемета крепится к колу забитому в землю. Для насадки бабочек и съема пойманной рыбы с перемета пользовались лодкой и подсачкой, держась за веревку при следовании. На второй день бабочек высушивали на солнце, и в сухом виде они сохранялись до конца летнего сезона, служа насадкой для ловли рыбы на крючок. Излюбленным местом ловли рыбы на Шексне был район рвов (балок), по которым вода стекала с полей, лугов и лесов в реку. Вместе с водой шла мелкая рыба (мальки), за которыми хищная рыба всегда охотилась у этого берега. Берег был удален от наших жилищ на 250-400 метров, пробежать которые по полю и лугу для нас – детей и подростков – составляло удовольствие. Всего здесь впадали в Шексну четыре ручья, образовавшие четыре рва. Номера за ними закрепились в порядке их следования по течению реки. Самый большой – четвертый ров, брал свое начало далеко в лесу «Дубровское», и вода по нему текла в реку даже в летнюю пору, когда другие три после стока весенних вод были уже сухими.

Вода в паводки, заливая лесные массивы, вынуждала их обитателей (лисиц, зайцев и др.) спасаться на небольших возвышенностях (островках).

Для нас, подростков это время приносило немало интересных забав по охоте за зайцами без огнестрельного оружия. Выезжали мы по разливу на лодке в те лесные места, где знали, что есть островки, не залитые водой. Выйдя на землю, вооружались палками, становились в ряд на расстоянии 8-10 метров друг от друга, стараясь захватить всю ширину островка, двигались с шумом из одного конца его в другой.

Поднявшиеся с земли зайцы бежали от нас вперед и, достигнув конца островка, поворачивали назад и стремительно шли на нас. Наступал самый ответственный момент в нашей затее – не пропустить зайца через шеренгу и стараться ударить его палками и камнями, а затем схватить подбитого руками. Но заяц тут оказывался хитрее нас, и невредимым, прорывался на самом быстром ходу через наши шеренги. Так мы делали несколько заходов и, истратив напрасно свои силы, усталые без добычи возвращались в лодку.

В годы больших весенних паводков, когда в лесах почти не оставалось незатопленных водою мест, зайцы искали убежище в овинах. Там были еще скирды соломы. Не закрываемые иногда помещения в овинах и сараях, где они находили пищу и приют. Мы знали об этих местах укрытия зайцев и приходили нарушать их покой. Памятен для меня случай, когда заяц из зоны овинов нам удалось выгнать на улицу села, здесь его встретили собаки-дворняжки. Но и из такого сложного переплета заяц нашел выход и быстро вновь скрылся в зоне овинов. Дальнейшие поиски его, как мы ни старались, не принесли нам успеха. В другой раз собака моего соседа Махаева Я. по кличке «Коляш» (помесь русской гончей с дворняжкой) принесла живого зайца в зубах. С помощью нашего сверстника, внука соседа, Махаева Коли, нам удалось освободить зайца из зубов собаки, содрать с него шкуру, выпотрошить и передать мясо хозяйке на жаркое.

Прогулки в лес в праздничные дни в летнюю пору были для нас нередкими. Однажды в лесу «Глупое» мы заметили на дереве жилище белки. Парамонов Вася быстро взобрался на дерево и просунул руку в лаз, ведущий в дупло, где было ее жилище. Белка, находившаяся в это время в дупле, так впиалась когтями в его руку, что он вытащил ее вместе с рукой и с криком начал сильно стряхивать белку с руки на землю. Белка, наконец, оборвалась и упала на землю на свои ноги. Мы не успели сделать и одного шага к ней, как она была уже на верхушке соседнего дерева. Наш «герой», получивший вместо белки глубокие кровоточащие царапины на руке, слез с дерева и получил от нас первую «скорую помощь» (руку перевязали ему куском далеко нечистой портянки).

Крестьянская молодежь в старину не имела возможности с пользой для своего духовного развития проводить культурный досуг. Единственным

местом сбора молодежи в более свободное зимнее время были так называемые беседы. Беседы устраивались в избах по устанавливаемой девушками очереди. Подростки организовывали отдельную, свою беседу, которая в отличие от «большой» называлась «маленькой». Девушка-хозяйка обеспечивала свою избу для беседы скамейками, светом; в старину – лучиной и светильниками, а позднее – керосиновыми лампами. Полы тщательно мылись до начала беседы и после ее. На время беседы родители с детьми обычно уходили к родственникам или соседям, чтобы не стеснять своим присутствием молодежь. На беседах девушки пряли или вязали, а юноши – играли на гармошках – «Вятках», «Тальянках» и на балалайках. Под игру на гармошках исполнялись песни-частушки. Наиболее любимыми песнями у юношей были такие:

1. *Все прошло и прокатилось
Времечко веселое,
Самое любимое
Прошло неворотимое.*
2. *Стали листики валиться,
Стало лето проходить.
Стала милка заноситься,
Стало некого любить.*
3. *Через тын через забор
Ходил к сударушке во двор.
На тесовую кровать,
Ходил милку целовать.*
4. *Сколько батьку не работал,
Но построил батька дом.
Всю я силушку положил,
Повели из дому вон.*
5. *Мою милую венчали.
Я на клиросе стоял.
Повенчали и помчали.
Я головкой покачал.*
6. *Меня поставили под меру.
Мерочка забрякала.*

*Стояла милка у приема
Бедная заплакана.*

7. *Дорогая тетка Савишина,
Макарка не ругай.
Макарке на осень в солдатушки,
Его поберегай!*

Первая песня выражает настроение юноши, когда он задумал жениться и с сожалением возвращается думами к минувшему веселому периоду молодой жизни.

Вторая песня напоминает о первой измене девушки юноше, который остался без возлюбленной и нужно ему искать другую.

В третьей песне слышится некоторая хвастливость тем успехом, что он пользуется у девушки, которая даже пускает его на кровать и позволяет целовать.

Четвертая песня содержит горькую обиду юноши на своего отца. Сын, видимо, выделяется из семьи отца для самостоятельной жизни и не получает, соответствующей его трудовому вкладу, материальной доли.

В пятой песне звучит горькая обида и разочарование в своей возлюбленной, которая уже повенчана с другим и уезжает из церкви.

Две последних песни рекрутские. В первой девушка узнает, что ее возлюбленного забрали и плачет. Во второй выражено сердечное сочувствие юноше, которому предстоит с осени солдатская служба.

Еще более интересные и выразительнее песни пели девушки, вот некоторые из них:

1. *Помиленочка в солдаты,
А я девушка – куда?
На реке большая прорубь,
Я головушкой туда.*

2. *Завывай-ка, завывай,
Сердечко ретивое.
Угонят милку за Дунай
За морюшко, за синее.*

3. *Я любила, не грубила,
Сам ты миленький отстал.
Я другого полюбила,
Ты опять гоняться стал!*

4. Ты не стой у ворот,
Не маши фуражкой.
Я теперь не твоя,
Не зови милашкой!
5. Не ругай меня родная,
Что сметану пролила.
У окошка шел Антошка
Я без памяти была.
6. Меня сватали, не отдали
В семейку к милому.
Видно я не надоела
Тяньке родимому.
7. Тятя с мамой говорят,
На осень отдать хотят.
Я тяньке покаюсь,
С фронта дождаюсь.
8. Ветерок передувает
Поперек дороженьки.
Милый с новенькой гуляет,
Подкосились ноженьки!
9. Не ходите девки замуж,
Не за милого дружка.
Лучше в речке утопиться,
У крутого бережка!
10. У миленочка избеночка,
Избеночка – не дом.
Как бы я была не глупая,
Не думала о нем!
11. У миленка, у избенки
Нет и скобки у дверей.
Дырочка провернута,
Веревочка продернута.

*12. Говорила мне родная:
Ты его не уважай.
Как подумаю, родимая,
Отчаянного жаль!*

Две первых песни выражают отчаянное настроение девушки, влюбленной в юношу, которого забрали в солдаты, и она готова пойти на самопожертвование.

В третьей и четвертой девушка выражает покинувшему ее любимому юноше горькую обиду и не желает больше отвечать ему взаимностью, хотя он и готов возобновить с ней дружбу.

Пятая песня выражает признание девушки своей матери, что она влюблена в юношу – Антошку и просит простить ее за пролитую сметану в момент, когда любимого увидала в окно.

В шестой песне мы видим скрытое недовольство девушки действиям обоих родителей, что они не считаются с ее волей и не выдали замуж за любимого. В седьмой песне девушка предупреждает родителей, что она ждет жениха с фронта, чтобы они не спешили выдавать ее замуж за другого – нелюбимого.

Девушка, увидев милого с другой, тяжело переживает измену, что и содержит восьмая песня. Девятая песня поется, видимо, замужней женщиной, выданной замуж за нелюбимого. Она советует девушкам не идти замуж за немилую, а покончить с собой.

В десятой и одиннадцатой песнях девушка сожалеет, что у милого очень плохая изба, что будущая с ним жизнь будет незавидной, но она любит его и бедность жениха не колеблет ее решения.

В последней песне мать не рекомендует дочери уважать любимого за его буйный характер, но дочь, будучи влюбленной, не разделяет мнения матери.

Наиболее распространенной гармошкой была «Вятка», в игре на которой соревновались два гармониста – Коршунов С. и Трошин Д.. Гармонь «Тальянка» встречалась редко, она выходила уже из моды, как отживающая свой век. Гармошки «Вятки» хорошо делал местный гармонный мастер Черепанов И. из дер. Черепаново, что находилась в полутора верстах от дер. Ольхово на берегу р. Шексны.

Балалайка была распространена трехструнная. Но были и шести-струнные балалайки. Лучшим балалаечником в селе считался Костылев В. Когда под его игру плясал виртуоз Борин С., так из под каблуков летели искры. Это не красивая фраза, а истина, т.к. сапоги у ребят были с каблуками, прибитыми коваными гвоздями с большими шляпками, и от удара каблука о камень действительно вылетали искры.

Из хоровых песен модными и любимыми были следующие: 1. «Ревела буря, дождь шумел», 2. «Сказали не придет и не явится он», 3. «Потеряла я колечко, потеряла и любовь», 4. «Ах ты доля моя доля», 5. «Из-за острова на стрежень», 6. «Шумел, горел пожар московский», 7. «Как по питерской дорожке, по московской», 8. «Во субботу день ненастный», 9. «Бывали дни веселые».

Первая песня прошлого века; она написана декабристом Рылеевым и посвящается подвигу Ермака – покорителя Сибири. Вторая песня народная, весьма распространенная, выражающая думы и мечты влюбленной девушки, которая возмущена изменой любимого. Третья песня тоже народная, в ней девушка грустит и переживает, утерев заветное колечко – подарок возлюбленного. Она верит, что потеря колечка стала правдивым предзнаменованием измены ей любимым, который уехал, оставив ее с ребенком, и она видит единственный выход из своего положения – броситься в море, что и делает. В четвертой песне слышится жестокая несправедливость царских палачей, которая царилла при собирании с бедняков-крестьян податей. В порыве гнева крестьянин за отобранную у него последнюю корову решает на крайний шаг – убийство урядника, за что ссылается в Сибирь на каторгу. Пятая песня посвящена атаману крестьянского восстания в семнадцатом веке Разину С. В песне слышится сочувствие трудового народа атаману, хотя он и осужден царизмом на смертную казнь. Шестая песня содержит грустные раздумья Наполеона на кремлевской стене во время наблюдения за пожаром Москвы – сердца непокоренной им России. Седьмая песня рекрутская, в которой дана картина проводов рекрутов на 25-летнюю солдатскую службу. В ней слышится плач матерей и жен, горе невест и успокаивающие теплые слова рекрутов, убеждающие в тщетности горьких рыданий и изливаемых слез. Восьмая песня рекрутская. Она относится к периоду длительной шестидесятилетней войны по завоеванию Кавказа и выражает недовольство солдат, уезжающих в действующую кавказскую армию, и оплакивающих эти проводы родных. В последней песне дана картина веселья в начале, в конце – гнева и смелого поступка юноши, убившего богатого купца, увлекшего его любимую.

Под гармошку или балалайку выступали плясуны-солисты, как из юношей, так и из девушек. Девушки после каждого круга пляски останавливались перед игроком и пели песни-частушки, из групповых ганцев были распространены – «Кадриль» и «Ленчик». В этих танцах участвовали одновременно несколько пар, интересны были и массовые игры. Расскажем о некоторых из них.

В игре «Третий лишний» девушки и юноши становились в круг попарно (девушка впереди, а юноша сзади ее). Один из юношей был свободным

и стоял в середине круга. По сигналу о начале игры, свободный юноша перемещался на внешнюю сторону круга, находил интересующую его девушку и слегка ударял юношу, стоящего за ней, а сам убегал по внешней стороне круга, а за ним устремлялся получивший удар, стараясь догнать соперника и ударить его. После такого удара он получал бы право занять свое прежнее место. Если ему этого сделать не удавалось, то первый юноша, пробежав полный круг, становился на его место за интересующей его девушкой и целовал ее, как бы получая поощрительную премию за выигрыш. Второй юноша, потерявший свое прежнее место, повторял то же самое, но уже с юношей стоящим за интересующей его девушкой. Конец игры предполагает, что пары сформируются по признаку взаимодружбы между девушкой и юношей.

Вторая игра «Номера» заключалась в следующем. За каждым юношей закреплялся номер в строгом секрете от девушек. Ведущий игру подходил к первой девушке и спрашивал ее, какой она желает иметь номер. Девушка называла номер, надеясь, что это будет ее симпатия, но такая удача была редкой. Вызванный по сказанному девушкой номеру юноша получал право сесть к девушке на колени и ее поцеловать, если она соглашалась. Когда все юноши были разобраны, начинался второй этап игры, преследующий исправление допущенных ошибок в первом. Девушка, узнавшая номер своего «кумира», просила ведущего игру направить его к ней взамен сидящего с нею, а последний уступал место и ждал своего вызова. Когда все «ошибки» были исправлены, то игра считалась законченной.

Третья игра «Угадай» была довольно проста. Девушка садилась на один конец скамейки, а по ее выбору садился ее обожаемый на второй конец скамейки. Ведущий игру завязывал им глаза платком и ударял палкой по середине скамейки. По этому сигналу сидящие поворачивали головы назад, т.е. лицами друг к другу. Если они поворачивали головы оба в одну сторону, то целовались, а если в разные стороны, то освобождали скамейку для следующей пары.

По окончании беседы, большинство юношей провожали своих возлюбленных до их изб и целовали, если они позволяли. Отклонившая поцелуй обычно говорила с досадой юноше: «Целоваться мне мама не позволяет!»

В летнее время игра «третий лишний» проходила в более благоприятных условиях – на лужайке около церкви. Там же часто проходила игра в лапту («жаровой»). Юноши и девушки разбивались на две одинаковой численностью группы, и по брошенному жребью одна из них становилась на поле, а вторая подавала мяч и, пока мяч в воздухе и не попал к противнику, бегала между установленными пунктами по полю. Пункт, откуда подавался мяч, назывался

«буйка», промежуточный пункт «наступка» и конечный – «забуйка». На буйке подавался мяч лаптой или колом. Один из полевой команды (подающий) на буйке подбрасывал мяч примерно на метр вверх, а второй, из команды бегающей, бил по мячу и мяч летел в сторону забуйки. Подавший мяч, бежал до наступки, если мяч улетал далеко за пределы забуйки, то и до конечного пункта. Точно так же бежали из забуйки на буйку. Полевая команда старалась скорей овладеть мячом и ударить им в одного из бегающей команды, когда он бежит к забуйке или возвращается с ней к буйке. На буйке, наступке и забуйке бить мячом противника не разрешалось. Последний член бегающей команды на буйке пользовался правом иметь три удара по мячу, а все другие только по одному. Если последний член команды за три попытки мяч не подал – команда бегающая проигрывала, и уступала свое место выигравшей команде. Точно так же проигрывала бегающая команда, если в одного из ее игроков был нанесен удар мячом во время бега по полю от наступки до забуйки и от последней до буйки. Если игрок, стоящий на поле, ловил мяч, поданный лаптой, в руки, то игра считалась выигранной.

Особенно были оригинальны беседы накануне дня проводов рекрутов в солдаты. В этот вечер беседа длилась обычно до рассвета. Рекруты в этот вечер были под хмельком и вели себя более развязно, чем всегда. Они поджигали у девушек кужели льна, ломали прялки, отнимали у них напряденные нитки и окутывали ими улицы села, так, что утром местами не было прохода. Беседы заканчивались перед масленицей («мясным воскресением»).

Перед крещенским сочельником молодежь увозила из дворов дровни и сани на «Попову гору» или на «кресть». Некоторые крестьяне на эту ночь дровни с сеном или дровами оставляли, но и это не препятствовало к увозу их вместе с грузом.

В зимнее время перед масленицей существовал обычай собирать разный сгораемый хлам (старые корзины, метлы, мерды, кузова, вышедшие из употребления, деревянные оси телег и т.п.). Когда не удавалось выпросить, то поздними вечерами «плохо лежащие» предметы тащили украдкой и прятали. Особенно любили таскать старые оси телег. Ось телеги считалась шедевром масленицы. Все это вечером в Прощальное воскресенье вытаскивалось за околицу села и с наступлением темноты сжигалось.

Около этого костра подростки и юноши пели шуточные песни. Сжигаемый хлам тоже назывался масленицей, которая отдельно собиралась и сжигалась молодежью Смирновского и Верещагинского обществ. Между ними существовало не только соревнование за лучшую масленицу, но и стремление украсть ее друг у друга. Памятен мне случай, когда Верещагинская молодежь ночью украла всю масленицу у Смирновской

молодежи и так запрятала ее, что до дня сжигания потерпевшие даже не могли обнаружить место хранения. Это была победа малочисленной группы молодежи Верещагинской над более многочисленной группой – Смирновской.

В субботу на масляной неделе катались на лошадях в сбруе, украшенной лентами, с колокольчиками и с песнями, которые пели под гармошку девушки и юноши. На масленице выпекали пряженики – толстые блины, испеченные на масле при помощи специального приспособления – тагана и пряжилок (двух деревянных небольших лопаточек).

Весною, во время паводка, ежедневно вечером, а также в воскресенье и праздничные дни молодежь любила кататься на лодках группами и петь песни под гармошку.

После праздника Пасхи, когда земля уже подсыхала, все игры, хороводные пляски и другие увеселительные представления переносились на центральную площадь у церкви. Позднее прогулки молодежи перемещались на луг, на берег реки, в наволок за школу. Любители даже переезжали реку и гуляли по левому берегу, который был еще более красивым, чем наволок, а главное более высоким и сухим

Возвышенность луга, лежащего с восточной стороны села имела название «Островец», который исторически служил местом для боевых схваток молодежи (подростков и юношей) села и деревни Ольхово. Самые крупные сражения развертывались в праздник «Смоленскую», датируемый по старому стилю 28-30 июля. Это были настоящие бои, преимущественно камнями, мелкими железками – обломками от разбитых чугунов и т.п. У каждой группы («армии») был свой штаб, который обычно прятался где-либо на окраине селения. В селе – это была «Попова гора», что лежала на подъеме у церковной ограды. А в деревне – около крайних домов на подъеме с луга в деревню («мыза»). Штабы в сложных условиях боя иногда перемещались на Островец и прятались, лежа в естественных углублениях. Штабы разрабатывали тактику ведения отдельных сражений и стратегию войны.

С начала боевых операций выходили на поле авангарды и пели песню, приглашающую противника на бой, следующего содержания:

*Выходите бусорманы, приглашаем вас на бой.
Потому и приглашаем, чтобы прогнали домой.
Не прогоните домой – вам и головы долой!*

(Бусорманы — широко распространенное на Руси название мусульман, иноземцев.)

Когда появлялся на поле авангард противника, то начиналась первая перестрелка или взаимная проба сил. В это время главные силы вели приготовления к решающему сражению. Каждая из «армий» оставляла спрятанными в углублениях резервы, которые вводились в бой только в критический момент сражения по приказу штаба. В обеих «армиях» были прославленные вояки, которые вступали в бой, когда основные силы своей армии уже дрогнули и побежали. Появление аса на поле боя быстро изменяло ход сражения в пользу отступающих. Отступавшие быстро переходили в контрнаступление и обращали «армию» противника в паническое бегство. Исход сражения заканчивался победой. Полным разгромом врага считалось, когда он не смог удержать последний опорный пункт – подъемную гору в свое селение («Попову гору» или «Мызу»). Иногда противник, имея явный перевес в силах, отрезал отступающего врага от своего штаба. Тогда отступающие бежали не в село, а в наволоок, т. е. перескакивали через изгородь и дальше путь лежал по лугу к р. Шексне. Раненых, т.е. получивших синяки и шишки, также рваные раны, перевязывали уже в селениях. Обычно родители сыновьям, получившим синяк или рану на Островце, дома еще добавляли, т.е. наказывали подзатыльниками или плетью. С пленными та и другая сторона обращались гуманно. Их приводили в свое селение и держали под надзором до конца дня, а вечером разменивались пленными на границе между селениями, т.е. на двух ручьях (название границы). В числе героев сельской «армии» были: Якунин П. («Петька Еграшкин»), Шадрунин Н. («Колька Вялой») Семенов М. («Миходька»), Шадрухин Н. («Колька Шадрухин»), Полевиков Н. («Колька Хоркун»). Героями деревенской армии считались: Галанин В. («Дунаев»), Ермолаев И. («Ванька Ермак»), Петухов Д. («Митя Кривошея»), Фомушкин И. («Ванька Каин»), Грехов Ф. («Федька Клоп»), «Самонко» и др.

Воевали не только на Островце, но и в поле, именуемом «Конопельник». Здесь сражались Смирновские и Верещагинские. Бои проходили после уборки урожая в осеннее время. Характер сражений был таким же, что на Островце, только менее мощными силами.

Юноши в праздники «пивные» подобно мужчинам женатым любили выпить, попеть песен, а нередко похулиганить, т.е. затеять драку. Обычай выпивки был компанейский. Всей группой собравшиеся ходили по домам, а юноша – хозяин дома – всех обносил водкой и пивом. Напивались до предела и в сильном опьянении засыпали там, где теряли способность дальше двигаться. Некоторые любили показать свою удаль – разрывали на себе рубашку до воротника, а пиджак снятый тащили за рукав по грязи за собою. Наивысшей формой показа отваги и удалы считалась коллективная драка, в которой участвовали десятки человек. Чаше драки возникали

между Смирновскими и Верещагинскими и кончались тем, что некоторые получали тяжелые раны, приводившие к потере трудоспособности на всю жизнь. Были случаи убийства в драках.

На нашей памяти был зарезан насмерть в дер. Ольхово Амосов А., будучи совершенно не виновным. Позднее был убит металлическим предметом в висок Кувылев Д., юноша 17 лет.

До Октябрьской Революции никакой борьбы с пьянством не велось. В селе постоянно существовала казенная винная лавка, которая была закрыта только в начале первой мировой войны по указанию царского правительства. После этого развилось самогоноварение, то есть пьянство по-прежнему продолжалось.

Первая мировая война всех мужчин, способных носить оружие в возрасте от 19 до 40 лет на три с лишним года отвлекла от мирного труда и бросила в бессмысленную бойню. В отдельных семьях не осталось дома ни одного трудоспособного мужчины. Так, например, у крестьянина Парамонова А. в войне участвовали одновременно четыре сына, из которых один погиб и один возвратился после тяжелого ранения полукалейкой. Сгибли в войне из молодежи до десятка человек.

Семья Черепанова Андрея Яковлевича, машиниста речных паровых судов и его супруги Александры Михайловны, состояла из семи человек детей: Николая, (на снимке отсутствует), Анны, Ольги, Александра, Марии, Михаила и Веры. К данному моменту в живых пять человек младших. Снимок 1910 г.

Самая многодетная семья Черепанова Ивана Филипповича, гармонного мастера и его супруги Екатерины Филипповны. Всего в семье было 12 детей: Дмитрий, Анна, Мария, Александр, Мария, Людмила, Прасковья, Нина, Павел, Леонид, Михаил, Апполинария, Олимпиада.

Снимок относится к 1910 году, на котором старших Дмитрия и Анны нет (отсутствовали). К настоящему времени в живых остались только двое детей: Нина и Поля.

Период от Октября до коллективизации

Октябрьская революция разрешила коренной и вековой крестьянский вопрос – вопрос о земле. Первый декрет о земле, от 26 октября (8 ноября) 1917 года, подписанный В.И. Лениным, был встречен крестьянами-тружениками с большой радостью. В селениях Ольхово по этому декрету были полностью национализированы и переданы крестьянам в бесплатное пользование помещичьи и церковные полевые и луговые земли. Получили крестьяне и часть лесных помещичьих и церковных земель, относящихся к лесам местного значения. Уже весной 1918 года полевая и луговая земля как крестьянская, так и национализированная помещичья и церковная была поделена по едокам. Помещики и церковники, естественно, новым декретом о земле были недовольны. Это подтвердили и результаты голосования в Учредительное собрание, проходившие в начале 1918 года. Крестьяне явно недостаточно были осведомлены о партиях, входивших в избирательный бюллетень и слушали возвратившихся с войны солдат, которые в период керенщины наслышались в воинских частях плохого и хорошего. Под влиянием агитации бывших солдат крестьяне бывшего верещагинского общества проголосовали подавляющим большинством за партию № 4 – социалистов-революционеров, а крестьяне бывшего смировского общества – за партию № 6 – рабочих социал-демократов (большевиков). Монашки из Леушинского монастыря, входившего в Ольховскую волость, проголосовали за партию № 3 – свободы (земельных собственников). Чтобы сохранить за монастырем землю, игуменья монастыря мать Агния пошла на хитрость, вернее, на обман Советской власти. Она на общем собрании монашек протокольно оформила создание на базе земель монастыря Леушинской сельскохозяйственной коммуны «Братство». Первое время поверили этому как в Ольховском волостном Исполнительном Комитете, так и в Череповецком уездном и губернском исполнительных комитетах, где был зарегистрирован Устав коммуны «Братство». В 1918-1919 г. был декрет о принятии на государственный учет ценностей (золота, серебра, драг. камней) в церквях и монастырях. Позднее эти ценности были изъяты в пользу государства. Игуменья Агния при участии своей молодой послушницы церковные ценности, подлежащие принятию на учет, успела вывезти из монастыря в ночное время и спрятать их в землю в 3-х верстах от монастыря в лесу около монастырского кладбища «Савинское».

Послушница (фамилию не удалось запомнить) вскоре покинула монастырь и вышла замуж за работника из чекистов. Будучи уже замужем она сообщила своему мужу о тайне клада в Леушинском монастыре. По его инициативе, выехавшая на место группа чекистов, при содействии

быв. послушницы игуменьи клад нашла и передала государству. Он весил несколько пудов золота, серебра и других драгоценностей.

Зимой 1918-1919 года в Ольхово, да и, вообще, в Череповецкой губернии был голод, так как подвоза хлеба с нижней Волги по реке Шексне почти не было. Череповецкий уезд – потребляющий район; он потреблял до Октября около одного миллиона пудов ввозного хлеба в год. Председателем Волостного Исполнительного Комитета в то время был крестьянин-бедняк, недавно вернувшийся из армии, где он последнее время был председателем полкового солдатского комитета, Афонюшкин Д. В.. Человек он был преданный Советской Власти, но малограмотный и далеко еще не освободившийся от религиозного дурмана. Однако это не мешало ему неплохо выполнять свои обязанности. Я в это время в возрасте 17 лет работал секретарем того же Ольховского Волисполкома вместе с тов. Афонюшкиным Д.. Располагая сведениями, что в Леушинском монастыре есть запасы хлебопродуктов, часть которых можно было бы изъять для спасения голодающих бедняков, т. Афонюшкин Д. выехал на лошади в монастырь для проверки этих сведений путем поиска. Игуменья монастыря, узнав о намерениях председателя исполкома, пошла на хитрость. Она навстречу т. Афонюшкину у стен монастыря вышла с крестным ходом. Впереди двенадцать монашек на плечах несли большую икону с изображением «Похвалы богородицы», в честь которой был основан монастырь. Во время крестного хода хор монашек выполнял церковные песнопения. Наш председатель т. Афонюшкин встреченной процессией был настолько ошеломлен и поколеблен, что вышел из саней, встал перед иконой на колени, помолился, приложился к ней устами и, сев затем в сани, возвратился в Исполком, не выполнив своей задачи. Эту историю он лично рассказал мне после своего возвращения из монастыря.

Почему монастырь был основан в честь «Похвалы богородицы»? На этот вопрос существовала такая легенда-сказка. В зоне расположения будущего монастыря на трех небольших соснах неизвестно откуда появилась икона божьей матери. Религиозные инициаторы использовали эту легенду для основания на месте «явленной иконы» Леушинского женского монастыря. Название «Леушинский» происходит от наименования соседней с монастырем деревни Леушино. В то время была еще крепка в сознании народа вера в бога. После декрета Советской власти об отделении церкви от государства все иконы из правительственных и общественных зданий и отдельных помещений были в обязательном порядке вынесены. Однако в 1919 г. Ольховский волостной съезд вынес решение, записанное в протокол, требующее внесения прежней иконы в помещение Исполкома. Исполком вынужден был выполнить это решение. После опубликования в Череповец-

кой газете «Коммунист» моей заметки под заголовком «У попов все еще клюют», икона вновь была вынесена из помещения Исполкома. Заметку я написал под псевдонимом «неверующий» во избежание вполне возможных неприятностей от верующих, в среде которых я жил и работал.

После разоблачения игуменьи Агнии с аферой о создании коммуны «Братство» и укрытием монастырских ценностей, она и казначея мать Серафима были арестованы и заключены в Череповецкую тюрьму. Игуменья, мать Агния, так и закончила свою жизнь в Череповецкой тюрьме, а казначея, мать Серафима, была затем освобождена из тюрьмы, как не принимавшая непосредственно участия в укрытии ценностей. Она, будучи в прошлом гражданкой нашего селения Ольхово, дожила свой век у себя на родине.

В период от Октября до коллективизации земельный вопрос, хотя и был разрешен для крестьян-тружеников положительно, но мелкая череполосица не позволяла применение более совершенных и мощных орудий труда, а, следовательно, тормозила технический прогресс в сельском хозяйстве. Вторая беда была в том, что численность едоков в крестьянских семьях все время изменялась, что вызывало частые переделы земли, жаркие споры. Не в ладах была такая система землепользования и с агротехникой. В конечном итоге рост производительности труда и повышение уровня благосостояния народа на селе были скованы.

Значительно лучше обстояло дело с повышением культуры людей и, особенно, молодежи в это время. В селах стали появляться избы-читальни, возникали первые комсомольские и первые партийные организации. Партийные работники вошли в Советы, в выборные органы по управлению сельскими кооперативами, чем укреплялась на местах Советская власть и улучшалась работа во всех других общественных и хозяйственных организациях.

Между селом и деревней был построен маслодельный механизированный завод, а прежние кустарные заводы были ликвидированы. В 1924 г. в здании бывшего Волостного Исполкома был открыт сельский клуб. В этом клубе были оборудованы сцена и зрительный зал для спектаклей, концертов и других форм культурно-массовой работы. Часть театрального имущества, и, особенно, декораций, была выделена из клуба шлюза Черепаново и перевезена в Ольховский клуб. Спектакли стали ставиться на новой сцене уже в 1924 г. при участии молодежи, которая имела опыт в этой работе на сцене клуба шлюза Черепаново. В состав труппы актеров-любителей вошли новые силы. Особенно хочется отметить таких активистов как: Лихачев И. В. (фельдшер), Афонюшкин Иван, Кисточкин Павел, Рыбин Иван, Кисточкин Михаил. Не покидали сцены и прежние актеры-любители: Михеев Н., Степина С., Земсков П., Земскова П., Коршунов П., автор этих

сток и другие. Клуб работал и развивался до самого конца, т.е. до сноса селений Ольхово в связи с затоплением.

Ольховская двухклассная школа, строительство шлюза и плотины, клуб в Ольхово сделали много для поднятия грамотности и общего культурного развития народа.

Начавшаяся в 1918 году гражданская война вновь отвлекла молодежь из селений для защиты своей родины от внешних и внутренних врагов. В 1919 году и я был призван в Красную армию и участвовал непосредственно в военных действиях на полях гражданской войны. Некоторые из участников не вернулись на свою родину. Вот они павшие в боях гражданской войны: Махаев Иван, Борин Михаил, Курилов Иван, Проничев Сергей, Коршунов Василий, Семенов Филипп, Шадрухин Василий, Грехов Александр и другие.

В этот период крестьяне по обеспеченности землей стали все середняками и жили материально лучше. Многие выписывали газеты и журналы. Особенной популярностью пользовалась газета «Красная деревня». Некоторые крестьяне стали сеять озимую пшеницу из семян, рекомендованных для северной зоны, чего раньше не существовало. Улучшались орудия сельскохозяйственного производства. На полях, хотя и редко, но начало пробивать дорогу травосеяние. Еще более редкими были случаи применения минеральных удобрений. Поднималось сознание народа, падало влияние религии.

Появляются первые красные свадьбы, без обряда венчания в церкви. Окончание строительства шлюза и плотины для многих молодых людей поставило вопрос о поиске новой работы. Некоторые жители из наших селений выезжают на строительство стекольного завода «Белый бычок», расположенного в Череповецкой губ. Другие направились на строительство гидростанции на реке Свирь, на строительство Ягорбского шлюза на р. Шексне и т.д. Часть молодых мужчин продолжали работать на эксплуатации вновь выстроенных Черепановских сооружений, шлюза и плотины.

Колхозное крестьянство до периода затопления

Предшествующий период подготовил все необходимые условия для перехода от индивидуального сельского хозяйства к коллективному, более выгодному во всех отношениях для крестьянина-труженика. Переход к коллективному сельскохозяйственному производству явился коренным поворотным пунктом в жизни трудового крестьянства. Первый колхоз в селе Ольхово организовался в 1930 году, сначала в составе 18 хозяйств, и назывался он «Искра». Первым председателем колхоза был избран крестья-

нин И.М. Лазарев. Основная масса крестьян вступила в колхоз в конце 1931 года. После опубликования в печати статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», многие крестьяне из колхоза вышли, но потом вновь возвратились в свой колхоз. В ходе коллективизации допущены были и ошибки, которые затем исправлялись. Наш сосед Паланов М. подлежал исключению из колхоза и высылке с родины за то, что, якобы, когда-то имел свою пивную. Сыновья его разыскали сохранившийся патент на содержание пивной, но не своей, а Череповецкого заводчика Волкова, а он – Паланов М. – был только отв. продавцом. Это послужило достаточным доказательством к его оправданию. Мой отец Борин А. был необоснованно исключен из колхоза. По его жалобе Ленинградский Облисполком установил, что приписанные ему действия в решениях местных органов были истолкованы явно неправильно. Местные органы также не приняли во внимание, что ст. сын Борина А. добровольно вступил в Красную гвардию, второй сын – участник гражданской войны, и дочь – сельская учительница. Ленинградский Облисполком решения местных органов отменил. Отец был восстановлен в колхозе, где работал до конца своих дней. Последние годы работал забойщиком скота.

Махаева И. обвинили в спекуляции за продажу пары сапог, и его ожидали неприятности. Не дождавшись решения, он покончил с собою. В этот же период покончил с собою крестьянин Катышов Пр. В последующие годы были допущены необоснованные аресты. Ванин Н. был арестован и сидел в Череповецкой тюрьме, а затем выпущен без предъявления ему какого-либо обвинения.

Паланов Ф. был арестован в сентябре 1936 года и направлен на 3 года в исправительно-трудовой лагерь. Позднее был реабилитирован и восстановлен в партии.

Были репрессированы и высланы из селений: Курилов Петр, Курилов Павел, Коршунов Вас., Кувылев Ив., Романенкова Агафья, Амосова Ульяна. Все они на родину не возвратились. Об их реабилитации сведений получить не удалось.

Земскова А., работая помощником прокурора Ленинградской обл., была необоснованно репрессирована в 1937 году и после 10-летнего пребывания в ссылке реабилитирована, и вновь работала в прокуратуре г. Ленинграда. Умерла в июле 1971 года в Ленинграде.

За отсутствием сведений здесь не приводятся все случаи необоснованных арестов граждан наших селений.

Колхоз «Искра» примерно за 10-летний срок своего существования значительно поднял свое хозяйство во всех направлениях. От механизированного маслозавода уже в 1931 году был проведен электрический свет во все общественные здания и в крестьянские дома.

В каждой бригаде была организована общественная столовая, в которой изготовлялось хорошее питание для колхозников. Колхоз в условиях севера выращивал такую культуру, как помидоры, которые частично созревали на корню в открытом грунте, а частично дозревали уже снятыми в закрытых помещениях.

Выращивалась озимая пшеница, которая давала неплохие урожаи. Создана была многопольная система севооборота. Введено было травосеяние. Обновлен был сельскохозяйственный инвентарь. Начали применяться первые машины. Совершенствовалась агротехника. Применялись минеральные удобрения. Главной отраслью сельского хозяйства колхоза было животноводство молочного направления. Для поднятия животноводства поголовье коров заменялось более продуктивными породами («ярославская» и др.), что позволило повысить удои молока на одну фуражную корову. В фураж молочных коров вводились все три необходимых вида кормов: объемистые (луговое сено с заливных лугов), сочные (турнепс и кормовая свекла) и концентраты (жмыхи, дробленое неполноценное зерно, отсев от муки и др.). Колхоз вырабатывал прославленное «Вологодское масло». В 1938 году стало известно, что селения Ольхово входят в затопляемую зону, в связи с сооружением Рыбинской гидроэлектростанции и водохранилища.

Трудовое крестьянство увидело, что коллективный труд, даже при прежних орудиях труда и прежней агротехнике, был более производительный, чем индивидуальный. Коллективный труд с постоянным применением более совершенных орудий труда и совершенствованием агротехники ежегодно повышал эффективность сельскохозяйственного производства колхоза, а, следовательно, и поднимал материальный уровень жизни колхозников.

Поднимался культурный уровень колхозников. Школу в эти годы посещали все дети колхозников. Колхоз проводил беседы, лекции, снабжал колхозников необходимой литературой. Работал сельский клуб, где, кроме спектаклей, ставились концерты, демонстрировались кинофильмы, работала библиотека и постоянно пополняла книжный фонд.

Значительно сократилось пьянство. Окончательно прекратилось всякое богослужение в церкви, и народ постепенно освобождался от пут религиозного дурмана. О религиозных праздниках, особенно молодые колхозники, стали забывать. Революционные и другие советские праздники проводились на новой организационной и идейной основе. На этих праздниках участвовали все колхозники во главе с правлением колхоза. Столы накрывались обычно в помещениях столовых, выпивали умеренно, и прежних драк после этого не возникало. Также организовано проводились и так называемые красные свадьбы, без церковного обряда венчания. В организации колхоза и его развитии решающую роль играла партийная и комсомольская организации,

На данной фотоснимке, относящемся к тридцатым годам, запечатлен момент кратковременного отдыха бригады колхоза «Искра», работающей на уборке сена

которые за этот период развились и окрепли. В наши селения пришла новая жизнь, строящаяся на справедливых социалистических принципах.

Сельская буржуазия

Самый богатый и самый большой эксплуататор на селе был Кабачинов Кузьма Егорович, купец первой гильдии. Он принадлежал не к дворянскому, а к купеческому сословию. Купечество – класс имущих, за которыми привилегии были закреплены законами государства. Наш Кабачинов К.Е. обладал таким капиталом, который давал ему право купца первой (высшей) гильдии. Он имел торговлю, маслодельный кустарный завод, на котором перерабатывал наемным трудом скупаемое у крестьян молоко на масло, судостроительную верфь, паровые и непаровые суда, сотни десятин луговой земли и леса. Судостроительная верфь и усадьба «Фоминское» находились в трех верстах от селения. На судовой верфи ежегодно строились два-три непаровых судна. Весной они опускались на воду, а затем курсировали по рекам Мариинской (ныне Волго-Балт) системы. Команды на судах набирались преимущественно из местного населения. Из паровых судов Кабачинов К.И. имел один буксирный пароход. На усадьбе «Фоминское» стоял большой жилой дом, много различных хозяйственных построек и большая пашка на несколько десятков ульев. К усадьбе прилегал участок (в несколько десятин) луговой земли, берег реки Шексны и остров, намытый водами реки, покрытый густыми зарослями ивняка. Здесь река делала крутой поворот, и вода на этом повороте берег земли Кабачинова К.Е. отмывала, а противоположный – крестьянской земли – намывала. Кабачинов К.Е. решил обуздать буйную реку, и она ему покорилась. Наемный крестьянский люд укрепил отмывавшийся берег посадкой молодого ивняка, который на влажной иловой земле быстро прижился и создал непосильную для бурной реки

защиту берега. После этого река стала работать на купца Кабачинова К.Е. – она намывала ему новую землю. В результате образовался в реке вблизи кабачиновского берега целый остров земли, который он легко и безнаказанно прибрал к своим рукам. Теперь река обрушилась на противоположный берег крестьянских земель и начала беспощадно его отмывать. Таким образом, купец Кабачинов К.Е. руками крестьян обкрадывал их жалкую собственность – единственный источник существования. Если законы природы ему повиновались, то законы царской власти служили еще более безупречно. Достаточно было Кабачинову К.Е. пожелать увеличить свои земельные угодья, как они быстро и дешево к нему пришли. Речь идет об одном земельном «конфликте», вернее, неосновательном притязании Кабачинова К.Е. на соседние луговые и лесные земли, принадлежащие крестьянам. Борьба оказалась далеко не равной, и дело быстро было решено в пользу Кабачинова К.Е., хотя со стороны крестьян также участвовал в деле адвокат, оплаченный ими из последних грошей, но он оказался куда слабее «адвоката» Кабачинова К.Е. – всесильного его капитала. Уместно здесь сказать старинную русскую поговорку: «С сильным не борись, с богатым не судись!»

Семья Кабачинова состояла из супругов, четырех сыновей и четырех дочерей и жила в большом прекрасном доме из восьми комнат. Кроме основного дома на его дворе был второй дом под маслодельным заводом, магазин для торговли разными товарами, большой двор для скота и другие хозяйственные постройки. Несмотря на материальное богатство ни один из сыновей не имел высшего и даже полного среднего образования, не говоря уже о дочерях. Старший Сергей ушел из дома, ударился в пьянство и разгульную, праздную жизнь, за что попал в немилость к отцу и, не получая от него денежной поддержки, застрелился. Второй сын, Василий, и последний, Андрей, жили с отцом и помогали ему в делах. Позднее женились и имели свои семьи. Кабачинов В. был женат на столбовой дворянке. Третий сын Иван, получив офицерское образование, в чине поручика участвовал в Первой мировой войне и погиб от пули солдата своей роты (выстрелом в затылок во время боя с врагом). Это стало известно от денщика убитого, сопровождавшего его тело на родину в Ольхово. По версии, распространенной Кабачиновыми, их сын был убит якобы по ошибке постовым солдатом, которому при проверке Кабачинов Иван не назвал пароль. Убитому были организованы пышные похороны. Даже мы – ученики школы – с занятия были стройными рядами проведены на реку, где встречали тело убитого, закрытое в цинковом гробу, доставленное на пароходе. На почетном месте кладбища был сделан кирпичный склеп для захоронения гроба с телом, а на могилу поставлен большой чугунный крест с мемориальной надписью, отлитой на его пьедестале.

Три дочери Кабачинова К.Е. были выданы замуж не за крестьян, а за чиновников и кулаков. Родители ревностно относились к выбору женихами невест и невестами женихов. Третья дочь Анна вначале завела дружбу с молодым и красивым псаломщиком – Ставровским К.А., но малосостоятельным или просто – бедным. Родителям жених не внушал доверия и не вызывал симпатии, а поэтому отец запретил дочери с ним встречаться. Однако дочь ослушалась отца и продолжала встречаться. Разгневанный отец подстерег влюбленных в здании школы, и жениху удалось спастись от побоев железной яростью только бегством. Но любовь между ними продолжала бурлить, и жених по-прежнему искал встреч с невестой. Подойдя однажды к дому Кабачиновых на очередное свидание с невестой, он услышал выстрел (стрелял сын Кабачинова К.Е. – Иван). Пуля чудом не попала в голову жениха, но прошла фуражку, которая продырявленной упала на землю, а жениху второй раз пришлось спастись бегством. Так печально и закончилась у влюбленных первая пылкая любовь. С четвертой дочерью Марией в молодости случилась беда. Она родила еще девушкой от крестьянского парня Коршунова В., которому длительное время грозила опасность. Ребенок был отдан куда-то на воспитание, и его в селе никто не видел, а Мария осталась на всю последующую жизнь незамужней и жила с родителями. Сам Кабачинов К.Е. был женат на сестре купца Черепанова П.А. из деревни Ольхово. Уместно заметить, что зять с шурином жили всю жизнь недружелюбно, а вернее – враждебно. Кабачинов К.Е., а затем его сын Кабачинов В., принимали участие и в общественной работе, они последовательно выполняли обязанности почетного блюстителя училища. Фактически эта должность была лишь маскировкой (крышей) их тайной шпионской деятельности в пользу царской охранки, о чем подробно сказано в разделе 3 «Школа и церковь».

Все антинародные действия Кабачиновых, в том числе и явно наказуемые в уголовном порядке, проходили для них гладко и безнаказанно. В то время не существовало на селе такой силы, которая могла бы тронуть Кабачиновых. Это знали все жители и со всем этим вынуждены были невольно мириться, чтобы не попасть в немилость к всесильным и всемогущим Кабачиновым.

Наконец пришла такая сила, что перед нею не устояли купцы и помещики, все другие эксплуататоры трудового народа. Это была Октябрьская социалистическая революция. Она лишила Кабачиновых всех привилегий, а главное – имущественных прав на землю, суда, дома и т.п. В конце 1918 г. наше Советское правительство для борьбы с внешними и внутренними врагами вынуждено было наложить на имущий класс чрезвычайный революционный налог. Не миновал этого налога и Кабачинов К.Е., но оплатить его наотрез отказался. К нему была применена установленная законом мера воздействия.

Местным волостным исполнительным комитетом он был подвергнут аресту и заключен в Череповецкую тюрьму. Родичи и ближайшие его подхалимы попытались прибегнуть к помощи населения. Они состряпали одобряющий деятельность Кабачинова К.Е. проект резолюции, требующий освобождения его из-под ареста, и преподнесли общему собранию граждан селения для обсуждения и принятия. Общее собрание подавляющим большинством голосов представленный проект резолюции отклонило. За него проголосовало два-три человека из раболепствующих перед Кабачиновыми, вернее, их верных холопов в прошлом. Нужно заметить, что другие сельские богатеи и Леушинский монастырь наложенный на них налог оплатили полностью или частично. Кабачинов К.Е., просидев в тюрьме несколько месяцев, умер. Через некоторое время (в период коллективизации) старший сын Кабачинов В.К. был репрессирован и выслан в отдаленные лагеря, откуда он на родину не возвратился. Кабачинова Т.С. уже в преклонном возрасте доживала свой век у дочери.

В народе ходили слухи, что Кабачинов Кузьма со своим братом Кабачиновым Филиппом в молодости нашли клад с золотом. При дележке клада Кабачинов Кузьма обделил (обманул) брата Филиппа (выделил ему малую долю), а третьему брату Евграфу и двум сестрам ничего не выделил. На этой почве между братьями и сестрами возникла ссора на всю жизнь. Если верить этой легенде, которую распространили в народе сами Кабачиновы, то клад и послужил для них первоначальным накоплением капитала. Более вероятно – источником первоначального накопления была жестокая эксплуатация чужого труда.

Черепанов Поликарп Андреевич, купец второй гильдии, живший в дер. Ольхово, имел торговлю промышленными и продовольственными товарами. Занимался судоходством, имел собственные непаровые суда. Пожизненно занимал должность церковного старосты и на этом посту имел почти бесконтрольный и свободный доступ к денежным средствам церкви. Трудно сказать, был ли он честным, хозяйничая в церковной казне. Однако известно было всем гражданам, что, руководя строительством новой церкви из заготовленного леса весьма высокого качества (отборный корабельный лес), Черепанов П.А. построил для себя прекрасный большой дом в 7-8 комнат на каменном ленточном фундаменте. В деревне Ольхово скупал у крестьян молоко и перерабатывал на кустарном заводе на масло, которое сдавал на череповецкий рынок. Крестьяне за молоко покупали в его магазине всевозможные товары, на которых, как и на скупаемом молоке, извлекал прибыль. Черепанов П.А. имел сына и двух дочерей, выданных затем замуж. Конечно, не за крестьян: одну – за богатого купца, а вторую – за служащего. Черепанов П.А. умер, не доживши до коллективизации, а его

сын Василий в этот момент был выслан из пределов селения в восточные районы страны. Его жена – из беженцев-латышей периода Первой мировой войны – высылке не подвергалась.

Существовала в народе легенда, что Черепанову Андрею (отцу Поликарпа) приснился сон, что разбойники по дороге в соседнюю деревню Максаково ограбили одного купца и деньги спрятали под дубом, где он и извлек спрятанный клад золота.

Куликов Николай Кирьянович, женатый на дочери Кабачинова К.Е., был торговцем, имел несколько наделов («душ») земли, на обработке которой применял наемный труд, жил в прекрасном многокомнатном благоустроенном доме. В период коллективизации был выслан из пределов селения вместе со своей второй женой Куликовой А.И.

Никонов Тимофей вышел в класс буржуазии из крестьян благодаря большой торговле. Он имел универсальный сельский магазин и хороший дом, в котором работал с членами своей семьи. Крестьянским хозяйством не занимался. В период коллективизации выслан из пределов селения вместе со своей женой на восток.

Из села Ольхово были подвергнуты высылке на восток Паланов Василий и Курилов Михаил вместе со своими женами, занимавшиеся: первый – торговлей поросятами и лошадьми, а второй – за торговлю пирогами и мелкое ростовщичество. Жена Паланова Василия в преклонном возрасте возвратилась из ссылки, а дожила свой век у дочерей. Из дер. Ольхово кроме Черепанова В. и Никонова Т., подлежали высылке: Люмин Егор, бывший судовладелец (имел непаровые суда), Орлов Михаил, имевший постоянную торговлю разными товарами, вел спекулятивную перепродажу скота, и Галанин Иван Матвеевич, живший зажиточно и имевший большой двухэтажный дом, а в прошлом содержал чайную.

Все трое перед высылкой успели выехать из деревни и скрыться. Были ли они найдены и высланы на восток, нам таких сведений получить не удалось.

Паланов Алексей Алексеевич (сын «Ступошника») выехал до Октября в Сибирь без гроша. Человеком он оказался предприимчивым. Работая по найму у богатого, но престарелого человека, имевшего большую торговлю и платную богадельню (дом престарелых), он вошел в доверие к хозяину и вскоре получил от него доверенность на управление всем хозяйством. Во время работы капитал хозяина перевел на свое имя и сделался богатым человеком. Хозяин затем умер, а наследников у него не оказалось. Паланов А. вступил в датскую капиталистическую компанию в г. Омске, где продолжал наращивать капитал. Наконец, выплатил долю капитала своим пайщикам и остался единоличным хозяином капитала в не-

сколько сот тысяч рублей. Он имел более двухсот скупочных пунктов молока у крестьян и заводов по переработке его на молочные продукты (масло, сыр и др.). Одновременно был собственником нескольких паровых мельниц. Развернул широкую торговлю всевозможными товарами в Омске, Томске и на территории одноименных губерний. Это был крупный капиталист, поместивший значительную часть своих капиталов в заграничные банки. После Октябрьской революции пытался выехать за границу. Он проник на юг России, в тыл деникинских армий. Веря в прочность и долговечность деникинских порядков, купил на юге большой виноградник и хотел создать крупное производство виноградного вина. После разгрома Деникина Красной армией, след Паланова А. был потерян, и дальнейшая судьба его неизвестна.

ГЛАВА 3

ШКОЛА И ЦЕРКОВЬ

Школа и учительский персонал

В старину церковь, а позднее и школа были на селе единственными учреждениями, формировавшими общественное сознание людей труда – крестьян. В дореволюционных школах преподавался «закон божий», как обязательная и первостепенная дисциплина. Оба эти института были направлены на воспитание трудового народа деревни в духе покорности перед богом и раболепства перед барином, а позднее – и перед развивающейся сельской буржуазией (купцами, торговцами).

Начальная сельская школа в селе появилась только во второй половине прошлого столетия, а до этого учил весьма немногих юношей-одиночек церковный дьячок. Девушек в то время вообще не учили грамоте. Старики говорили так: «Зачем бабе грамота, ее дело – детей рожать да мужика уважать!»

В 1904 году в селе открылось новое 2-х классное (с шестилетним сроком обучения) Министерства народного просвещения училище. Это было в жизни крестьян села и деревни большим и важным событием. В новой школе обучалось 180-200 человек. Учились дети не только села и деревни Ольхово, но из других близлежащих деревень. Из отдаленных деревень оставались в школе с ночлегом, для чего имелась отдельная комната – общежитие. Здание школы было деревянное, рубленое, двухэтажное, обшитое тесом и окрашенное, кровля железная. Нижний этаж был отведен под жилье учителей (жили три учителя, каждый из которых имел по две комнаты). В верхнем этаже размещались четыре больших аудитории. В трех из них находились учебные классы (в каждой аудитории – два), а в четвертой – учительской – помещались учебные пособия, школьный архив, рабочие столы для учителей. Первым учителем и заведующим училищем был Фролов Павел Миронович. Это был не только хороший педагог и человек, но и прогрессивный общественный деятель, пользующийся заслуженным авторитетом как в среде учащихся, так и населения. Его соратница – учительница Колосова Антонина Васильевна – тоже славилась как хороший педагог и человек. Нам не известно точно, принадлежали ли они к какой-либо революционной партии, но можно уверенно сказать, что шли в ногу с новыми революционными событиями.

В воскресные дни в школу приходили наиболее передовые крестьяне послушать беседы, проводимые учителем Фроловым П.М. Темы этих бесед не были прямыми призывами к социальной революции, но они были

явной критикой существующего общественного строя и пропагандой новых порядков на селе, удовлетворяющих насущные потребности крестьян-тружеников. Читались книги, в то время уже запрещенные царской цензурой, как, например, «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова и тому подобное. Слухи о беседах Фролова П.М. с крестьянами стали известны жандармским чиновникам. В 1907 году П.М. Фролова и А.В. Колосову административным порядком (без суда и следствия) высылают в далекую Сибирь на пожизненный срок. Перед отъездом П.М. Фролов успел сообщить некоторым наиболее благонадежным крестьянам и, в частности, моему родственнику Макарову П.А. причины его высылки. Он сказал Макарову П.А., что пострадал по доносу местного агента царской охранки купца Кабачинова К.Е. Выполняя обязанности попечителя училища, он нередко встречался на этом деле с Фроловым П.М. Кабачинов в число слушателей Фролова П.М., видимо, ввел своего провокатора, который и информировал его о характере проводимых Фроловым П.М. бесед с крестьянами. Макаров П.А. лично мне показал книгу Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», подаренную ему Фроловым П.М. при последней встрече перед выездом в ссылку.

В новую школу я поступил в 1909 г. и закончил ее с отличием и похвальным листом в 1915 году. На смену П.М. Фролову в 1907 г. в школу был назначен учитель Василий Витальевич Озеринин, который стал одновременно и заведующим училищем. Он работал в школе до 1918 года, то есть до преобразования училища в школу первой ступени с пятилетним сроком обучения. В.В. Озеринин был прекрасным педагогом (преподавал всегда арифметику и геометрию) и хорошим хозяином. Он выполнял своими руками многие работы и с большим вкусом: столярные, паяльные, плел корзинки, ловил рыбу, охотился на зверя и птицу. Хорошо играл на скрипке. Дипломированный пчеловод, он, имевший 25-26 ульев пчел, обслуживал их только личным трудом. Нам казалось, не было такого дела, которого он не мог выполнять квалифицированно.

На пришкольном участке земли площадью около десятины В.В. Озеринин сажал картофель и другие овощи, сеял ячмень, косил траву на сено для собственной коровы, выращивал и снимал смородину и малину.

Имея пять человек детей и получая по своей должности 35 рублей в месяц, располагая доходами от пасеки и других побочных работ, он неплохо содержал свою семью. Будучи человеком умным, справедливым и рассудительным, редко наказывал учащихся, никогда не применял телесных наказаний, не ставил в угол столбом и на колени. Пользовался вполне заслуженным уважением и авторитетом у родителей и учащихся.

Совершенно другим был второй учитель Федор Иванович Данилов (по прозвищу, данному учениками, «Фита»). Прозвище его «Фита» можно видеть

и прочесть на всех печая училища. Оно высекалось учениками глубокими бороздами с особым старанием. Борозды делались настолько глубоко, что они хорошо сохранялись и после неоднократных побелок печей. Ф.И. Данилов нередко прибегал к телесным наказаниям детей (ударом линейкой по голове). Часто применял унижительные наказания, как, например, ставил учеников на колени лицом в угол на целый час и даже более. На четвертом году моего обучения в школе Ф.И. Данилов был снят с работы вышестоящими органами. По дошедшим до нас слухам снятие о работы Ф.И. Данилова произошло не без участия того же властелина К.Е. Кабачинова. Только здесь была причина не политическая, а связанная с его поведением в быту (любил иногда выпить) и в школе. Мы, ученики, встретили это событие восторженно.

Сменивший Ф.И. Данилова молодой учитель Василий Илларионович Чернышев оказался неплохим педагогом. Он хорошо играл на скрипке, немножко мог петь и управлял детским хором на утренней молитве. Однако были у В.И. Чернышева и недостатки. Он имел неуравновешенный характер и, будучи иногда в пылком гневе, мог наказать ученика больше, чем он заслуживал. Возможно, с возрастом этот недостаток он мог изжить, но ему не удалось долго поработать в нашем училище. В 1914 г. В.И. Чернышева призвали в армию, где он и находился до конца 1917 года, а по окончании войны в нашу школу не возвратился.

Третий педагог, Александра Николаевна Доброхотова (с 1914 г. по фамилии нового учителя В.И. Чернышева, за которого она вышла замуж), пришла в школу в 1909 году (в год моего поступления) и работала до 1918 года. Это была добросовестная, трудолюбивая и отзывчивая учительница. На плохих учеников любила пошуметь и за провинку наказывала, ставила столбом в угол, оставляла после уроков, но телесных наказаний не применяла. К хорошим ученикам относилась снисходительно, а иногда даже заступалась, т.е. брала под защиту, если ученик был наказан другими учителями. Имея любовь к математике, я, обучаясь в пятом классе, решил задачу, заданную учеником шестого класса (не решенную ими в течение полуторачасового периода). Мое старание было передано В.В. Озерину (передал его сын – ученик, который видел, как я решил задачу). В.В. Озерин впервые наказал меня – оставил после уроков на два часа. Узнав об этом, А.И. Доброхотова сходила к В.В. Озерину и добилась освобождения меня от наказания. Объективно оценивая ее честный и добросовестный труд, нужно сказать, что у подавляющего большинства учащихся и родителей она пользовалась уважением и должным авторитетом. Со своим супругом В.И. Чернышевым она пожила немного (не более двух лет) и разошлась, не имея детей. Причины их развода нам подробно не были известны. Из слухов, дошедших до нас, они разошлись, не сойдясь характерами. Учи-

тывая весьма заметную неуравновешенность характера мужа и менее заметную ее, причина эта, видимо, соответствовала действительности.

С уходом Чернышева В.И. на войну, его сменила молодая учительница, Попова В. Она вела в нашем шестом классе географию и естествоведение неплохо. Один из нас, Грехов А., ученик невысокой дисциплины, учинил с нею непростительную шутку. Он вбил в сидение венского стула несколько булавок с нижней стороны, так что острыми концами они вышли сверху сидения. Придя в класс на урок, Попова В. без опасения села на кончики булавок. С криком вскочила на ноги, заплакала и больше в класс не возвратилась, доведя об этом до сведения Озеринина В. Озеринин В., придя в наш класс, по праву стыдил нас, но виновника никто не выдал, так как был обычай коллектива.

«Закон божий» в нашем училище преподавал священник Ольховской церкви Павел Федорович Фрегатов, которого все звали и должны были называть «отец Павел». Отец Павел поддерживал в школе строгий, а порой даже жестокий режим. Приведем в подтверждение некоторые факты. Заметив однажды, что мы, ученики, вступили между собою в «битву» снежками и палками, пожаловался нашим родителям, и мы получили двойное наказание: первое – от родителей, а второе – от отца Павла. Он приказал целую неделю на его уроках стоять столбом полный час (50 минут).

Услышав однажды из учительской комнаты через стенку, как ученик А. Пыхтенков крикнул, войдя в класс: «Ребята, поп пришел!», он решил установить виновника и жестоко наказать. Придя к нам в класс, он в пылом гневе потребовал назвать фамилию ученика, «оскорбившего» его особу. Раздосадованный тем, что никто «виновника» не назвал, он взял сидящего с краю на первой парте ученика Исакова за шиворот и вытолкнул в коридор с такой силой, что ученик, открыв ударом головы дверь, упал на пол. После этого ученик Пыхтенков встал и признался, что попом его назвал он не с целью оскорбить, а считал, что слово «поп» он слышал часто не только из уст детей, но и взрослых. Отец Павел, не вникая в доводы ученика Пыхтенкова, повторил с ним тот же прием жестокого самоуправства, что и с Исаковым. Так потратил отец Павел весь учебный час на приемы самоуправства и на нравоучения. Случай этот нами был воспринят как нетерпимый, и мы решили за него отцу Павлу отомстить. В один субботний день мы прибили гвоздями к полу галоши, оставленные им в учительской комнате, а затем в щель дверную проследили, как он, одевая их, при попытке сдвинуться с места, упал на пол. Мы ждали следствия и очередной расправы над виновными. Однако ни того, ни другого не произошло. Позднее нам стало известно, что зав. училищем В.В. Озеринин, будучи человеком умным, посоветовал отцу Павлу шума не поднимать, а с учениками в дальнейшем быть помяг-

че. Этот совет отец Павел, видимо, принял и хорошо прочувствовал, а мы торжествовали свою победу.

По Череповецкому уезду наше училище, по сравнению с другими двухклассными училищами, было лучшим по педагогическому составу и по всем другим показателям. Оно славилось и среди населения не только Ольхово, но и других прилегающих деревень, из которых десятки учеников успешно заканчивали полный курс обучения.

Однако наряду с положительными факторами имели место и отрицательные. Педагоги недостаточно боролись за посещаемость учениками училища, мало проводили бесед с родителями. Слабая посещаемость училища объяснялась и бедностью многих семей, которая не позволяла обеспечить детей одеждой и обувью. Школа стояла на противоположном конце села от деревни Ольхово, откуда детям в зимнее время посещать школу было очень трудно (шли за две-три версты). У некоторых родителей был такой взгляд на учебу, что для крестьянского труда не нужна большая грамотность, поэтому достаточно поучиться три или четыре года. Особенно распространено было такое мнение в отношении детей женского пола. Оно переходило из поколения в поколение и породило не одну из поговорок, как, например, «Чтобы хозяйкой быть, в поле жать, на лугу косить и детей носить, грамота бабе не нужна». Отсев учащихся на протяжении шести лет обучения был очень большим. Приведем пример: в первое отделение нас пришло 40 человек, а окончили из них шестое отделение только 3 человека. Еще труднее было продолжать учебу дальше в средних учебных заведениях.

Мой старший брат в 1910 г. окончил свое училище с отличием и похвальным листом, успешно выдержал экзамен в Череповецкое техническое училище (частное), но учиться ему не пришлось. Нужно было оплачивать за учебу из расчета 80 руб. в год, а за весь срок обучения уплатить 520 руб. Наши родители таких средств не имели и устроили сына на работу приказчиком в сельский кооператив, а затем – к купцу Демидову (в 50 верстах от родины). В 1915 г. я также окончил свое училище с отличием и с похвальным листом и также пытался поступить в Череповецкое техническое училище, но, узнав о сумме платы, которая в то время была уже 100 руб. в год, вынужден был пойти по стопам старшего брата. Так и закончились наши университеты. Образование мы пополняли уже при Советской власти в вечерних и заочных учебных заведениях без отрыва от производства. Учиться до Октября могли только дети имущего класса – купцов Кабачиновых и Черепановых. В училище кроме обучения детей показывались на экране при помощи эпидиаскопа («волшебного фонаря») картины больше на темы русских сказок. Для взрослых иногда проводились приезжими людьми лекции на темы о рациональном кормлении коров, свиней и т.п.

В 1918 году училище было преобразовано в школу 1-й ступени с пятилетним сроком обучения. Население ходатайствовало перед вышестоящими органами об учреждении в здании нашего училища школы 2 ступени с девятилетним сроком обучения, но безуспешно. Вопрос упирался в недостаток помещений. Нужно было строить квартиры для учителей и освободить весь нижний этаж под учебную площадь. Однако квартиры для учителей можно было в селе найти, использовав конфискованные дома буржуазии, т.е. Кабачиновых и Куликовых, в которых свободно разместилось бы до десяти человек семейных и плюс до 5 холостяков.

В 1918 г. ушел из школы зав. училищем В.В. Озеринин и переехал в г. Череповец. Последние годы работал счетным работником, то есть не по своей специальности. Испытывая материальные недостатки, он заболел и в начале тридцатых годов умер.

После преобразования училища в школу 1-й ступени, в ней стали работать первые годы преимущественно педагоги из местного населения: Ф.В. Земсков, Александра А. Трошина (позднее – Земскова), Анна А. Трошина, С.Л. Степина.

Все из указанных педагогов имели педагогическое образование, дающее право преподавания в бывших церковно-приходских школах с 3-х летним сроком обучения. Тем не менее, они работали добросовестно и педагогами оказались неплохими.

Вскоре Ф.В. Земсков выехал по заданию центра на работу по проведению хлебной разверстки в Тамбовскую губ., а сестры Трошины – в Ленинград для пополнения своего образования. С.П. Степина на несколько лет уходила в школу прилегающего шлюза Черепанова, а затем вновь возвратилась в Ольховскую школу. В школе стали работать по году-два приезжие педагоги, порою малоподготовленные и малоопытные. Дела с учебой и в хозяйственном отношении пошли в школе хуже. Так продолжалось почти до сноса школы, вызванного затоплением селений Ольхово. Правда, здесь нужно заметить, что до создания в здании бывшего волостного правления сельского клуба, в школе несколько лет проводилась культурно-массовая и физкультурная работа, даже ставились спектакли местными силами молодежи.

Один из первых декретов советской власти, подписанный В.И. Лениным, был декрет о ликвидации неграмотности в нашей стране. По этому декрету нужно было поднять поистине большую целину. Неграмотных и полуграмотных, особенно из числа людей среднего возраста, в обоих селениях было больше чем достаточно. Педагоги, работающие в школе, конечно, такую гигантскую работу поднять не могли. На соседнем строительстве черепановских сооружений педагогами школы и интеллигенцией стройки были организованы и успешно проведены краткосрочные курсы подго-

*Вид на здание школы с юга
(со стороны правого берега реки Шексны).*
Снимок сделан И. Тимкиным 19 августа 1933 г.

товки учителей для обучения неграмотного населения. Нельзя не сказать благодарного слова основному педагогу этих курсов Анне Александровне Говорковой, которая, будучи уже не работавшей в это время, успешно провела курс педагогики. Эти курсы закончили: Н.Г. Михеев (зав. почтово-телеграфным отделением), А.И. Лукашкова, А.С. Лукашкова, А.Г. Грехов, автор этих строк и многие другие.

Каждому из нас была дана группа в 20-25 человек. Размещались они как в школе, так и в других зданиях. Занятия проводились в вечернее время и в воскресные дни, так как большинство нас, преподавателей, работали на основной работе – на строительстве или в других местах. Лично мне свою группу не удалось довести до конца в связи с уходом на Гражданскую войну. Работа по ликвидации неграмотности среди населения у нас не была проведена в полном объеме. Причинами тому были: недостаток учителей, помещений, учебных пособий, а главное – недостаточное внимание к этому важному делу со стороны местных органов власти. Но и та большая работа, что была проделана, дала положительные результаты. Сотни людей, не знавшие совершенно грамоты, стали грамотными, а полуграмотные значительно повысили свою грамотность.

Церковь и церковнослужители

Церковь на селе была органом, не только формировавшим сознание людей труда, но и органом эксплуатации их труда. Скудные доходы крестьянина-труженика в значительной части попадали в церковь (в церковную казну), а главное – ее священнослужителям. За каждой церковью закреплялась законом земля как полевая, так и луговая. Доходы от этой земли шли не в церковную казну, а в руки священнослужителей. В Ольхово священнослужители имели примерно одну треть всей земли, пахотной и покосной, принадлежащей крестьянам. Арендную плату (по существу – ренту) с этой земли они получали с крестьян, ее обрабатывающих. Только с полевой и частью покосной земли священнослужители получали от своих арендаторов крестьян-тружеников 240 рублей в год, из которых 180 рублей получал священник и 60 рублей – псаломщик. Земля была разделена на шестнадцать полос или паев (условная мера площади земли), за каждый из которых крестьяне-арендаторы платили по 15 руб. в год. Эта плата была высокой. Она составляла половину стоимости валового сбора всех собираемых с нее сельскохозяйственных продуктов. Кроме сдаваемой в аренду земли священнослужители имели большой участок покосной земли. Эту землю они сдавали крестьянам на скос исполу и даже истрети. Это значит, крестьянин должен скосить траву, высушить и сухое сено заготовить, получая за свой труд половину или одну треть всего собранного им сена, а все остальное забирал себе священник или псаломщик. Священнослужители это сено использовали для кормления своего скота, а часть продавали. Только священник держал постоянно четырех коров, для ухода за которыми применял наемный труд. От этой покосной земли и от коров священник имел около 140-150 рублей в год чистого дохода.

Кроме доходов от земли священнослужители имели массу доходов, получаемых от прихожан в виде обязательных платежей за молебны, свято, крещение, погребение, венчание, покаяние, освящение, причастие, молитву, поминание и т.д. Только за один праздник Пасху священник собирал с прихожан («паствы») около 130-140 рублей.

За преподавание «закона божьего» в школе священник получал около 240 руб. в год. Таким образом, общие доходы только одного священника, с учетом основного жалованья и других, не указанных здесь, доходов, составляли до 1000-1200 руб. в год, т.е. около 90-100 руб. в месяц. В то же время учитель нашей школы получал 30 руб., а в таких же земских школах только 27 руб. в месяц.

Церковь, кроме доходов, идущих непосредственно священнослужителям, немало собирала денег с прихожан в церковную казну. Эти деньги шли

на содержание церкви, на обновление церковной утвари, на капитальные и текущие ремонты и на постройку новых церквей.

Наш священник, отец Павел, как видно из его доходов, был влиятельным и весьма состоятельным человеком. Однако необходимым авторитетом среди прихожан-крестьян не пользовался. Прежде всего, его поведение как человека и, особенно, как священника-воспитателя, заслуживало достойного осуждения. Об этом говорят многие факты, имевшие место в жизни его и хорошо известные населению.

Известно, что по церковным законам священник мог жениться только один раз в жизни. Отец Павел рано потерял законную жену, примерно в возрасте лет 45–46 и, естественно, стал искать пути обхода несправедливого закона церкви. У него проживала молодая домработница (солдатка) по имени Шура, которую он и решил приглубить, т.е. тайно от народа произвести в «матушки» (так принято было называть законную жену священника). «Шила в мешке не утаишь» – гласит народная поговорка. Народ быстро узнал про сожительство отца Павла с домработницей Шурой и тихонько стал называть Шуру «матушкой». Однажды приходит Шура в сельский кооператив и здоровается с присутствующими, а ей на это приветствие доверенный кооператива Михаил Земсков ответил так: «Здравствуйте, матушка!». Шура усмотрела в сказанном М. Земсковым личное оскорбление, заплакала, тут же исчезла и доложила о случившемся отцу Павлу. Желая защитить свою и Шуры честь, отец Павел привлек М. Земскова к уголовной ответственности. Дело разбирали волостной суд, на который были вызваны свидетели с обеих сторон. Обвиняемый на суде не отрицал, что назвал Шуру матушкой, но доказывал, что он ее не оскорблял, что он всех женщин называет матушками, что это у него такая обычная поговорка. Свидетели со стороны обвиняемого подтвердили это, и суд М. Земскова оправдал.

Это была настоящая сенсация среди населения прихода. Весь народ был на стороне не отца Павла, а М. Земскова за его находчивость. Отец Павел был человеком вспыльчивым и жестоким не только с учениками в школе, но и к любому человеку, проявившему то или иное неуважение к его персоне.

На собрании 10 священников тайным голосованием избирался старший (протоиерей или благочинный) в порядке действующих церковных положений. Баллотировались два кандидата: отец Павел, имевший среднее духовное образование, и еще один священник, имевший высшее духовное образование. Большинство голосов получил соперник отца Павла. После процедуры голосования, по обычаю собравшиеся устроили трапезу с выпивкой. На этой трапезе отец Павел, видимо, «перебрал» и под хмельком решил излить свое горе. Он так «поздравил» вновь избранного благочинного, что

тот двух зубов во рту не досчитал. Заметим, что отец Павел был мужчина высокого роста и крепкого сложения, видимо, не мог рассчитать силу своего удара. Потерпевший обратился с жалобой к архиепископу Новгородскому и Старо-Русскому Арсению, которому по законам церкви было подсудно это дело. По действующему кодексу о преступлениях священнослужителей, архиепископ Арсений осудил отца Павла довольно гуманно – всего лишь на три месяца на покаяние в Новозерский монастырь, сохранил за ним сан священника и приход Ольховской Казанской церкви.

Отец Павел выжил из родного дома обоих сыновей за то, что они не признали новой «матери», т.е. его сожительницы, и осмелились об этом заявить ему прямо в лицо. Так, например, старший сын Николай в частной беседе поведал мне, что он на заявление отца: «Она, можно сказать, тебе, Коля, мать!» ответил весьма сочно: «Хотел ... я такую мать!»

Если бы кто-либо сообщил о поведении отца Павла (сожительство с Шурой и другие поступки) архиепископу Арсению, то, вероятно, ему бы вновь пришлось отбывать покаяние в монастыре, но уже более длительный срок, а главное – лишиться сана и прихода. Отец Павел был не только жесток, но и большой скряга. Дочь гр-ки А. Варюхиной Дуня около 50 дней (весь Великий пост) для его семьи и скота носила воду из колодца на расстояние 60 метров в гору, за что заплатил он ей 10 коп. В свою очередь гр-ка А. Варюхина за пасхальный молебен на дому эти же 10 коп. заплатила отцу Павлу. Когда отец Павел назвал ее поступок насмешкой, то А. Варюхина ответила ему: «За эти 10 копеек моя дочь работала у Вас 50 дней на тяжелой работе, а я Вам их плачу за 10 минут легкого труда». Отцу Павлу пришлось проглотить горькую пилюлю, не запив сладкой водой.

Детям, приходившим к отцу Павлу в праздник Рождества Христа славить, он давал одну копейку, а дьячок П. Смирнов, получавший в 5 раз меньше доходов, давал две копейки. Даже за метрические выписки отец Павел брал с населения по 40 копеек. Ренту за землю он собирал, приходя прямо в дом крестьянина-арендатора. Если у крестьянина не было денег, а это бывало часто, то обязательно давал жесткую отсрочку платежа и предупреждал, что при неуплате в этот срок, землю отберет и передаст другому арендатору.

Церковь стояла посредине села, обнесенная с трех сторон двухметровой высоты глухой кирпичной оградой, а с фасадной – наполовину высоты решетчатой из железа. Церквей было две, одна из них постройки конца, а вторая – первой половины прошлого столетия. Более молодая церковь для богослужения в зимнее время была из красного кирпича на известковом растворе без внешней штукатурки. Она была довольно просторной.

вмещавшей одновременно свыше тысячи молящихся. Потолки были расписаны фресками на религиозные темы. Фигуры людей, изображенные на фресках, были крупнее натуральной величины и выполнены с большим художественным мастерством. Они невольно привлекали взоры молящихся и щедро награждали их эстетическое чувство. Под потолком висели три паникадила. Центральное было позолоченным, многоярусным и весьма красивым, просто художественным, особенно во время горения свечей. Два боковых – из белого металла, одноярусные – выглядели значительно беднее центрального. При входе в церковь, направо в углу располагалась церковная казна, архив с метрическими книгами, летописью и другими документами. На переднем плане выступал большой стол закрытого типа, в котором хранились восковые свечи и здесь же они продавались молящимся. Солея (возвышенность перед алтарем) с двумя (правым и левым) огражденными металлическими перилами площадками (клиросами) для певчих.

Алтарь отделялся иконостасом, высотой до потолка, и состоял из трех отделений: главного (центрального) и двух боковых. Богослужение проходило, главным образом, в центральном алтаре, а в боковых алтарях служили только в отдельные праздники, посвященные тем святым, иконы которых помещались на этих сторонах иконостаса. На иконостасе центрального алтаря около Царских врат, помещалась главная икона Казанской божией Матери. Она была престольной, именем которой называлась эта церковь. Около ворот боковых помещались на алтаре иконы второстепенных святых: Святителю Модеста, Дмитрия Солунского, Николая Чудотворца и другие. В большие торжественные праздники – Пасху, Рождество и Крещение – певчие занимали оба клироса. Хоровые песнопения в эти праздники исполнялись по два раза последовательно, сначала правым (главным), а затем левым клиросом.

Вторая церковь – летняя – имела крестообразную форму, кирпичная оштукатуренная и побеленная. Одно целое с этой церковью составляла колокольня, вход на которую был из паперти (тамбура) церкви. Колокольня была трехъярусная, на верхнем из которых подвешено семь колоколов с трех сторон. Главный (большой) колокол весил 138 пудов 28 фунтов и издавал при звоне приятный баситый звук. Если смотреть с фасадной стороны, то большой колокол висел слева, два поменьше – справа и четыре малых серебристого звона – на фасадной стороне. Кровли и купола церквей и колокольни окрашивались в зеленый цвет, а кресты были позолоченные. Летняя церковь зимою не отапливалась, и поэтому на стенах и на потолке фресок было мало. Вместимость этой церкви была раза в два меньше, чем зимней, из особенностей художественных произведений внутри летней церкви была восковая скульптура Иисуса Христа, примерно, в полтора раза меньше натуральной величины, облаченная в парчовую ризу и закрытая в

стеклянную камеру (темницу). Приехавший однажды из Новгорода епархиальный епископ усмотрел в этой фигуре «идола» и приказал ее вынести из церкви, как не соответствующую статусу православной веры.

Самым торжественным богослужением было пасхальное и особенно утренняя, на которую молящиеся шли с фонарями из цветной бумаги, т. е. пасхальная ночь была всегда очень темной, а дорога весенняя – грязной. Особенно трудно было приходиться на утреню жителям деревень Ольхово, Горловки и Васильевского.

Над папертью церкви с фасадной стороны подвешивалось двухъярусное паникадило с фонарями из цветной прозрачной бумаги, оснащенными свечами. Оно хорошо освещало подходы к церкви, что необходимо было также и для крестного хода вокруг церкви во время утрени, изображавшего процессию похорон тела Христа и встречи его на паперти церкви уже воскресшим.

Перед благовестом к Пасхальной утрени и во время крестного хода салютировал холостой выстрел из самодельной пушки. Самодельная пушка – толстостенный литой ствол с высверленным отверстием и дыркой для затравки, прикрепленный к двуроугому пню. В ствол засыпали порох и забивали пыж и в дырку для затравки – тоже. Затем к затравке подводилась нитка, которая поджигалась, и стрелки убегали. Выстрел был большой силы. При советской власти нач. милиции запретил стрелять. Тогда смельчаки вывозили пушку на лодке и стреляли недалеко от берега с лодки. Попытки милиции найти пушку успеха не имели. По периметру церковной ограды с внутренней стороны росли два ряда мощных берез, окаймлявших кладбище. К нашему времени (к 1920 годам) свободной земли на кладбище уже не было, и покойников хоронили на новом кладбище, на окраине д. Ольхово. Лучшие места на кладбище принадлежали, естественно, тем же богатым: Кабачиновым, Черепановым, Куликовым, Малышевым и священникам церкви. Церковь стояла не по фасаду крестьянских домов, а несколько глубже. С фасадной стороны церковью была большая красивая площадь шириной около 70-80 метров и длиной более 100 метров. В праздничные дни площадь служила местом игр молодежи и разных развлечений. Здесь шумели девичьи хороводы, раздавались хоровые песни, частушки, велись веселые пляски, разные массовые игры: в лапту, в козны (кости из суставов ног домашних животных), в яйца (излюбленная игра девушек и молодых женщин – катание яиц с помощью небольшого желобка). Здесь люди раскрывали свою душу, показывали свой веселый нрав, находили отдушину от повседневного рабского крестьянского труда.

В 1920 г. отец Павел был освобожден от обязанностей священника Ольховской Казанской церкви и переведен в небольшой приход в с. Плишкине,

На первом снимке видна центральная площадь у церкви, снятая с северной стороны главной улицы

На втором снимке изображена та же площадь у церкви, но снятая с южной стороны главной улицы.

Снимки сделаны в 30-х гг.

И. Тимкиным

в 8-9 верстах от Ольхово. Его сменил священник Стартольский Николай, переехавший из Леушинского женского монастыря, который служил до 1931 г. т.е. до закрытия церкви. В 1937 году он был репрессирован вместе с женой Серафимой Ивановной, которая возвратилась из ссылки только после Отечественной войны к своему сыну Серафиму. Отец Николай из ссылки не возвратился.

В 18 верстах от Ольхово, около дер. Леушино, находился Леушинский женский монастырь, входивший в Ольховскую волость. В монастыре подвизалось свыше 1000 человек-монашек, и он относился к рангу монастырей I

класса по действующему тогда для них статусу. По времени возникновения это был молодой монастырь, ему было не более двух столетий. Тем не менее, монастырь хранил немалые сокровища серебра, золота и драгоценностей. В монастырь стекались богомольцы со всей земли русской, приносявшие в казну монастыря много доходов. Посетила монастырь даже русская императрица Мария Федоровна. При поступлении в монастырь богатых девушек, за них вносилась в казну монастыря солидная квота деньгами. Люди имущих классов после своей смерти завещали иногда значительные суммы своих капиталов в пользу монастыря. Жители селений Ольхово тоже были посетителями монастыря. Особенно много ходило их в монастырь на праздник Иванов день, отмечаемый монастырем довольно пышно 24 июня ежегодно. Следовательно, монастырь для крестьян селений Ольхово был дополнительным рычагом, высасывающим их скудные доходы.

Вместе с новым священником, отцом Николаем Стартольским, из Леушинского монастыря был переведен в нашу церковь диакон Несветаев Александр. Он был высокого роста, лет 33 от роду, и обладал солидным басом. Вместе с женой и четырьмя детьми его поселили в дом, принадлежавший ранее учителю из местного населения Паланову А., к тому времени уже умершему. Новый диакон был общительным человеком, любил выпить и на этой почве общался с крестьянами. Много внимания уделял организации и совершенствованию церковного хора и вскоре завоевал авторитет и уважение у большинства верующих несмотря на то, что в этот период уже существовала советская власть, и церковь была отделена от государства. Отец-диакон преуспевал и на поприще внимания к женскому полу. Матушка Серафима (жена нового священника) когда-то была женщиной, как говорили, привлекательной и знатной. Она была родственницей известного в России богослова Иоанна Кронштадтского). Хотя она была старше диакона на несколько лет и утратила прежнюю привлекательность, но на внимание молодого и интересного диакона ответила взаимностью. Отец Николай, хотя и поздновато (не зря говорят: «Муж узнает последним»), но все же установил факт прелюбодеяния («верной» супруги – он лично сам застал их в объятиях. В таких случаях обманутому мужу задают вопрос: «Что ты сделал с любовником, убил его? или убил ее?») А он восторженно отвечал: «Кровать продал, на которой застал жену с любовником!» Отец Николай, будучи человеком тихим и смиренным, затаив в себе грызущую ревность, только плакал, не сказав об этом даже своим уже взрослым детям. Но все же не удержался поделиться гнетущим его горем с чужими, но близкими ему людьми, от которых стало известно и нам. Отец диакон, будучи по сану ниже священника, в дальнейшей встречи с матушкой Серафимой допускал только сугубо конфиденциальные. На минутку заглянем еще раз

в его интимную жизнь. В период отъезда его жены с детьми к своим родителям, квартиру отца диакона обслуживала молодая, но уродливая (у нее набок держалась голова, было перекошено лицо) женщина Паланова Таля («Талья Ступошников»). Она была лет тридцати, считалась старой девой и фанатично богомольной. Во время пребывания Тали в квартире отца диакона, он спросил ее: «Мы с тобой, Талья, пиво сварим?»

Она ответила ему: «Отец диакон, у меня солода нет!»

«Нужно поискать!» – сказал отец диакон, а сам уже свалил ее на диван. Позже по простоте своей душевной она рассказала об этом подробно своим знакомым. В этом рассказе старалась оправдаться в своем грешном, по ее мнению, поступке. Она говорила: «Сам бог знает, как я сопротивлялась! Даже закрыла ладошкой, а что моя ладошка, разве помогла!» Этот ее рассказ широко распространился среди народа, который ввел Талину фразу в поговорку: «Поможет, как Тале ладошка!»

Предшественник отца диакона, местный житель – дьячок церкви Смирнов Павел, прослуживший в церкви всю жизнь, в молодости тоже был небезгрешен. Он обманул крестьянскую девушку Паланову М., которая имела от него четырех детей. Даже будучи женатым, он много лет с ней сожительствовал. Паланова М. поднимала детей в тяжелых материальных условиях и не пользовалась от отца систематической поддержкой.

Дорогой читатель, прошу извинить меня за то, что я правдивыми фактами осмелился опорочить честь и нравственность наших служителей религиозного культа. Я готов был бы поклониться их праху и попросить искренне прощения. К сожалению, я не знаю где их «священные» могилы. Судьба для них сложилась так, что их могил нет сегодня на почетных местах кладбища Ольховской Казанской церкви. Если трудовой народ в Октябре 1917 года не победил бы, то, несомненно, к памятникам на их могилах Ольховского кладбища, религиозные фанатики долго топтали бы тропы и слезно оплакивали их далеко не светлую память.

ГЛАВА 4

СЕЛЬСКИЙ КООПЕРАТИВ

До 1907 года крестьяне молоко от своих коров сдавали местным купцам Кабачинову и Черепанову, а также скупщику-предпринимателю не из граждан с. Ольхово Мясникову по весьма низким ценам. За сданное молоко покупали у них же все необходимые продовольственные и промышленные товары по высоким ценам. Купцы перерабатывали скупаемое у крестьян молоко на своих, кустарного производства, маслодельных заводах с применением наемного труда. В более ранние времена крестьяне ковали гвозди и сдавали их тем же купцам.

В конце прошлого столетия в царской России появилась первая кооперация потребительского характера, то есть снабжавшая членов кооператива товарами потребительского значения. Постепенно кооперация стала проникать и в деревню. В Ольхово кооператив появился в 1907 году. Наиболее передовые крестьяне-инициаторы, числом около 50 человек, решили создать интегральный кооператив, то есть объединяющий как торговлю, так и переработку молока на масло. Пионерами этого нового дела были крестьяне Иван Лукашков, Александр Земсков, Михаил Паланов, Андрей Борин и другие. На собранные паевые средства они купили у предпринимателя Мясникова здание маслодельного завода со всем оборудованием: сепаратором, маслобойкой, отжимным столом, флягами и т.д. В здании завода было отдельное помещение для торговли. Дело в кооперативе с первых дней пошло успешно. Первым доверенным был избран Павел Смирнов (псаломщик церкви), а наемным приказчиком нанят Владимир Паланов. Одновременно из пайщиков кооператива была избрана ревизионная комиссия. Результаты работы кооператива за первый год показали значительную материальную выгоду. Каждый пайщик по истечении года получил немалый дивиденд (от 20 до 50 руб.). За два года в кооператив вступили и все остальные крестьяне. Вслед за селом последовали и крестьяне деревни Ольхово, где также был создан интегральный кооператив.

Кооператив избавил крестьян от прямого грабежа их купцами-предпринимателями Кабачиновым, Черепановым и Мясниковым. Они платили крестьянам за доставленное на их заводы молоко 50-55 копеек за пуд, а кооператив – около 65 копеек. За продаваемые крестьянам потребительские товары они брали цены на 10-15% выше кооперативных. В итоге, купцы зарабатывали от скупки молока до 5000 рублей и от продажи товаров – до 7000 рублей в год только в одном селе. Такое же положение было и в деревне Ольхово. Теперь эти доходы оставались уже в личном бюджете крестьян и значительно облегчали их существование.

При кооперативе была небольшая свиноферма, и содержались два-три быка-производителя для случки крестьянских коров. Для корма животных использовались отходы от перерабатываемого на заводе молока в виде обраты и пахты. Другие корма (сено, жмых) закупались кооперативом у крестьян.

Все вопросы в кооперативе решались на общих собраниях членопайщиков простым большинством голосов. Не обходилось порой и без жарких споров. В этих спорах иногда одерживал верх не доказавший объективную истину, а просто перекричавший своего соперника. Антип Никонов, обладавший громким и сильным голосом, любил спорить до такого предела, что не выдерживали пуговицы на воротнике рубашки и летели на пол. Торжествуя порой победу над соперником, говорил ему: «Давай теперь спорить: ты – за мое, а я – за твое, и я тебя все равно переспорю».

Интересны были сцены найма на собрании нового приказчика в кооператив. На эту должность не было подготовленных, квалифицированных людей. Обычно предлагали начинающим трудовую жизнь молодым юношам, а договор с кооперативом о материальной ответственности подписывал отец будущего приказчика. Отец, будучи малограмотным или совсем не грамотным человеком, смотрел на материальную ответственность с большой осторожностью и нерешительностью. Дело уже подходило к концу, а отец все еще колебался. Тогда в его адрес раздавались голоса: «Берись, Егор! Не боги горшки делают, а люди!»

Егор отвечал в шутку на такую реплику: «Ты, Кузьма, на уставленной сквороде сидишь, а под меня заржавленную подсунуть хочешь! Мужики, а если я весь кооператив пропью?»

– Берись, Егор – поможем (в шутку).

После этого раздавались в зале раскаты смеха. В конце концов, Егора уговаривали, и он со страхом и трепетом ставил свою подпись на договоре.

Кооператив в жизни крестьян был большой важности событием. Он помогал решать многие хозяйственные вопросы, такие, как заготовка новых образцов семян, приобретение новых видов сельскохозяйственных орудий труда, проведение некоторых общественных работ по ремонтам общественных зданий, дорог, мостов и т.п. Кооператив сплачивал крестьян в единый мощный коллектив и тем самым способствовал идейному росту в классовой борьбе.

Кооперативы сельские были не одинокими коллективами, а объединялись в Череповецком союзе кооперативов в масштабе целого уезда. Этот союз действовал на паевые средства сельских и городских кооперативов и был экономически довольно мощной торгово-промышленной организацией. Он

владел в Череповце многими зданиями для баз, складов, имел свои непаровые и паровые суда. Союз принимал от сельских кооперативов масло, снабжал их почти всеми видами потребительских товаров и даже готовил кадры счетных работников. Череповецкий союз, в свою очередь, был организационно и по торговле связан с Петроградским обществом оптовых закупок.

Незадолго до Октябрьской революции в селе образовались на месте одного два самостоятельных кооператива. Это разьединение было связано с глубокими корнями традиций прошлого.

До отмены крепостного права крестьяне села, как было уже мною отмечено, были крепостными двух помещиков. Примерно две трети крестьян были крепостными помещика Смирнова, и назывались они «смирновскими», а одна треть принадлежала помещику Верещагину, и назывались они «верещагинскими».

В один из кооперативов вошли бывшие «смирновские» крестьяне, а в другой – бывшие «верещагинские».

Это был шаг назад во всех отношениях и особенно в экономической (возросли торговые и другие расходы и естественно уменьшились доходы).

К счастью, это продолжалось недолго. С помощью прибывшего инструктора Череповецкого союза кооперативов удалось объединить все три кооператива в обоих селениях в один. Кооператив стал еще более мощным и экономически более выгодным.

Вместо прежних трех кустарных маслодельных заводов, был построен новый механизированный завод, где стала применяться и новая, более совершенная технология переработки молока на масло и на другие молочные продукты. Кооператив стал работать еще более успешно и продолжал существовать до сноса селений в связи с затоплением.

ГЛАВА 5

ШЛЮЗ И ПЛОТИНА

В 1910 году около селений Ольхово по принятому проекту шлюзования реки Шексны открылись работы по строительству Черепановских сооружений на р. Шексне. В состав этих сооружений входили: разборная плотина через реку Шексну, судоходный шлюз, небольшая земляная перемычка с фашинным и каменным креплениями между правым берегом и островом, лежащим немного выше плотины, и береговое крепление верхней части того же острова фашиной и камнем. Первый год строительные работы велись акционерным обществом «Русвурм» подрядным способом. Во главе стоял инженер Белов-Шабалов Николай Савватеевич. Технический надзор со стороны заказчика – Министерства путей сообщения – осуществлялся инженером Белокуровым Алексеем Ивановичем и несколькими техниками, ему подчиненными. Администрация общества «Русвурм» вела довольно шумный и веселый образ жизни, устраивала попойки с выездами на пикники в лес и в г. Череповец. Вскоре стало известно, что общество «Русвурм» обанкротилось, не выполнив заключенного контракта с заказчиком.

Строительство перешло в ведение государства, и работы стали производиться хозяйственным способом. Начальником строительства стал инженер путей сообщения Белокуров Алексей Иванович. Работы пошли более успешно. Белокуров А.И. был не только хорошим инженером-специалистом, но и неплохим человеком. Он пользовался должным авторитетом среди рабочих, служащих и местного населения. Часто откликался на нужды самых простых людей труда и оказывал им всевозможную помощь. Учительница Никола-Выксинской школы Лапина П.М. забеременела от техника строительства Вязаницина Н.И., который от вступления с нею в законный брак уклонялся. Она обратилась за помощью к Белокурову А.И. Он тут же вызвал к себе Вязаницина Н.И. и резонно ему заявил, что если он не возьмет обманутую девушку замуж, то будет уволен с работы с компрометирующей рекомендацией («волчьим билетом»). Дело происходило еще до Октября, когда с «волчьим билетом» найти работу было невозможно, и он вынужден был вступить с Лапиной П.М. в законный брак.

Когда мы в школьном возрасте несколькими группами приходили к нему на квартиру в праздник Рождества Христа славить, то каждому из нас он давал по 20 копеек. Это было для нас огромной радостью и побуждало пойти на обман. Многие завернулись к нему по несколько раз. После нам: стало известно, что он раздал детям за славу Христа в этот день около 50 рублей.

Начавшаяся Первая мировая война, а вслед за нею – Гражданская, вызвали

почти полную остановку строительства. Сроки строительства вынужденно оттягивались на несколько лет. Белокурова А.И. сменил инженер Холодовский Б.И., на смену которому пришел техник Умников П.И., а последнего сменил инженер Костров И.Н.

При ст. производителе работ (начальнике строительства) Кострове И.Н. была произведена основная масса работ по строительству шлюза и плотины. Он проработал на строительстве около пяти лет и ушел с этого поста только в 1925 году после сдачи законченных сооружений в эксплуатацию. Небольшие недоделки производились молодым инженером Франтовым С.М. в 1925-26 годах. Лично мне с инженером Костровым И.Н. пришлось поработать на строительстве Черепановских сооружений и на ирригационном строительстве в Средней Азии около десяти лет. Костров И.Н. был умным и технически грамотным инженером. В Средней Азии он занимал должность зам. начальника Ферганского управления по строительству, начальника производственного отдела треста «Средазводстрой» и главного инженера, крупнейшего в то время Вахшского строительства. Костров И.Н., был человеком исключительно честным и добросовестным, хотя и происходил из рода богатых людей; отец его занимался судоходством на реке Сухоне, имел паровые и непаровые суда, а с 1908 года жил на доходы от денег, т.е. был настоящим рантье.

В начале 1930 года Кострова И.Н., главным образом, по причине его происхождения, вычистили из советского аппарата по II категории, т.е. без права занимать ответственные руководящие должности. Но через неделю после этого реабилитировали и назначили главным инженером Вахшского строительства. Позднее он был начальником южного района

строительства канала Москва – Волга, за что награжден орденом Ленина. Работая затем в Главгидростройпроекте на видных руководящих постах по проектированию таких уникальных сооружений как Волго-Донской канал, Куйбышевский гидроузел и другие, он неоднократно награждался орденами и был удостоен звания лауреата Ленинской премии.

Место под строительство шлюза было выбрано, как

Инженер Костров И.Н. за рабочим столом.
Снимок Михайлова С. И., 1924 г.

потом оказалось, неудачное. Под стенками шлюза был довольно непрочный грунт – песок-пльвун, поэтому шлюз строился на свайном основании. В конце строительства, когда камера шлюза уже была построена и даже навешены были металлические ворота, течением воды правую «по течению» воротню закрыло. На протяжении нескольких недель воротню открыть не удавалось, и вода из-под левой стенки шлюза вымывала песок-пльвун. После закрытия обоих воротен и откачки воды из камеры шлюза было установлено, что под левой стенкой по длине в несколько десятков метров грунта не было, а стенка держалась только на сваях. Вымытое водою пространство под стенкой шлюза пришлось заполнять цементным раствором при помощи пневмоаппарата.

Для ускорения сроков окончания, работы по строительству третьей очереди плотины в 1923 году велись не зимою в тепляках, когда горизонт воды не повышается, а осенью без тепляков. Когда работы уже подходили к концу, вода поднялась необычно высоко (такого подъема не ожидалось), и котлован, ограждаемый перемычками (два ряда шпунтовых свай, а между ними – земля), затопило. Все люди, работавшие в котловане, успели выбраться из него и спастись. Под водой оказалось кое-что из строительной техники. В феврале 1924 года котлован откачали и обнажили бетонный флютбет плотины с целью проверить сохранность его и кое-что доделать. При морозах до -15°C работы велись без тепляка, а флютбет плотины не имел температурных швов, т.к. должен был всегда находиться под водой при плюсовой температуре. Первое время на флютбете плотины дефектов (трещин) не заметили, а установили поперечную трещину только летом при осмотре водолазами. Пришлось зимой 1924-25 г. построить небольшую перемычку, откачать воду и в тепляке трещину залить гудроном, а сверху наложить котельный лист, прикрепив его болтами, залитыми цементным раствором.

Летом 1925 г. при помощи водолазного колокола на флютбете плотины в зоне третьей очереди было обнаружено еще несколько поперечных и даже продольных трещин.

Созданная техническая комиссия решила, что эти трещины опасности для сооружения не представляют, и никаких работ по их ликвидации не производилось. Последующий период эксплуатации шлюза и плотины подтвердил правильность сделанных

технической комиссией выводов. Шлюз и плотина проработали до затопления их водой Рыбинского водохранилища, то есть до 1940 года.

На снимке тридцатых годов виден в камере шлюза вошедший через нижние ворота пароход «Рупвод». Слева от шлюза видна плотина через реку, а вдали на правом берегу, примерно в 1,5 км от шлюза, виден «Барсов дом», в котором когда-то жил инженер Белокуров А.И. Дом называется Барсовым по фамилии его владельца до Октября.

Строительство шлюза и плотины дало гражданам наших селений Ольхово, да и многих других близ лежащих деревень постоянную работу. Это было большим подспорьем во многих крестьянских семьях. В некоторых из них работа на стройке давала основной источник существования. Особенно много работало на строительстве молодежи – юношей и девушек. Некоторые из работающих наших граждан получили на строительстве хорошие квалификации и, соответственно, занимали неплохие должности. Коршунов В. несколько лет был десятником (мастером), Афонин В. – заместителем механика, его брат Афонин А. – машинистом паровой машины, Парамонов С. – мотористом насоса и т.д.

В 1925 году началась эксплуатация шлюза и плотины. В постоянные штаты на эти сооружения попали опять же жители наших селений. Это было выгодно для государства, так как эти работники не требовали квартир, а жили в своих домах в Ольхово.

Строительство шлюза и плотины при советской власти гражданам Ольхово давало не только средства для существования, но и поднимало их культурный уровень. На строительстве существовал неплохой по тому времени рабочий клуб, в котором велась культурно-массовая работа. Особенно широкое развитие получило театральное искусство – постановка спектаклей. В них участвовали рабочие, инженерно-технические работники и служащие, в том числе и молодежь из наших селений. Последние составляли около половины всех участников, а в последний период даже больше. Многие из участников выросли до уровня неплохих актеров-любителей. Нельзя не отметить наиболее активных и способных из них: Земсков П.А., Земскова П.А., Степина С.П., Коршунов П.И., Михеев Н.Г., Семенов Ф.С., Афонюшкин И.А. Особая заслуга в этом деле принадлежит художнику-декоратору Амосову В.М., самоучке из гр-н д. Ольхово. Он создал целый ряд прекрасных декораций для спектаклей, которые получили положительную оценку актеров-профессионалов из Череповецкого драматического театра. Из инженерно-технических работников строительства, вдохновителем и организатором театрального искусства был Бондин Ф.В. – ст. техник, а позднее председатель Череповецкого губернского комитета Союза рабочих строителей. Много и активно участвовали в спектаклях: Макаров М.И., – кассир строительства, Красовская Е. – его

жена, Макаров В. – его сын, Грязнова В.И. – машинистка, Домакова Л.А. – машинистка, Рогальский С.С. – рабочий из бывших белых офицеров, Петухов Александр – рабочий. Спектакли, поставленные на сцене клуба, были из классики Островского А.Н.: «Не так живи, как хочется», «На бойком месте», «Не все коту масленица», «Бедность не порок». Спектакли по пьесам других авторов: «В житейском угаре», «Сокровище», «Солдатская любовь», «Я умер», «Две правды» и другие. Спектакли проходили с большим успехом, о чем свидетельствовали, прежде всего, высокая посещаемость (билетов часто не хватало) и отзывы артистов-профессионалов из Череповецкого драматического театра, которые иногда играли на сцене клуба вместе с актерами-любителями, а иногда были гостями-зрителями. Из Череповецкого театра не раз клубу строительства давали на прокат костюмы без всякой платы.

*Труппа актеров-любителей, принимавших участие
в спектакле по пьесе "Враги"
(снимок Михайлова С.И. Июль 1924 г.)*

Верхний ряд (слева направо):

Валько Т., Борин И., Земсков А., Рогальский С., Афонюшкин И., Арон, Ручкин М.

Второй ряд: *Земскова П., практикант, Степина С., Андреева А., практикант, Домакова Л., Ласкеров М.*

Нижний ряд: *Шадрухин Д., Черепанова Н., Невейкин Ф.*

ГЛАВА 6

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ

Из числа граждан селений Ольхово вышло немало людей, заслуживающих достойной похвалы и места в настоящем очерке. Многие из них, не имея в свое время нужного образования, пополняли его без отрыва от основной работы и в дальнейшем неустанно работали над его совершенствованием. Они честно, добросовестно и активно трудились, достигли немалых успехов в своей работе, а некоторые даже были награждены орденами и медалями Советского Союза. Другие отличились на военном поприще и тоже имеют заслуженные награды. Мне не известны все из таких людей, а поэтому я позволю себе рассказать кратко о тех из них, которых хорошо знал в прошлом и знаю в настоящем.

Паланов Василий Михайлович 12 лет после окончания сельской школы был учеником церковной живописи у деда Амосова Андрея и его сыновей (дядей) Михаила и Василия. Выучившись этой специальности, стал работать самостоятельно в сельских церквях на средней Волге. Вскоре, как преследуемый царской полицией за агитацию среди населения, вынужден был в 1909 году с семьей бежать в Сибирь. Там продолжал работать художником живописи и одновременно занимался самообразованием, затем сдал экстерном экзамены и получил права сельского учителя. Стал работать учителем и в 1919 г. вступил в партию. Во время колчаковщины служил в нашей контрразведке, в партизанском отряде. Позднее, т.е. после Гражданской войны – на партийной работе до 1930 г. В 1930 г. возвратился из Сибири и работал директором семилетней школы в Череповецком районе. С 1933 г. работал вновь по партийной линии, в партийном комитете Свирстроя. Там же был преподавателем в совпартшколе и вечернем комвузе. Во время войны переехал в Ярославскую область, где продолжал работать по специальности. Умер в 1954 году.

Амосовы Михаил и Василий специальность художников церковной живописи получили от своего отца и всю жизнь работали по данной специальности. Они создали в церквях сел и города Череповца много икон и фресок, выполненных с достойным художественным мастерством. Амосов Вячеслав Михайлович в детстве получил квалификацию художника церковной живописи от своего отца. После Октябрьской революции он переходит на работу по специальности художника-декоратора. За период строительства шлюза и плотины у дер. Черепаново Амосов В. создает несколько прекрасных декораций к спектаклям по классическим пьесам А.Н. Островского и других авторов, поставленным на сцене клуба строительства силами местной художественной самодеятельности. Этим декорациям

дали высокую оценку актеры-профессионалы Череповецкого губернского драматического театра.

Близость большой судоходной реки Шексны всегда привлекала внимание жителей наших селений, которые уходили на летний сезон на работу на речные паровые и непаровые суда. Еще до Октябрьской революции получил права капитана речных пассажирских пароходов Амосов Василий Васильевич, проработавший на данном посту несколько десятков лет. Он продолжал работать и после Октября. Последние годы Амосов В. был уже на руководящей работе в Череповецком участке Шекснинского речного пароходства.

В первые годы советской власти на пассажирском пароходе «Северянин» (после Октября – «Рупвод») на должности второго помощника капитана появился молодой ольховский юноша Черепанов Александр Иванович. Вскоре он становится первым помощником, а затем – капитаном. На этом посту работает успешно десятки лет. Последние годы перешел на руководящую работу в Управление Шекснинского речного пароходства, где и заканчивает свой трудовой путь. Отца сменил его сын – Черепанов Владимир Александрович, который многие годы работал капитаном, а в настоящее время работает капитаном-наставником в Управлении Шекснинского речного пароходства.

Возвратившись с Гражданской войны с последней должности пом. командира пулеметной роты Шадрухин Николай Парменович поступает в Рыбинское речное училище. Успешно заканчивает его и вскоре становится на капитанский мостик пассажирского речного парохода. Несколько десятков лет Шадрухин Н. отдает своей любимой специальности капитана речных пассажирских теплоходов и пароходов. Последние годы работал капитаном на морских каботажных судах, курсирующих на линии Ленинград – Выборг.

Из людей нашего поколения и несколько моложе нас получили высшее образование и работали на ответственных постах десятки ольховчан.

Мои соседки Александра и Анна Антоновны Трошины окончили Леушинскую учительскую женскую школу и работали перед Октябрем и после педагогами Ольховской школы. Трошина (позднее по мужу – Земскова) Александра Антоновна затем закончила в Ленинграде Внешкольный институт, а еще позднее – вечерний юридический. Работала несколько лет в прокуратуре г. Ленинграда. С последней должности пом. Ленинградского областного прокурора была в 1937 г. неосновательно репрессирована и отбыла 10 лет ссылки в Сибири. В начале двадцатых годов вступила в партию. После реабилитации вновь работала в прокуратуре г. Ленинграда. Умерла в июле 1971 года. Уместно заметить, что в том же 1937 году был

необоснованно репрессирован ее второй муж Чиж М., который из ссылки не возвратился.

Махаева (по мужу) Анна Антоновна закончила в Ленинграде дошкольный институт социального воспитания и там же работала по данной специальности, в настоящее время – пенсионерка по старости.

Земсков Федор Васильевич (первый муж Трошиной Александры Антоновны) еще до Октября получил образование учителя сельской школы, участвовал в Первой мировой войне в офицерском звании. Последнее звание – штабс-капитан. Командуя ротой, а затем батальоном, получил несколько ран. Пользовался авторитетом среди своих солдат и командиров. Находясь в армии, имел сближение с врачом-революционером Склянским Э.М., который после февральской революции был председателем Армейского комитета 5 армии, а после Октября – членом коллегии Наркомвоена и зам. председателя Реввоенсовета. После демобилизации из армии Земсков Ф. работал учителем в Ольховской школе. В 1918 г. получил из центра (очевидно, по рекомендации т. Склянского) задание и мандат на проведение в Тамбовской губ. хлебной разверстки. Там же был зверски убит бандитами.

Степина Серафима Петровна до Октября окончила Леушинскую учительскую женскую школу и работала всю жизнь педагогом. Позднее, без отрыва от основной работы, окончила Педагогический институт. Для своего времени была человеком всесторонне развитым; играла на рояле, неплохо пела, танцевала и прекрасно играла на сцене в спектаклях. Имела награды – ордена и медали.

Земсков Петр Александрович до Октября имел образование в объеме 4-х классов гимназии и работал рабочим (кочегаром, электромонтером) на петроградских заводах. Хорошо пел, играл на гармошке, танцевал, хорошо играл на сцене в спектаклях, сотрудничал в газетах и журналах. Член партии с 1924 года. Много работал на профсоюзной работе. После Октября без отрыва от производства, окончил промакадемию. После этого занимал руководящие посты в лесозаготовительной промышленности. Последняя должность зам. управляющего лесозаготовительного треста в Ленинграде. Погиб во время блокады Ленинграда в 1942 году.

Борина Мария Андреевна до Октября училась в Леушинской учительской женской школе, а затем с 1924 г. по 1927 г. – в Череповецком педтехникуме. Работала около 20 лет сельской учительницей, а позднее – в городских школах. В 1940 г. закончила заочно, без отрыва от основной работы, педагогический институт. Награждена двумя орденами и малой медалью комитета выставки достижений народного хозяйства. Медаль присуждена за выращенный под ее руководством и непосредственным участием фруктовый сад на пришкольном участке с участием детей-школьников.

Борин Федор Андреевич окончил Череповецкий педагогический техникум в 1929 г., а затем без отрыва от основной работы, педагогический институт. Работал сельским учителем, зав. учебной частью, директором средней школы. Член партии. Участник Отечественной войны. Будучи в звании капитана, командовал батальоном при прорыве блокады Ленинграда. Неоднократно ранен и контужен. Награжден орденом «Красной Звезды» и несколькими медалями.

Афонюшкин Петр Осипович, окончил педагогический институт. Работал педагогом сельских, а затем поселковых средних школ, имел награды.

Галанин Александр Иванович окончил Петроградский внешкольный институт и всю последующую жизнь работал на преподавательской работе в средней, а затем в высшей школе в г. Уфа.

Галанин Николай Иванович окончил Ленинградский ветеринарный институт и всю последующую жизнь работал по данной специальности.

Галанин Михаил Иванович окончил индустриальный институт и работал по своей специальности в ряде должностей в Ленинграде. Там же и умер в 1971 г.

Амосова Елизавета Кирилловна стала гражданкой дер. Ольхово с 1912 г. после выхода замуж за гражданина дер. Ольхово Амосова Михаила Ивановича. Она почти всю жизнь проработала в селе Ольхово акушеркой. Это была неутомимая труженица, не знавшая покоя. В любую погоду, в любое время дня и ночи она пешком приходила на помощь к рожавшим крестьянкам. Была всегда внимательна и отзывчива к ним. Амосова Е.К. приносила людям здоровье и радость, работая с чувством долга, с душевной теплотой и с большой человеческой сердечностью. Она обслуживала не только жителей села и деревни, но и многих других близ лежащих деревень. Заслуженно пользовалась авторитетом и любовью среди населения. Имела двоих прекрасных, во всех отношениях, детей – дочь и сына.

Амосов Николай Михайлович (сын Амосовой Е. К.) закончил два института. Проходя учебу в Архангельском медицинском институте, одновременно учился в вечернем индустриальном институте. После окончания учебы, избрал для себя более любимую специальность врача-хирурга. Однако он всю жизнь не забывал свою вторую специальность – инженера. Для сложных операций грудной клетки сам конструировал специальные хирургические инструменты, и по его чертежам заводы-изготовители выполняли такие заказы. В годы Отечественной войны работал ведущим хирургом в прифронтовых госпиталях. Сделал тысячи операций воинам Советской армии и многим из них спас жизнь. Амосов Н.М. имеет много научных трудов по своей специальности хирурга, изданных на двадцати языках. Ныне он зам. директора по науке Киевского научно-исследовательского туберкулезного и грудной

хирургии института имени Ф. Т. Яновского. Член-корреспондент академии медицинских наук. Депутат Верховного Совета СССР трех созывов. Лауреат Ленинской премии. Награжден многими орденами и медалями. В 1973 году Амосову Н.М. присвоено звание Героя Социалистического труда и вручена медаль «Золотая Звезда». Амосова Н.М. поистине и по праву называют светилом в области хирургии грудной клетки. С его именем впервые в нашей стране связано протезирование митрального клапана сердца. Он успешно использует современную кибернетику в области медицины. Имя Амосова Н.М. широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

*В Московском университете
после прочитанной публичной лекции
на тему: «Проблемы человека».*

Снимок сделан в декабре 1970 года

Амосов Н.М. ведет большую общественную работу, несмотря на свой шестидесятилетний возраст. Он систематически занимается физкультурой, ведет строгий образ жизни и благодаря этому сохраняет вес юношеского возраста. Имеет жену и талантливую дочь.

Махаев Николай Семенович рано потерял отца и вынужден был покинуть родину в юношеском возрасте в поисках заработка. Работая на промышленных предприятиях, достиг специальности токаря по металлу высшего разряда. Трудовой отпуск нередко проводил на родине. Уже тогда (до Октября) придерживался революционных взглядов. Привозил с собою нелегальную литературу и весьма осторожно знакомил с нею некоторых жителей Ольхово из более грамотных и надежных. На этом поприще был в связях с заведующим училищем Фроловым П.М.. В советское время продолжал работать по специальности. Получил известность как рационализатор и изобретатель, давший несколько ценных рационализаторских предложений и изобретений.

Черепанов Александр Андреевич (мой школьный сверстник) получил образование телеграфиста еще до Октября и работал на Северной железной дороге. Позднее, пополнив свое образование, достиг должности ревизора движения дороги, с которой и вышел на пенсию. Награжден орденом Ленина и несколькими медалями.

Черепанов Михаил Андреевич окончил Ленинградский политехнический институт и Краснознаменную Военно-воздушную академию им. Гагарина. Ушел в запас в звании инженера-полковника. С 1961 года работает по специальности. В настоящее время занимает должность гл. инженера проекта в проектно-институте в г. Череповце. Имеет правительственные награды за участие в Великой Отечественной войне – четыре ордена и несколько медалей. Член КПСС.

Фокичев Иван Иванович закончил в молодости Офицерское училище связи в Киеве и служил до Отечественной войны в Московской Пролетарской дивизии. Пополнил военное образование и достиг звания генерал-майора войск связи. Участвовал в Отечественной войне. Имеет несколько правительственных наград – орденов и медалей.

Петухов Леонид Харитонович окончил институт инженеров-строителей, всю жизнь работая по своей специальности инженера-строителя.

Шадрухин Сергей Поликарпович выехал из Ольхово с шестилетним образованием на Свирьстрой, где без отрыва от производства учился в вечернем строительном техникуме, а затем – в институте. В Отечественную войну был командиром инженерной роты (строил дороги и мосты). После Отечественной войны работал на желдортранспорте, где получил звание инженер-лейтенанта. Имеет ряд правительственных наград. Умер в 1972 году.

Этот перечень знатных людей, вышедших из наших селений можно было бы продолжить, но, не имея о них точных сведений, мы лишены возможности это сделать.

ГЛАВА 7

ЗАТОПЛЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В связи с окончанием постройки Рыбинского гидроузла и образованием мощного водохранилища, население Ольхово получило указание от вышестоящих органов Советской власти переселиться в другое отведенное место на территории Карельской ССР, близ финской границы. Переселение в указанное место не было обязательным для каждого гражданина. Кто не пожелал выезжать организованно с колхозом, мог избрать себе другое место нового жительства. Переселение началось в конце 1939 года и закончилось в 1940 году.

Нельзя не сказать более подробно об этом важном и неожиданном для людей событии. Люди, прожившие на насиженных местах всю свою жизнь, нелегко могли покинуть родной, живописный и любимый край. Здесь оставались могилы предков многих поколений. Здесь прошла счастливая пора детства и юношества, здесь в их оседлость и, особенно, в культуру земли был вложен огромный созидательный труд не только современников, но и их предков. Все это бесследно пропадало навечно. Они прекрасно понимали, что новое место жительства не может быть сравнимо с прежним. Что это переселение потребует немалых затрат, труда, забот и волнений. Многие женщины не выдерживали охвативших их переживаний, болезненно рыдали, целовали их родную землю. Но переселение было неизбежно, и к нему спешно готовились. Некоторые семьи не поехали с колхозом, а разобрали свои постройки, сплотили и отправились вниз по р. Шексне, а затем – по р. Волге. Выгрузились на полученных новых усадебных участках земли около города Ярославля. Другие переселились в г. Череповец и в селения, лежащие на «Горе», которые не затоплялись. Жилища и другие постройки, особенно ветхие сжигали на месте. Все же основная масса населения переехала со своим колхозом «Искра» в Карелию. Правда, Отечественная война их вновь

На первом снимке, сделанном в 1973 году с суши, видна колокольня, и около нее стоит Черепанов Михаил Андреевич – ныне инженер-полковник запаса войск авиации

потеснила и вынудила на ее период переехать на «Гору» в Мясинский район Вологодской области. После окончания Отечественной войны колхоз «Искра» возвратился на прежнее место в Карелию. Так закончились вынужденные переселения основной массы населения Ольхово.

После создания Рыбинского водохранилища водный путь от Рыбинска до Череповца стал даже несколько короче. Он может пропускать грузовые суда с любой посадкой без всякого опасения, что могут осесть на мель. Содержание водного пути стало много дешевле прошлого. Отпала необходимость шлюзовать суда. Бывшие шлюзы, Череповецкий и Ягорбский, навсегда ушли под воду на большую глубину. Меньше стало постов по осуществлению фарватера водного пути. Отпала необходимость содержать большой водочерпательный караван для производства дноуглубительных работ. Не нужно вести больших перегрузочных работ на судах, садившихся часто на мель. Прежние деревянные непаровые суда небольшого тоннажа совершенно отпали. Точно также оказались непригодными для нового водного пути легкие пассажирские трехпалубные и двухпалубные пароходы. На больших водных просторах такие суда не справятся с силой ветра и большой волной в штормовую погоду. При всех этих преимуществах экономическая выгода от нового водного пути совершенно очевидна.

Вместе с тем нельзя не отметить и значительных материальных потерь, вызванных затоплением большой зоны полевой, луговой и лесной земли. Под водой оказались и были до затопления снесены до 600 населенных пунктов (сел, деревень и поселков) и город Молога. Была затоплена площадь земли около 150 км. в длину и 25-30 км. – в ширину. Значительная часть этой площади была под лесом, который полностью срубить и вывезти из затопленной зоны не удалось. На затопленной пойме р. Шексны существовали большие заливные луга, на которых крестьяне косили и собирали высокого качества сено. Ежегодные паводки приносили на эти естественные луга

Второй снимок того же года сделан с катера. Этот единственный памятник нашей родины доживает последние свои годы. Колокольня построена из красного кирпича на известковом растворе, не имеющая кровли и не демонтируемая, не может избежать полного разрушения в недалеком будущем. Если не мы, то наши потомки будут невольными свидетелями этого печального для нас, бывших ольховчан, события

плодородный ил, источник произрастания ароматной густой и высокой травы, местами достигавшей роста человека. Это были районы развитого животноводства молочного направления. Здесь было расположено много маслодельней, небольших кустарных и даже несколько механизированных заводов по переработке молока и масла. Только в двух селениях Ольхово было 650-700 дойных коров, дававших до 50 тонн товарного сливочного масла в год.

Выработанное здесь масло имело прославленную марку «Вологодское», которое известно было еще до Октября не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Достаточно сказать, что масло, выработанное на ольховских маслодельных заводах в дореволюционное время, успевало попасть на международный рынок в Лондон. В настоящее время этот путь был бы еще короче по времени. Хотя этот район относился и к нечерноземной зоне, но на полях его успешно произрастали: пшеница, рожь, ячмень, овес, картофель, капуста и другие культуры. Производились большие лесозаготовительные работы по заготовке строевого и топливного леса. В ряде селений было развито местное кустарное производство крестьянской сбури, колес, телег, саней, дровней, плетеных корзин, глиняной посуды и других изделий. Около села Луковец и в г. Череповце были снесены при затоплении два лесопильных завода.

Последние годы горизонт Рыбинского моря заметно снижался, особенно во второй половине лета. Засушливый 1972 год показал наименьшую отметку уровня воды в Рыбинском водохранилище. В зоне бывших селений Ольхово в этот год обнажались такие земли, которые во все предыдущее годы были всегда под водой. В настоящее время на месте села Ольхово сохранилась только колокольня, да и та без купола.

Проезжая в 1971 году на туристическом теплоходе «Иван Сусанин» по Волго-Балту (по маршруту Москва – Ленинград и обратно), мне пришлось, видимо, в последний раз видеть этот памятник родного села. Из беседы с речниками Шекснинского водного пути мне стало известно, что суда, следующие по Рыбинскому морю придерживаются больше старого русла реки Шексны. От них же я услышал, что есть сторонники, предлагавшие другой вариант проекта Рыбинского водохранилища. По этому проекту следовало бы поднять левый берег реки Волги, в черте прилегающей к нему затопленной выше низменности. Спустить из затопленной зоны воду и сохранить сушу для народного хозяйства страны в прежнем состоянии. Конечно, в освобожденной от воды зоне не восстанавливать прежние села и деревни, а создать животноводческие совхозы молочного направления на базе новейшей техники с жилыми рабочими поселками современного типа. Будет ли такой вариант экономически выгоден, нам судить трудно. На этот вопрос может ответить «Главгидростройпроект», которому и следует предоставить последнее слово.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, вы прочли исторический очерк Ивана Андреевича Борина «Ольхово». Но наш сборник на этом не кончается. Впереди вы найдете воспоминания об Ольхове других людей, увидите старые фотографии, документы. Почему так устроена эта книга? Зачем она? Для кого? Попробую объяснить.

Село Мякса Череповецкого района находится на берегу Рыбинского водохранилища. Много переселенцев и их потомков проживают в Мяксе и окрестных деревнях. Ежегодно с 1999 года в Мяксе в память о затопленных населенных пунктах, церквях, монастырях проходят Леушинские стояния. Сотни людей со всей страны собираются на берегу рукотворного моря в ночь с 6 на 7 июля. Естественно, что нас не может не интересовать все, что раскрывает страницы истории затопленных деревень. Материалы об истории создания Рыбинского водохранилища, о судьбах людей, вынужденных покинуть свои родные места, нашли отражение в экспозициях музея Мяксинской средней школы.

В 2003 году в день празднования 550-летия Мяксы при посещении школьного музея глава Чагодощенского района Борин Василий Васильевич сказал, что у него есть книга, написанная его родственником Бориним Иваном Андреевичем, в которой много интересных фактов, фотографий об истории затопленных деревни Ольхово и села Ольхово, которые располагались недалеко друг от друга.

В 2006 году в Мяксу из Москвы приехали Борина Алла Федоровна, ее брат Борин Борис Федорович и его жена Борина Зинаида Федоровна. Они приехали в село, где провели детские годы. Их родители Борин Федор Андреевич и Борина Мария Ивановна в годы войны работали учителями в Мяксинской средней школе. Гости пообщались с учащимися, педагогами, жителями села, помнящими их родителей. Посетив школьный музей и увидев экспонаты по истории Рыбинского водохранилища и затопленных деревень, Алла Федоровна сказала, что у них есть книга «Ольхово», написанная ее дядей в 1974 году.

Что за удивительная книга, о которой нам говорят уже второй раз?

Мы договорились с Аллой Федоровной, что она перешлет нам ксерокопию исторического очерка, именно так охарактеризовал свой труд автор. И в начале 2007 года копия рукописи была у нас. 106 страниц машинописного текста, 16 фотографий. Книгу стали читать, она переходила из рук в руки. Желающих прочесть было много, а книга – одна.

Так родилась идея сделать электронный вариант исторического очерка. Этим

заялся ученик 11 класса Тугов Александр. За что ему большое спасибо. На сканирование и распознавание текста у него ушло достаточно много времени. Александра тоже заинтересовал материал, изложенный в книге, он подготовил сообщение о данной рукописи и выступил на Чечулинской конференции в г. Череповце.

Желающим прочесть книгу мы распечатали несколько экземпляров, послали по электронной почте. Пошли отзывы, замечания, предложения...

Судьба сводила с новыми людьми, бывшими ольховчанами или их потомками. Летом 2007 года в Мяске останавливается легковой автомобиль и мужчина спрашивает меня:

– Как можно попасть на Ольховский остров?

– А зачем?

– Отец родом оттуда, последние годы он мечтал побывать на своей родине – не довелось. Вот я и хочу сплавать туда, взять землю с острова и посыпать на могиле отца. Помогите найти рыбака с лодкой, который поможет мне сделать это. Я в командировке в Череповце. Скоро уезжаю в Москву.

На следующий день Александр Мольс позвонил мне с острова. Мы обменялись электронными адресами, Александр и его братья прочитали книгу, выслали воспоминания, имеющиеся старые фотографии.

Осенью этого же года была встреча с Еленой Николаевной Мельниковой из Рыбинска, которая в возрасте 82-х лет организовала поездку на туристическом автобусе из Рыбинска в Мяску. Женщина хорошо помнит свои детские впечатления о жизни в Ольхове, и давно мечтала побывать в этих местах. В преклонном возрасте Елена Николаевна с трудом передвигается, и пока ей только удалось побывать у поклонного креста на берегу Рыбинского вдхр. в Мяске. Но она не оставляет мечту съездить и на Ольховский остров.

Спустя некоторое время Елена Николаевна приезжает в Череповец в гости к Черепановым. Оказывается – это потомки М.А. Черепанова, которому автор говорит спасибо за помощь в сборе материала для очерка. Это удивительно, но, посетив эту семью, я узнал, что у них тоже есть книга «Ольхово», и они бережно хранят фотографии, документы, связанные с историей рода Черепановых. Владимир Михайлович, сын Черепанова Михаила Андреевича, односельчанина автора книги дал мне возможность сделать копии уникальных фотографий, стихотворения И.А. Борина об Ольхове, статьи о книге в газете «Коммунист» за 1984 год. Сам он очень увлечен историей, собрал полную коллекцию мемуаров о Великой Отечественной войне, составил уникальную родословную своей семьи.

Можно только догадываться – сколько

экземпляров исторического очерка сделал автор, но такую же книгу с вклеенными фотографиями мне показали и в музее Череповецкой средней школы № 1. Более того, руководитель школьного музея Зайцева Любовь Владимировна сказала, что они перепечатали этот материал на пишущей машинке и подарили Николаю Михайловичу Амосову на 80-летие. В составе группы из г. Череповца она ездила в Киев поздравлять знаменитого земляка с юбилейным днем рождения.

Таким образом, мне стало известно о четырех экземплярах книги «Ольхово». Все они имеют одинаковый текст и отличаются некоторыми вклеенными фотографиями. Кроме книги у В.В. Борина из Чагоды сохранилась подробная схема села Ольхово, составленная И. Бориным. Эту схему Василий Васильевич скопировал для музея Мяксинской школы и дал на некоторое время подлинник рукописи. Кстати, Василий Васильевич тоже побывал на Ольховском острове с теми же мыслями и целью, что и ранее упомянутые ольховчане.

Заручившись согласием родственников И.А. Борина, сохранивших удивительную рукопись, мы решили издать его очерк в типографии, дополнив другими статьями, воспоминаниями, фотографиями, связанными с Ольхово. Текст исторического очерка мы практически оставили без изменений. В предисловии Иван Андреевич жалеет, что не мог из-за отсутствия сведений дать более полную информацию и обращался к читателям с просьбой писать отклики и замечания. Конечно, хотелось бы задать много вопросов автору, в чем-то, возможно, поправить его. Но сделать это не возможно – Иван Андреевич Борин умер в 1988 году в возрасте 87 лет. Будем считать дополнительный материал нашим откликом и дополнением к уникальному труду автора. В конце книги вы прочтете воспоминания Николая Михайловича Амосова о своем детстве, которое он провел в Ольхово. Очень необычный, интересный способ подачи материала у нашего знаменитого земляка. Я уверен, изданный сборник найдет своего читателя, будет интересен бывшим ольховчанам, жителям окрестных мест, их родственникам, краеведам.

В подготовке материала к печати активное участие принимали А.В. Кузин (выверка текста исторического очерка И. Борина «Ольхово»), ученик 9 класса Мяксинской средней школы Михеев Дмитрий (печать текстов), Е.В. Леонтьева (обработка фотографий), О.В. Родионова (дизайн обложки). Ученица 11 класса Мяксинской средней школы Зайцева Анастасия, взяв за основу материал рукописной книги, провела исследование об истории села Ольхово.

Я очень надеюсь, что это не последний сборник воспоминаний об истории нашего края, выпущенный нами. Если у вас возникнет желание поделиться имеющимся краеведческим материалом, свои воспоминания, старые фотографии или их копии можете посылать в музей Мяксинской средней школы или на почтовый ящик leowikleo@mail.ru.

С уважением, В.Л. Леонтьев

И. Борин

СЕЛО РОДНОЕ

*Средь холмистых широких полей,
Близ берез и зеленых елей,
Золотых колосистых хлебов,
Живописных, ковровых, цветущих лугов,
У Шексны изумрудной глубокой реки,
У крутой и горбатой овальной Луки,
Пораскинулось Ольхово – наше село;
Вечно милое сердцу оно.*

*Каждый день весной и летом
В рожок играл пастух с рассветом,
Будил хозяек сонных от труда
Доить коров и гнать в стада.
И слушая хлыста ударов звук,
Покорно шли животные на луг,
А вечером задрав хвосты бежали
И шкуру во дворах от оводов спасали.*

*Приятно, любо для души,
На Выксе в сказочной тиши,
В час ранней утренней зари,
Когда на луг уходят косари,
На удочку ловить ершей и окуньков,
А на наживку – щук и судаков.
Чуть клюнет – тянешь окунька,
Наживку брось – поднимешь судака.*

*Природы чудная краса –
Окрестные зеленые леса
Обилие лесных плодов таили,
Детей и юношей и звали, и пленили.
Врывались в лес они, как шквал,
И дремный лес внезапно оживал.
Их привлекала сладкая малина,
Княжица красная и горькая калина.*

*Собирать грибы в лесу заодно,
Заманчиво и увлекательно бесспорно.
Увидишь белый гриб под елкой,
Бегом к нему с охотой колкой.
За утро целую корзину наберешь,
До сотни белых принесешь.
Горишь желанием друзьям не уступить,
Побольше белых находить и победить.*

*Уже промчались былые века,
Русло не раз изменяла река,
Поколенья сменяли друг друга,
Выла зимою по-прежнему вьюга.
Пел весною в лесу соловей
В чаще тенистой зеленых ветвей.
На полях пахарь землю пахал,
На уставшую лошадь возжжою махал.*

*Жил бы там и сегодня народ
Не предвидя неожиданных невзгод.
Да приходит большая беда на порог,
И настал час хлопот и тревог.
Депеша гласила – селенье на снос!
Готовьте на новое место колхоз.
Название месту – «Большая гора»,
Там и селиться колхозу «Искра».*

*Собрались мужики и правдиво сказали:
– Тяжелая жизнь ожидает вначале.
Нужно избы собрать, да и место обжечь,
Дороги-временки к дворам проложить.
Яровые посеять, пары запахать,
Хлеба прополоть, без потери собрать.
И труд коллективный колхозных семей
Чудо свершил на глазах у людей.*

*Избенки ломали, на конях везли,
Скотину днем гнали, а ночью пасли.
Две церкви вручную пришлось разобрать.
Одна колокольня осталась стоять,*

Да предков могилы, ограды, кресты,
Совсем одиноки, кругом сироты.
Хранят они память о месте родном,
О жизни минувшей, о прошлом былом.

Иные постройки свои посплотили
И вниз по течению речки спустили.
Новоселов встречали не с теплою лаской
На берегу Волге – земле Ярославской.
Все дружно трудились с утра до утра,
Всюду слышался стук топора.
Умелым, упорным и славным трудом
Воздвигнут поселок на месте пустом.

Сцены прощанья нельзя описать.
Нельзя и словами всего рассказать.
Женщины плакали, громко рыдали,
Землю родную слезой обмывали,
Кровное, словно дитя, провожали,
Горькое горе до дна изливали.
Взрослые, дети шумели, кричали,
Малые – мать и отца обнимали.

Дряхлая бабушка тихо стонала,
слезно просила, порой умоляла;
Позволить на лавке родной умереть
И рядом с супругом в могиле истлеть
– Мама, куда нас папуля свезет?
Туда, «где Макар и телят не пасет».
В шутку ребенку ответила мать
И бросилась жадно его целовать.

Дети со школой проститься пришли,
Педагогам подарки с собой принесли.
Марсельезу любимую хором пропели,
Забавно играли и громко шумели.
Веселье сменилось минутой прощанья,
Пошли обещанья, объятия, лобзанья,
На лицах девчат навернулись слезинки,
Как на анютиных глазках росинки.
Рощи лесные вода заливала,

Жителей леса знала, выживала.
Звери стонали, ревели, пищали,
Быстро любимый лесок покидали,
Птицы летали в тревоге большой,
Громко кричали, теснились гурьбой.
Весной не найти им родного гнезда,
В роще лесной поселилась вода.

Косоглазые русые зайцы бежали,
Тщетно жилища сухого искали,
Рыжая в даль устремилась лиса,
Вдруг оборвались пред нею леса.
Мчался волк, своих ног не жалея,
Но это была лишь пустая затея.
Мишка косматый метался, ревел,
От усталости падал, берлогу жалел.

Белки, куницы на ветках держались,
Пряталась рядом коварная рысь,
Видя чужую беду – посмеялись,
Почуя свою – загрустили и сжались.
В норы спешили ежи и ужи,
О счастье мечтали: «Лежи не тужи.»
Лоси последними лес покидали,
А, выйдя к опушке, собак повстречали.

К лесистым холмам не проникла вода,
Но безумным зверям не добраться туда.
Человек им на помощь пришел
И многих зверей в заповедник привел.
По узким тропинкам, таежным, лесным
Двигались звери покорно за ним.
Теперь новоселы неплохо живут.
Голод, холод прижмет – к человеку идут.

Земли сотен селений тогда
Поглотила навеки в пучину вода.
Водный путь стал широк и глубок.
Втрое возрос нужных грузов поток.
Прежде двигались: лапти, мочало, корье,
А ныне плывут: химикаты, металл и литье.

*Новый путь – ум и труд человека,
Волгобалт – это чудо двадцатого века.*

*Череповец, бедный стоял городок,
В нем высились церкви и крепкий острог.
Гигантский там вырос металлозавод,
По праву гордиться им славный народ.
Тысячи жителей бедного края
Трудятся в нем и заботы не зная,
В жизни края крутой поворот,
Краше, счастливее зажил народ.*

*Тебя я славлю родина моя
И славу эту ишу во все края.
Как невесту нежно я тебя ласкал,
И на земле иного рая не искал.
Ты дышишь и живешь в душе моей,
Ты матери родной дорожке и милей.
Тебя я честно буду защищать в бою
И если нужно – жизнь отдам свою.*

*Село родное видел я назад полвека,
А ныне там не встретишь человека.
Лежат от колокольни жалкие руины,
А в памяти встают минувшие картины:
Лазурная река, луга и улицы родные,
Дремучие леса, полей колосья золотые.
Родина, поклон тебе я отдаю
И в сердце глубоко тебя таю.*

*Друзья мои, – вы земляки родные,
Детства юности ребята озорные.
Мой скромный труд прочтите,
На строгий суд его примите.
Поверьте, не был я и маленьким поэтом,
Но предан искренне Есенина заветам.
Пытаюсь робко, но с душой творить,
И чувства добрые вам от души дарить.*

Письмо Бориной А.Ф. в Мяксинскую школу

Я, Борина Алла Федоровна и мой брат Борин Борис Федорович, а также его жена Борина Зинаида Федоровна побывали в Мяксе 20 октября 2006 года с целью посетить свои родные места, где прошло наше военное детство.

Наши родители, Борин Федор Андреевич и Борина Мария Ивановна (девичья фамилия Федотова) работали в Мяксинской школе учителями. Мама – с 1936 года по 1946 год учителем географии, отец – с 1935 года до ухода на фронт в феврале 1942 года учителем русского языка и литературы и заведующим учебной частью.

Когда началась война, точнее, когда отец ушел на фронт, маме было 26 лет, у нее было двое детей (я и Борис), а третий сын (Вадим) родился 1 апреля 1942 года уже без отца. Мне было к началу войны 3 года, а Борису – 2 года. Через два месяца после рождения третьего ребенка мама вышла на работу. При этом ей надо было относить младшего в ясли, а двоих старших отводить в детский сад. И так каждый день в течение всей войны. Сказать, что это были трудные годы – не сказать ничего. Началось престо выживание.

К началу войны у нас не было никакого огорода, никакого подсобного хозяйства. Жили мы на то, что давали по карточкам, и на то, что удавалось выменять у колхозников на оставшуюся довоенную одежду (пока было что менять). В яслях и детском саду кое-чем кормили. Мама ходила в колхоз копать картошку, за что получала некоторое ее количество как оплату за труд. Я помню, как некоторые дети из крестьянских семей, где были козы или коровы, приносили в бутылочках молоко в детский сад, а мы ничего не имели. Некоторые дети приносили жмых, который выдавали за сданную государству рыбу. Есть хотелось всегда. Сейчас только приходится удивляться, как мама нас спасла и чем кормила. Мне почему-то запомнилось, как отец, уходя на фронт, наказывал маме, чтобы она, главное, берегла детей.

Я помню, как однажды (а может быть, и не однажды) мама в компании с другими женщинами ездила на лодке на какой-то остров Рыбинского моря за голубикой, а нас оставила одних дома. Риск был ужасный. Мы могли остаться сиротами.

Когда съедали заработанную мамой в колхозе картошку, то сохраняли от нее очистки (почему-то в золе) и ели их. Однажды, помню, мы ими сильно отравились. Еще помню, как мы все угорели дома. Поскольку дрова надо было экономить, то печку закрывали очень рано, оставались непрогоревшие угли и шел угарный газ, который и дал отравление. Кстати, дрова женщины добывали сами (либо рубили в лесу, либо собирали вынесенные морем).

Жили мы в доме около недостроенного клуба, в котором хранилось колхозное зерно. Дом был на две семьи, разделенный на две части сенями. В нашей половине была холодная неотапливаемая кухня и комната. В соседней

половине жили учителя Тропниковы с дочкой Наташей. Мы, дети, почему-то боялись Василия Сидоровича Тропникова – он казался нам очень суровым. От дома до двухэтажных зданий школы было открытое место. Домов, как мне помнится, там не было. Там мы, дети, летом играли. Однажды зимой на нашей холоднющей кухне появилась замороженная рыба. Мама рассказала, что она ее наловила папиной сетчатой рубашкой в проруби на море (в месте впадения реки в море). Был сильный мороз, рыба не смогла пройти в море из реки, ее было очень много.

В детском саду была повариха тетя Тая. Я ее хорошо помню. Она нас кормила, и поэтому была для детей самым главным человеком в саду. Все дети во время войны ходили собирать щавель на буграх около реки Мяксы. Из этого щавеля варила тетя Тая суп.

В детском саду во время войны все дети готовили подарки солдатам на фронт. Мы шили и вышивали кисеты для табака, а женщины вязали носки и рукавицы. Хорошо помню, как в Мяксу привезли детей из блокадного Ленинграда. Детей размещали в домах жителей. Меня поразило, какая опухшая (от голода) была одна девочка. Потом нам сказали, что она умерла.

Детский сад был недалеко от реки и моря, и дети с воспитателем ходили иногда гулять к морю на пристань. Теперь от этой пристани ничего не осталось, также как и от детского сада. В свой приезд в Мяксу в 2006 году мы пытались найти его место, но нам показали его приблизительно.

Хорошо помню огромные валуны в полях около Мяксы, оставшиеся от древнего ледника. В эти поля мы, бывало, ходили гулять с детским садом. Под камнями мы делали свои ухоронки с цветными стеклышками, тряпочками – мозилки. Такая была игра. Теперь почему-то этих валунов уже не видно.

Рыбинское море было гораздо ближе к зданию школы, а с горки, где стоит школа, мы зимой катались на санках. Вероятно, море постепенно отступает и мелеет. Во время войны, как мне кажется, домов между школой и морем не было. Зданий школы на горе было три – два больших здания и одно поменьше – там, где сейчас памятник Ленину. В этом маленьком, но двухэтажном здании, помнится, была библиотека, где я брала читать свои первые книжки. Первая книжка, которую я запомнила, была «Генерал Топтыгин» Некрасова.

Из рассказов родителей я помню, что до войны в школе было чуть не 1000 учеников и большой коллектив учителей, организовавших театральный коллектив. Мой отец был активным участником школьного театра и играл Платона Кречета. Из учителей я помню фамилию Медынской Зои Сергеевны, Королевых, Тропниковых, Боголюбовых. Самыми близкими друзьями родителей были Смирновы Сергей и Надежда Матвеевна. Смирновы много раз приезжали к нам в послевоенные годы, когда мы уже жили под Москвой. В последние годы Надежда Матвеевна жила в Ленинграде. Боголюбовы жили в Москве, Клавдий Михайлович был зав отделом ЦК КПСС.

В годы войны, как я помню, за рекой за мостом была баня, куда мы ходи-

ли мыться (довольно редко, так как не было мыла). Вместо мыла для стирки белья мама использовала щелок (настой из печной золы). Вши в голове были обычным делом.

Мякса была в военные годы районным центром, в который съезжались из сел крестьяне. Дорога к центру села была полозьями саней сильно раскатана, была довольно наклонной, и по ней, как с горы, катались на финских и русских санях. Финские сани представляли собой высокое сиденье на длинных полозьях, так что один человек сидел на этом сиденье, а другой катил его, сам становясь на полозья.

Однажды летом мы гуляли с группой детского сада где-то в поле, и вдруг наступило полное солнечное затмение. Стало совсем темно, мы все перепугались и побежали в темноте в детский сад.

Но наиболее ярким впечатлением военного детства был страшный голод. Мой младший брат Вадим, родившийся в 1942 году, не мог ходить из-за рахита и полной дистрофии до 3,5 лет, хотя прекрасно говорил. Его на руках мама носила в ясли. Удивительно, что он вообще выжил. Тело его было покрыто чирьями, ноги – как плети. В конце войны, примерно в 1944 году нас пожалели добрые люди и дали маме козочку (они ее назвали Герда). Козочку вырастили, и она нас всех спасла. Я об этой козочке написала очерк в Московскую охотничью газету (приложение к газете «Московский комсомолец»). Газету с этим очерком я отдала в Мяксинскую школу для музея. Думаю, что это будет интересно теперешним детям и взрослым. Здесь я не буду этот очерк пересказывать. Скажу только, что благодаря молоку Герды мой брат встал на ноги, окреп и стал вполне здоровым человеком. Самое удивительное было то, что эту козу не надо было ни кормить, ни закрывать на зиму в сарай. Она круглый год сама добывала себе пропитание. Мама только три раза в день давала ей попить теплой водички, а доиться она приходила сама, вставала под окна школы и звала хозяйку громким криком. Все ученики ее узнавали. К сожалению, эту козу мы не смогли провезти через шлюзы в Рыбинске, когда после войны переезжали в Подмоскovie. Пришлось ее продать.

После войны брата Бориса забрал в город Электросталь (под Москву) брат отца Иван Андреевич, а я пошла в школу. В Мяксе я окончила первый класс. Училась в маленькой школе «у реки». Моя учительница – Лаврухина Анна Анфимовна. Я ее вспоминаю с большой теплотой. Школа отапливалась печками. Мы, дети, приходили в школу промерзшие, сначала грелись у печки и только потом начинали заниматься. Писали в тетрадях, сделанных из любой бумаги и сшитых нитками из листочков. Иногда это была даже газетная бумага. Сначала мы писали карандашом, потом чернилами, которые делами из химического карандаша. Класс освещали керосиновыми лампами, если было темно. Но обычно учеба кончалась еще при дневном свете. Дома же я готовила уроки, а мама проверяла школьные тетради при свете копилки, сделанной из баночки, в которую наливали керосин и вставляли фитилек.

Освещение от этой копилки было очень скудным, а керосиновых ламп, да еще со стеклом не было и в помине.

При всех трудностях военного времени дети не так часто болели простудными заболеваниями. Возможно, это так мне казалось. Но однажды я заболела свинкой. Одна из маминых подруг в Мяксе, тоже учительница, дала какое-то лекарство и камфарное масло для компрессов. Поправилась. Очень мы всегда ждали весну, так как появлялась трава, зелень, которую можно было есть. Мама завела огород, еле-еле дождались свежей картошки, которую не копали, а подкапывали.

После окончания войны вернулся с фронта отец. Хорошо помню, как он протянул младшему братику кусочек сахара. Тот сахар никогда не видел и сказал, что это мел, и его нельзя есть.

После войны в Мяксу привезли пленных немцев. Они что-то строили, по-моему, то шоссе, которое сейчас идет на Москву через Мяксу (возможно, я ошибаюсь). Помнится, немцы приходили к жителям Мяксы менять хлеб на табак (самосад). Хорошо было тем, у кого табак был. Но у нас его не было. После войны как-то мне выдали брезентовые ботинки с галошами, новые красивые. Сколько было радости! Но совершенно не помню, в чем мы ходили всю войну. Что-то перешивалось мамой из старых взрослых вещей, которые не смогли обменять на хлеб. Почему-то осталась необменной шуба отца из нерпы, и мы ее привезли с собой в Электросталь, когда туда переехали. Еще оставалось почему-то мамино шелковое пуховое одеяло. Вероятно, крестьянам это не понадобилось.

Помню, как мы с мамой ходили пешком на какой-то местный праздник в деревню Григорево, что недалеко от Мяксы. Нам, детям, казалось, что это очень далеко, но зато там нас чем-то угощали.

Так прошло наше раннее детство в Мяксе. Несмотря на жуткий голод, воспоминания остались светлыми.

Летом 1946 года мы переехали сначала в город Электросталь Московской области, где отец стал работать в школе сначала учителем, затем директором школы. Потом мы переехали в город Ногинск Московской области, где отец был директором школы, а мама учителем географии.

Мы все дети учились отлично, окончили школу с медалями (я и Вадим), Борис чуть-чуть похуже. Все окончили институты. Я окончила Московский государственный университет, геологический факультет, затем аспирантуру и защитила диссертацию кандидата химических наук. В настоящее время работаю в Институте общей и неорганической химии Российской академии наук. Борис окончил Институт стали и сплавов в Москве, Академию народного хозяйства при Совете Министров СССР. С 1992 года работал Генеральным директором ОАО «Металлургический завод «Электросталь». Он является лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом премии Правительства РФ, Премии Петра Великого, Заслуженным металлургом РФ, почетным гражданином города Электросталь, награжден многими

орденами, в том числе Орденом «За заслуги перед Отечеством», знаком «Человек года» по Московской области. Мой младший брат Вадим Федорович Борин окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище, плавал командиром котельной группы на краснознаменном крейсере «Киров». Затем работал директором Ленинградской электростанции ТЭЦ-2. Умер от инфаркта в 2000 году.

Мне удалось среди бумаг, оставшихся от моих родителей, найти их трудовые книжки, из которых сделаны ксерокопии страниц, касающихся их работы в Мяксинской школе. Найдено несколько фотографий учителей и учеников школы, относящихся к военным и довоенным годам. Мне бы хотелось, чтобы их посмотрели те, кто помнит эти времена. Возможно, на фотографиях удастся узнать учителей и учеников.

Несколько слов хочется сказать о моих предках по отцовской линии, которые все родом из села Ольхово, что затоплено Рыбинским морем.

Мой дед Андрей Нестерович Борин был потомком крепостных помещика Верецагина, чье поместье находилось в Пертовке (ныне под водами Рыбинского моря), в 11-12 верстах от Ольхово. Андрей Нестерович был прекрасным кузнецом (имел свою кузницу), плотником, работал доверенным управляющим в сельском кооперативе (выборная должность), первый в Ольхово начал сеять пшеницу. У него было очень крепкое хозяйство, имел он трех сыновей и дочь. Примерно в 1930 году (по рассказам его дочери Марии Андреевны) его объявили кулаком и начали раскулачивать. Наемный труд семья не использовала, но в семье было несколько коров и лошадь. Процессом раскулачивания, как и везде, заведовала местная гольтмба. Погрузили всех раскулаченных на баржу и повезли на выселение, отбрав весь скот. Но вмешался его старший сын Павел, в то время красный командир, который разгрузил по собственной инициативе баржу, снял всех людей с нее. Однако после такого удара дед уже не смог подняться, не смог восстановить свое хозяйство и умер в бедности.

Жена Андрея Нестеровича, наша бабушка Дарья Ивановна, происходила по отцу из крепостных крестьян и из мещан по матери. Ее отец был крепостным помещиков Смирновых. У матери Дарьи Ивановны было две сестры – Акулина Тимофеевна, которая была замужем за младшим сыном помещика В.В. Верецагина Михаилом, и Мария Тимофеевна, которая была одной из первых маслоделок по выработке сливочного вологодского масла, имела несколько медалей, полученных на международных выставках за высокое качество масла. Последний помещик из Верецагиных – Василий Васильевич Верецагин – был отцом знаменитого художника-баталиста Василия Васильевича Верецагина, чей музей (дом отца) находится в городе Череповце.

У Андрея Нестеровича Борина и Дарьи Ивановны было три сына (Павел, Иван и Федор – мой отец) и дочь Мария. Все дети получили высшее образование (в основном заочно).

Федор Андреевич и Мария Андреевна были учителями. Мария Андреевна работала в годы войны в селе Данское недалеко от Мяксы. Она была биологом. После войны она работала в городе Электросталь Московской области, была награждена двумя дипломами первой степени, почетными грамотами и серебряной медалью ВДНХ за пришкольный сад, выращенный совместно со школьниками.

Иван Андреевич Борин окончил сельскую школу в Ольхово, работал счетоводом, а затем приказчиком в сельском кооперативе. Учился на курсах счетоводов в Череповце, после чего работал счетоводом в Управлении строительства Череповецкого шлюза и плотины. В гражданскую войну служил в Красной армии, а после гражданской войны работал на строительстве завода «Запорожсталь». Учился заочно и окончил институт. С 1942 по 1969 год работал главным бухгалтером металлургического завода в городе Электросталь, награжден многими орденами и медалями.

Павел Андреевич окончил сельскую школу, потом Череповецкое техническое училище. Участвовал в Гражданской войне, служил в Красной армии, попал в плен к Юденичу при его наступлении на Петроград, бежал из плена. После гражданской войны работал по счетной специальности, в том числе в колонии для трудных подростков под Ленинградом.

Очень подробно об истории села Ольхово, о строительстве плотины и шлюза, о затоплении Рыбинским морем многих сел и деревень, о Леушинском монастыре, затопленном морем, о сельских кооперативах, о коллективизации написано моим дядей Иваном Андреевичем Бориным в его книге (рукописной) «Ольхово», ксерокс которой я передаю в Мяксинский музей.

Огромное спасибо директору Мяксинской школы Виктору Леонидовичу Леонтьеву и всем учителям Мяксинской школы за теплый прием, за возможность познакомиться с материалами школьного музея, за предоставленные материалы по истории Мяксы, школы, усадьбы Батюшкова в селе Хантаново. Мы потрясены великолепным фильмом Виктора Леонидовича о Леушинском монастыре. Чудесный фильм!

Мы поражены тем объемом работы, который проделан коллективом школы по изучению истории края, по патриотическому воспитанию школьников. Это так важно в наше сложное время, когда вопросам воспитания детей почти не уделяется внимания. Спасибо всем Вам за Ваш подвижнический труд!

Мы вернулись из Мяксы переполненные впечатлениями и благодарностью ко всем людям, которые трудятся в Мяксинской школе.

А.Ф. Борина

Из воспоминаний А.В. Озерининой об отце

Мой отец Василий Витальевич Озеринин был мастером-умельцем. Я не могу назвать ни одной вещи, которую бы он не мог сделать из дерева.нас было восемь детей, а учительское жалование небольшое было раньше. Поэтому он принимал заказы в Ольхове. Делал он шкафы, горки для посуды, столы, стулья, табуретки, грабли, лопаты для снегоуборки, шкатулки, подставки для карандашей и ручек, пресс-папье. На последних трех предметах рисовал тушью виды природы.

У нас было 25 ульев пчел и все ульи (домики) делал он тоже сам. Все поделки из дерева покрывал лаком. Кроме этого шил нам всем верхнюю одежду и брюки для моих братьев. Шил сандалии из кожи, плел лапоточки из лыка, да такие хорошие – раскрашивал их. Подшивал обувь. А когда жили (с 1920 по 1924 г.) в Черноозерской школе Мясинского района, отец сделал двух деревянных уток для подманивания уток на охоте и прекрасную лодку-плоскодонку. Выкрасил ее зеленой краской. На ней мы катались, а отец со старшими сыновьями ловил рыбу.

Он был страстный охотник и рыбак, много приносил зайцев, из шкур которых выделывал нам воротники к пальто. Очень любил музыку и песни, хорошо играл на скрипке. Плел красивые корзинки, чтобы ходить за грибами и ягодами, которых в Ольхове и Черных Озерах было очень много. Плел верши для ловли рыбы. Очень хорошо рисовал и красками, и тушью. А мать была прекрасная портниха: шила нам платья, братьям рубашки и все белье.

Из с. Ольхово мы уехали в 1918 г. в г. Череповец, в котором прожили два года, но так как жить было очень трудно, отец снова попросился в деревню и получил назначение в Черноозерскую школу Мясинского района, в которой проработал 4 года. В 1924 г. снова переехали в г. Череповец. Нам нужно было учиться. С 1927 по 1930 год отец работал в школе, которая находилась на проспекте им. Луначарского рядом с Краеведческим музеем. Умер осенью 1930 года.

Я закончила Череповецкий педагогический техникум в 1926 году. Первый год работала в Сурковской школе, а с 1927 по 1930 год работала в школе с. Ольхово, то есть там, где работал мой отец, и где я провела детские годы.

Осенью 1930 г. Я вышла замуж за младшего брата Амосовой Елизаветы Кирилловны – акушерки с. Ольхово, уехала к месту его работы в г. Сталинград. С тех пор я в Ольхове не бывала. Очень жаль, что его не существует больше. Красивое было село и его окрестности.

Хочу еще добавить, что хорошим помощником отцу был его старший сын и мой брат Николай. Он так же, как и отец, очень любил охоту и рыбную ловлю и тоже хорошо рисовал.

А.В. Озеринина

Из письма**Елены Николаевны Степиной-Мельниковой**

Я, Елена Николаевна Степина-Мельникова родилась 16 сентября 1925 года в селе Ольхово, Мяксинского района Вологодской области. Дедушка и бабушка со стороны папы: дедушка Петр Савельевич Степин, бабушка Мария Васильевна Галанина. Семья была музыкальной, интеллигентной. Серафима Петровна Степина была директором школы. Каждый вечер за круглым столом они собирались, играли и пели. Тетя Сима играла на гитаре, папа на балалайке, дедушка на скрипке, два дяди на мандолине и гармошке. Родители мамы жили на хуторе, на самом берегу Шексны. Дедушка Андрей Яковлевич Черепанов был механиком на пароходе, бабушка Александра Михайловна Амосова-Черепанова – домохозяйка.

Здесь на хуторе жили еще Черепановы – один из них был настройщиком гармошек. Село Ольхово было все освящено, школа десятилетка, почта, больница, хорошая библиотека. До сих пор в глазах моих луга, красивый лес, богатая дарами природа. Мне было три года, когда родители уехали на север. Папа мой был инженером-монтажником. Но каждое лето они приезжали на родину. Воспоминания самые хорошие. Последний раз они были перед войной, а потом – затопление. Странно даже вспомнить.

Дедушки оба похоронены в Ольхове, рядом с летней церковью. Бабушка с хутора перевезла дом в Рыбинск, где мы все жили, в Рыбинске и похоронена. Степины – кто куда, кто под Ярославль, а кто в Карелию. Смутно помню, что жили в Куркиоки. Война, перестройка, разлучила нас. Живут двоюродные сестры в Череповце, в Сортавале. А в Куркиеки умерла тетя и обе сестры – двоюродные. Детство, проведенное в Ольхове, никогда не забудется. Жалко только, что я столько лет живу в Рыбинске и ни разу не была на своей Родине, а это так близко, и вот на 83 году я все же решила навестить родные края, а Вам спасибо за гостеприимство. Все остальные года своей жизни буду с Вами, мои земляки.

**С уважением,
Елена Николаевна Степина-Мельникова.
28 октября 2007 года**

Письмо от Александра Мольтс

Виктор, здравствуйте. Прочитал книгу об Ольхово и даже не знаю, что сказать вам нового. В предисловии автор выражает благодарность людям, помогавшими своими рассказами, так вот упомянутый в списке Паланов Ф.М. (Фалл Михайлович) – отец моей мамы, т. е. мой родной дед, а Паланов С.М. – его родной брат, правда, я с ним никогда не был знаком. Не знаю почему, но наши семьи не общались. История же с кормилицей Верещагина – это про их тетю, я эту историю слышал от деда.

Если интересно, то в семье была еще сестра Павла Михайловна, которая затем жила в Ангарске. В Ольхово, насколько я понимаю, эта семья Палановых была достаточно зажиточна, и во время коллективизации дети деда Михайло и бабушки Ольги разъехались по стране (видимо от греха подальше). Мой дед, Фалл, несмотря на 4 класса ЦПХ был достаточно грамотным человеком и, работая на различных стройках северо-запада страны, занимал должности бригадира и учетчика. В частности, он участвовал в строительстве Волховской ГЭС, работал на Свирьстрое. Состоял в РКП(б). Был женат на Бориной Ульяне Григорьевне, также уроженке с. Ольхово. У нее было пять братьев, все погибли в ВОВ. Отца ее, деда Егора, я смутно помню, он дожил до 1959 года. В 1940 году семьи этих Палановых и Бориных были переселены в Тутаевский р-н Ярославской области (это в ~30 км от Ярославля по левому берегу Волги) – Палановы в д. Карбышево, Борины в с. Пшеничице. Дом в Пшеничице стоит до сих пор и используется как дача семьей второй сестры моей матери.

В 1941 г. Фалл Михайлович и все бабушкины братья (Борины) были мобилизованы на фронт. Фалл Михайлович в октябре под Москвой был тяжело ранен в голову, лишился глаза, в 1942-м был комиссован и вернулся в Карбышево. Работал бригадиром, председателем колхоза, затем, в том же году, по какому-то надуманному поводу был осужден и заключен в лагерь. Вернулся, по-моему, в 1945-м, работал в колхозе, председателем сельсовета, заново вступил в КПСС (он, вообще-то, был убежденным сторонником идей социализма-коммунизма) и в начале 50-х опять был осужден уже на 10 лет. Со смертью Сталина был реабилитирован и вернулся домой. К этому времени вся семья уже жила в Пшеничице. До пенсии он работал опять же в колхозе, затем – председателем сельсовета. Умер в 1993 году.

В Пшеничице я ездил на каникулы вплоть до окончания школы в 1972-м. У деда с бабушкой было 4 дочери, но лишь одна из них, моя мать, родилась в Ольхово и достаточно долго (1928-1940)

Дом Палановых в Ольхово

жила там у деда Михайло. По ее рассказам, это был очень красивый край – река, леса, дуга, очень много рыбы. С ее слов, Ольхово никогда не было захолустьем, и крестьяне жили там вполне прилично. Село так и называли – Ольхово-Золотое доньшко, хотя, как сейчас судить. Она всю жизнь мечтала побывать на родине, но, к сожалению, не сбылось, ну, хотя бы я. Вот, собственно, и все, что пришло в данный момент на ум.

С уважением, Александр Мольс

Прадед (Борин или Паланов).

Примерно 1906 г.

*Мама Ида и Миля
(первые две девочки)*

*Бабушка Ульяна,
в девичестве – Борина*

Брат деда Василий Паланов

В. Викулов

КАК В КАПЛЕ РОСЫ

(Статья в газете «Коммунист» за 28 и 29 апреля 1984 года)

Еще в далеком детстве манили его огни пароходов. Первая поездка в Череповец на палубе, около дров, которыми топили паровые котлы, казалась каким-то сбывшимся чудом. Сорок верст пароход шлепал колесами целых пять часов.

И вот теперь, более полувека спустя, снова захватила мечта детства: проехать по реке мимо родной деревни. Только где та река и та деревня? После останки в Череповце он не уходил с палубы, всматривался вдаль. Огромный туристский теплоход «Иван Сусанин» делал петлю за петлей, придерживаясь русла старой Шексны, а трубы Северной Магнитки, вроде бы по-прежнему были рядом. Но вот замаячила белая вешка. Теплоход приблизился – среди волн стояла колокольня их деревенской церкви. С напряжением всматривался оно в воду, будто можно увидеть под ней все то, что мы называем одним емким и всегда волнующим словом – родина.

Нахлынувшие воспоминания вытеснили все сегодняшние заботы. Перед глазами вставали живые картины давно минувшего. Но ведь Ольхово – не замкнутый мир, как в капле росы, отражалась в нем жизнь всей деревенской России.

Такие примерно мысли и усадили его за письменный стол. Ему, почти всю жизнь имевшему дело не со словом, а с цифрами – он прошел путь от счетовода потребительской кооперации в родном селе до главного бухгалтера крупных предприятий черной металлургии, – трудно было начать рассказ. Но потом нужные слова нашлись, их подсказало чувство. А замыслил он труд нелегкий, ни много, ни мало – историю своего села, историю не внешних событий, повторяющую общую хронологию страны, но и историю деревенского быта, меняющегося уклада крестьянской жизни во всей его конкретности и неповторимости. Свои знания и впечатления проверял свидетельствами земляков, с которыми удалось возобновить связи. Так пошла работа над рукописью, и продолжалась она целых три года.

Рукописная книга пошла по кругу тех, чья жизнь связана с Ольховом. Один из земляков автора – И.А. Борина, живущего в городе Электросталь, – череповчанин инженер-полковник в отставке М.А. Черепанов решил, что этот рукописный труд представляет интерес не только для бывших ольховцев, и принес к нам, в редакцию.

Объем рукописи не малый – более ста машинописных страниц. Вряд ли

у нее найдется издатель. Поэтому попытаемся хотя бы кратко дать о ней представление нашим читателям. В последнее время в печати было сказано немало добрых слов о такого рода трудах, о необходимости бережного отношения к ним, ибо вряд ли что заменит живые свидетельства о своем времени. А Иван Андреевич Борин, кроме того, еще приводит рассказы дедов и прадедов.

Ольхово – бывшая барская вотчина Смирновых и Верещагиных. Та половина села, что принадлежала помещику Верещагину, средний сын которого Василий Васильевич Верещагин стал великим русским художником, нашей национальной гордостью, называлась и в советское время Верещагинской. Усадьба Верещагина была в деревне Пертовка, в 12 верстах от Ольхова.

По воспоминаниям крестьян, собранным в свое время нашим краеведческим музеем, и тем, которые приведены в рукописи И.А. Борина отец художника помещик Верещагин отличался жестокостью по отношению к крепостным. Во дворе Пертовской усадьбы нередко крестьян пороли розгами, при этом обязательно присутствовал сам барин, следил, чтобы пороли не для острастки, а как следует бить. Если тот, в чьих руках были розги, жалел провинившегося, то тут же сам занимал его место. «Моего деда Нестора Ивановича, умершего в 1873 году, – пишет И.А. Борин, – дважды пороли розгами на барском дворе по норме 25 за каждый раз». Рассказывали, что крепостному Прохору Поланову дали 40 розг, и он умер тут же, на конюшне. Что было, то было, и песни слова не выкинешь. Не тут ли разгадка того, что художник Верещагин через всю жизнь пронес ненависть ко всякому насилию.

Неподалеку от Ольхова, в деревне Логиново в семье священника родился Е.В. Барсов (1836-1917 гг), известный русский ученый – фольклорист, исследователь древнерусской письменности. И.А. Борин вспоминает, что в полутора верстах от Ольхова, на берегу Шексны стоял дом-усадьба, принадлежащий Е.В. Барсову и его сестре – начальнице епархиального училища в Минской губернии. Во время строительства Черепановского шлюза в «барсовом» доме, как его называли в деревне, квартировали инженеры.

Не лучше стали жить крестьяне и после отмены крепостного права. Разные подати душили их. Соха, деревянная борона – эти орудия крестьянского труда были основными до самого Октября. Железные плуги, конные косилки, молотилки, веялки были только у деревенских богачей – лавочников. От четверти до трети крестьян были безлошадниками и не вылезали из кабалы у кулаков. Недалеко от села, за Шексной, была усадьба помещика Журавлева. Ему принадлежало много пахотной земли, лугов и

лесных дач. Сам Журавлев тут почти не показывался. Усадьбу обрабатывали ольховские крестьяне, управляющий имением Малышев платил за работу гроши. Так, отец И.А. Борина, будучи на службе в имении полесовщиком (лесным охранником), получал три рубля в месяц на готовых харчах (хлеб с постным маслом, тюря). В 1905 году в село Ольхово был назначен на постоянную службу конный стражник. Но молодые мужики не испугались этого, пели запрещенные песни, частушки, вроде такой:

*Бога нет, царя не надо.
Все правительство поьем.
Податей платить не будем
Во солдаты не пойдем.*

Смелость, ловкость, сноровистость, удаль и отвага – эти черты крестьянства Русского Севера зримо проступают во многих сценках и эпизодах деревенской жизни. Еще мальчишками, бывало, сшибались на кулаках стенка на стенку одноименные деревня с селом или Смирновская и Верещагинская стороны. В большие, т.е. «пивные» праздники (когда варили пиво) драки завязывались не на шутку. Был такой парень Вихтя (Виктор). Он на дороге между деревней и селом делал черту каблуком сапога и предупреждал, чтоб никто ее не переступал. В одной из драк сложил Вихтя голову. Пьяными драками завершались все церковные праздники, в дело шли не только колья да оглобли, но и ножи. В одной их таких драк был зарезан молодой мужик Н. Шадурухин, оставивший жену с четырьмя малыми детьми. Пьянство, поножовщина, истязание жен и детей были темными сторонами жизни деревни тех лет.

Хлеба часто не хватало даже до весны, но мужики, как правило, не впадали в уныние, искали приработка. И даже в такое тяжелое время умели подбодрить себя острым, веселым словом. Славилась любители прихвастнуть, приврать. Таким был Рыбин Евграф их деревни Ольхово. Проезжал он по деревне, мужики окружили его: «Евграф, соври что-нибудь». А он: «Некогда врать-то, ребята, в поле попали никольские коровы». Все бросились спасать посевы, а там никаких коров и не бывало.

Где веселье, там гармошки «вятки» (их делал свой мастер Н. Черепанов из соседней деревушки Черепановки), балалайки, не только трехструнные, а и шестиструнки. Гармонисты, балалаечники состязались между собой. Трудно удержаться, чтобы не привести хотя бы для примера некоторые из целой россыпи частушек, собранных И.А. Бориным. Сколько в них поэзии, неподдельного чувства...

Весной любимым занятием молодежи было катание на лодках с

гармошками и песнями, переезжали погулять на другой, высокий и сухой, берег Шексны.

С большой любовью и признательностью пишет автор о двухклассном училище. Эти училища только назывались двухклассными, на самом деле в них учились 5-6 лет и получали неплохие знания. Например, навыки грамотного и каллиграфически правильного письма были настолько прочны, что многими выпускниками не утрачивались до конца жизни, хотя и перо в руки доводилось брать редко. Учителя таких народных училищ, как правило, были настоящими подвижниками. Первые ольховские учителя (училище открылось в 1904 году) М.П. Фролов и А.В. Колосова за пропаганду среди крестьян были сосланы в Сибирь на пожизненный срок.

И.А. Борин учился в двухклассном училище с 1909 по 1915 год. С благодарностью он вспоминает учителя В. В. Озеринина (его сын Н.В. Озеринин был доцентом Череповецкого пединститута, автором нескольких работ по истории края). Как и большинство выпускников Череповецкого учительской семинарии, передового в России учебного заведения такого рода, В. В. Озеринин остался в памяти учеников не только как прекрасный педагог, но и как человек, который многому мог научить крестьян в ведении хозяйства.

На пришкольном участке посевы были образцовые. Получив в семинарии диплом пчеловода, учитель держал пасеку в 25 ульев. Знал столярные, слесарные работы, плел корзины, ловил рыбу, охотился на зверя и птицу, играл на скрипке, хорошо рисовал. Несмотря на скудную зарплату (поп получал в три раза больше учителя), В. В. Озеринин, благодаря своим трудам, кормил семью, где было восьмеро детей. Ясно, что такой учитель пользовался особым авторитетом, не только у учеников, но и у их родителей. Запомнилось и то, что он никогда не ставил учеников столбом или на колени, не бил – не то, что Фита, как прозвали другого учителя, у которого линейка то и дело гуляла по головам учеников.

На примере Ольхова ярко видно, какие перемены принесла революция в каждую деревню, с какой остротой шла классовая борьба. В Ольховской волости находился Леушинский женский монастырь. Лучшие земли принадлежали монастырю. Чтобы сохранить их игуменья мать Агафья пошла на хитрость, объявив о создании на монастырских землях сельскохозяйственной коммуны «Братство». Вклады в монастырь бывали богатые, ценностей накопилось немало, их не сдали на государственный учет, а закопали в землю в лесу. Чекисты нашли этот клад (несколько пудов золота, серебра и других драгоценностей). Игуменья и мать казначея Серафима были заключены в тюрьму в Череповце, затея с коммуной тоже лопнула, послушницы разбежались кто куда.

Влияние монастыря сказывалось, в 1919 году Ольховский волостной съезд Советов вынес решение «О внесении прежней иконы в помещение исполкома». Председатель исполкома был тоже верующим, и решение съезда было выполнено. Однажды председатель поехал в монастырь, чтобы реквизировать излишки хлеба голодающим, однако, встреченный чудотворной иконой, отступил и вернулся ни с чем. Селькор Иван Борин послал в газету «Коммунист» заметку «У попов все еще клюют», ее напечатали и икону вынесли навсегда.

В том же году Иван ушел на гражданскую войну. Немало ольховцев полегло в боях за новую жизнь. Только И.А. Борин помнит с десятков погибших сверстников.

Первый колхоз в Ольхове организовался в 1930 году. Жизнь пошла круто в гору. Создали многопольную систему севооборотов, совершенствовалась агротехника. Пришли первые трактора. Завели более продуктивную ярославскую породу скота. Механизированный завод вырабатывал масло «Вологодское». От этого завода уже в 1931 году в каждом доме зажглась лампочка Ильича. Рос культурный уровень крестьян. В клубе постоянно ставились спектакли. В них участвовали учителя, работники расположенного по соседству Черепановского шлюза на Шексне, молодежь из колхоза. Эти спектакли получали хорошую оценку актеров Череповецкого театра, иногда они даже играли вместе с любителями. Яркие декорации писал бывший «богомаз» из Ольхова.

Щкола-семилетка открыла путь в жизнь многим ольховцам. Тут и инженеры, и генерал, и ученые. Бывшие ольховцы особенно гордятся своим земляком известным ученым-медиком, академиком и писателем Николаем Амосовым. Его мать Елизавета Кирилловна почти всю жизнь проработала в Ольхове акушеркой. В любую погоду, в любое время суток она на лошади и пешком спешила к роженицам в любую деревню волости, в год принимала от 100 до 160 родов. Об этом с большой теплотой и любовью к матери вспоминает Н. Амосов в «Книге о счастье и несчастьях» (ж. «Наука и жизнь», №7, 1983 г.). И.А. Борин пишет, что акушерка отличалась особой добротой и сердечностью.

И вот в 1938 году пришла весть, что Ольхово вошло в затопляемую зону, в связи с сооружением Рыбинской ГЭС и созданием водохранилища. На другой год началось переселение. Еще через год там, где было Ольхово и еще несколько сотен деревень и сел и два города (Весьегонск и Молога) плескалось новое рукотворное море. То, с какой болюю прощались колхозники с родными местами, с большой художественной силой удалось изобразить писателю Б. Колоколову в повести «Улома», бывшему череповецкому журналисту.

Ольхова нет, как и многих других деревень и сел. Но судьба его – это прежде всего судьба людей, выросших на этой земле.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ

*Сколько их на Руси поставлено,
Деревенек и сел бревенчатых,
Подпоясанных палисадами
И рябинами увенчанных.
То речушки со щучьими плесами,
То леса их к себе привадили...
Широко по земле разбросаны,
Словно дети одной матери...*

А. Романов.

Сколько же деревень в России? Очень много. Наверное, в Интернете можно найти точную цифру. Но я не ставила перед собой этой цели. Я думала о том, что их могло быть значительно больше. Некоторые деревни исчезли с лица земли в результате войн, другие в ходе укрупнения населенных пунктов. Около 700 деревень и сел скрыли воды Рыбинского водохранилища. К их числу относится деревня Ольхово бывшего Мяксинского района.

Мне захотелось узнать об истории этой деревни. А поводом послужили воспоминания уроженца Ольхово И. Борина, точнее его рукописная книга. Побывав в Череповецком архиве, изучив материалы сайта «Род Белоликовых», внимательно прочитав рукописную книгу, я попыталась установить хронологическую последовательность некоторых исторических событий с конца XIX века, касающихся затопленной деревни. Вот, что у меня получилось.

Примерно в XVI веке (точную дату установить для меня невозможно) – образовалось село Вольхово. К концу XIX – началу XX века в названии села была утрачена буква «В», получилось «Ольхово». В 1903 году это было самое большое село Череповецкого уезда, в нем проживало 1300 человек.

1881 год – назначение П.А. Черепанова казначеем приходского совета Казанской церкви.

1889 год – назначение Павла Фрегатова священником Казанской церкви села Ольхово. О нем очень много пишет И. Борин. Правда, показывает этого священника все больше с негативной стороны. В тоже время Павел Федорович был очень деятельным человеком, он являлся организатором и председателем различных Ольховских волостных комитетов. П. Фрегатов неоднократно награждался за усердную службу. Он воспитал двух сыновей Николая и Василия и дочь Серафиму.

1891 год – строительство дома священника Фрегатова.

1891 год, июль – село сгорело на три четверти из-за неосторожного обращения с огнем.

1892 год – эпидемия холеры.

1898 год – строительство зимней церкви Казанской иконы Богородицы. Церковь построена тщанием прихожан, зимняя покрыта железом. Приделов в ней два: Модеста архиепископа Иерусалимского и святого великомученика Димитрия Солунского. Имеется церковное кладбище.

1904 год – открытие 2-х классного училища Министерства народного просвещения.

✓ 1904-1907 годы – заведующий училищем Фролов П.М. (был сослан в Сибирь за критику самодержавия)

✓ 1907-1918 годы – заведующим училищем назначен В.В. Озеринин.

1905 год – поджог усадьбы помещика Журавлева.

1906 год – назначение в село Ольхово конного стражника Николая Ивановича, пожар в деревне Ольхово.

1907 год – организация сельского кооператива по переработке и торговле молочными товарами. «Наиболее передовые крестьяне-инициаторы, числом около 50 человек, решили создать интегральный кооператив, то есть объединяющий как торговлю, так и переработку молока на масло. Пионерами этого нового дела были крестьяне: Иван Лукашков, Александр Земсков, Михаил Паланов, Андрей Борин и другие. На собранные паевые средства они купили у предпринимателя Мясникова здание маслодельного завода со всем оборудованием: сепаратором, маслобойкой, отжимным столом, флягами и т.д. В здании завода было отдельное помещение для торговли. Дело в кооперативе с первых дней пошло успешно», – пишет Борин.

1910 год – начало строительства Черепановского шлюза, участие ольховчан в строительстве.

1911 год – последний передел луговой покосной земли.

1914 год – закрытие казенной винной лавки. Это событие было вызвано началом Первой мировой войны.

1915 год – организация Ольховского кредитного товарищества и Ольховского волостного комитета по сбору пожертвований нижним чинам передовых позиций – участникам Первой мировой войны.

1916 год – последнее посещение Преосвященным прихода Ольховской Казанской церкви.

1918 год – преобразование училища Министерства народного просвещения в школу 1-й ступени. Сначала в ней работали преимущественно педагоги из местного населения: Ф.В. Земсков, А.А. Трошина, С.Л. Степина. «Все из указанных педагогов имели педагогическое образование, дающее право преподавания в бывших церковно-приходских школах с 3-х летним сроком обучения. Тем не менее, они работали добросовестно и педагогами

оказались неплохими» – читаю у Борина. С 1918 года заведующие школой менялись ежегодно.

Весна 1918 года – передел помещицкой и церковной земли.

Зима 1918-1919 г.г. – голод из-за отсутствия подвоза хлеба с нижней Волги.

1919 год – Ольховский волостной съезд принял решение о внесении иконы Похвала Богородицы в помещение Исполкома. В ответ на это событие в газете «Коммунист» И. Борин под псевдонимом «Неверующий» публикует заметку «У попов все еще клюет». Иконы выносятся из Исполкома.

Начало 20-х годов – строительство маслодельного механизированного завода на границе между селом и деревней Ольхово. На завод было подведено электричество, которое позднее распространилось на все общественные здания и дома колхозников.

1921 год – организация комитета по оказанию помощи голодающим Поволжья.

1924 год – открытие сельского клуба.

1925 год – начало эксплуатации Черепановских шлюза и плотины.

1930 год – образование 1-го колхоза «Искра» под председательством крестьянина И.М. Лазарева. Первоначально в него объединились 18 семей. После статьи Сталина «Головокружение от успехов» многие крестьяне из колхоза вышли, но потом вновь возвратились в свой колхоз. Образовался колхоз «Искра-2».

1934 год – летняя церковь отдана колхозу под кладовую.

1935 год – электрификация села, строительство колхозных скотных дворов, свинарников, приобретение первой автомашины, строительство больницы на 12 коек.

1935-1936 г.г. – период закрытия Казанской церкви.

✓ 1935 год – решение общего собрания граждан Ольховского с/с о закрытии церкви.

✓ 1935 год – заседание президиума Мяксинского РИКа о закрытии церкви в с. Ольхово.

✓ 1936 год – решение президиума Ленинградского Облисполкома о закрытии церкви.

✓ 1936 год – решение ВЦИК о закрытии церкви.

✓ Неоднократное обращение верующих в различные инстанции с просьбой не закрывать церковь и не отдавать ее под клуб, последний аргумент, который приводят они, – могилы предков окажутся поруганными, а этого верующие допустить не могут.

✓ 1936-1939 г.г. – использование церковного здания под склад сельскохозяйственной продукции колхоза «Искра-2».

1936-1937 г.г. – репрессии, коснувшиеся и жителей села Ольхово.

Период подготовки к затоплению местности водами Рыбинского водохранилища

1938 год – извещение о том, что село входит в зону затопления. Был создан Мяксинский районный комитет по переселению под председательством члена ВКП(б) Михаила Александровича Шапулина.

1938 год – сгнило 10-20% сена колхоза «Искра-2»; не выполнен план развития животноводства. Некогда из передового колхоз «Искра-2» превращается в отстающий. Жители находятся в некоторой депрессии.

1939 год, апрель – закрытие скотомогильников общей площадью 290 квадратных метров.

1939-1940 г.г. – переселение 31 семьи в близлежащие деревни и города. Хорошие дома колхозников разбирали и им помогали перевозить на новое место, а плохие – оставляли за Волгостроем для затопления. Плохими считались те дома, процент изношенности которых составлял более 60%. Не все крестьяне соглашались с оценкой своих жилищ, поэтому писали заявления с просьбой о пересмотре оценки.

1940 г. – переезд колхоза «Искра» в Карелию; 50 хозяйств переселились в Курки Окский район КФСР.

1939 год – перенос дома педагогов НСШ.

1940 год, март – перенесение зданий Ольховской больницы и бани.

1940 год, сентябрь – перенесение зданий Ольховского клуба, Ольховской НСШ, общежития и других построек.

1940 год, осень – ЗАТОПЛЕНИЕ МЕСТНОСТИ.

1951 год – самовольная разборка здания бывшей Ольховской церкви, являющейся ориентиром для судоводителей, работниками Шекснинского управления речного пароходства.

Вот и закончилась история села Ольхово, сокрыта она водами Рыбинского водохранилища.

Много говорят о роли, которую сыграло рукотворное море в развитии пароходства и энергетики, в строительстве города Череповца, спорят о влиянии водохранилища на природу края, его экологию. Но мало кого интересовала судьба людей, которые жили на затопляемой территории и вынуждены были переселяться с родных мест. А родина притягивает! Не потому ли в последнее время в Мяксу приезжает все больше людей, родившихся в затопленных деревнях, в том числе и в селе Ольхово. Значит, история села не закончилась, она будет продолжаться до тех пор, пока живы люди, помнящие ее.

Зайцева Анастасия

Ольховско-Казанская церковь. Село Ольхово. Череповецкий район. Рыбинское водохранилище

Церквей две. Первая – Казанской иконы Богородицы, построена в 1898 году тщанием прихожан, зимняя. Приделов в ней два: Модеста архиепископа Иерусалимского и святого великомученика Димитрия Солунского. Вторая церковь – свт. Николая Чудотворца, летняя, с колокольной в одной связи. Имеется церковное кладбище. Церкви крепкие, покрыты железом.

Кружечных доходов за 1921 год – 579.389 рублей, других источников содержания членов причта нет. Дом священника Павла Фрегатова построен в 1891 году. 3 приписных часовни: в Ольхово, Горлово и Васильевское. Весной во время разлива реки Шексны прихожанам деревень Горлово и Васильевское трудно добираться до церкви. В приходе земли 30 десятин 536 кв.сажен. Весной 1917 года вся церковная земля была захвачена гражданами села Ольхово. Качество земли – среднее. В селе Ольхово трудовая школа первой ступени с 5-ю отделениями.

Преосвященный посетил приход в последний раз в 1916 году.

Ближайшие церкви: Николая Чудотворца в селе Выкса – 4 версты

Покрова Богородицы в с. Логиново – 8 верст

Святой Троицы в с. Досифеева Пустынь – 8 верст

В приходе:	домов	муж.	жен.	верст от церкви	
село Ольхово		123	410	431	-/-
дер. Ольхово		112	346	397	0,5
Горлово		46	138	172	5
Васильевское		31	80	109	6
ИТОГО:		312	974	1109	

Источник: Ведомость о церкви за 1921 год (ГАВО, фонд 1067, опись 1, дело № ...)

Материал предоставил Жамков Алексей Петрович, студент Сретенской Духовной Семинарии (г. Москва).

Священники

1865 г. – Полянский Николай Никифорович

1889-1922 гг. (уволен за штат) – Фрегатов Павел Федорович

К церкви перемещен священник Леушинского монастыря Николай

Старопольский (15/28 июля 1922 года), назначен заштатный священник Галинской церкви Новгородской уезда Василий Бутылин (5/18 июля 1922 года).

Дьячок

1864-1903 гг. – Смирнов Павел Иванович

Церковный староста:

1881-1921 гг. – Черепанов Поликарп Андреевич

Священник Павел Федорович Фрегатов, 54 года, из духовного рода. 01.06.1888 г. – окончил курс Новгородской духовной семинарии.

17.07.1889 г. – псаломщик Рамужевской церкви Старорусского уезда. С 19.08.1889 г. – священник Казанской церкви села Ольхово. С 1 августа по 1 ноября 1882 года – санитар по борьбе с холерой. 25.03.1895 г. – открыл приходской попечительский совет, его неперемный член. 1903 -1905 – депутат по гражданским делам. 1911–1913 – депутат по духовно-училищным делам. В 1906 году был председателем комитета по оказанию помощи погорельцам Ольхово. 08.11.1912 – 01.09.1915 – учитель Закона Божия в Вичеловской двухкомплектной церковно-приходской школе. 4.02.1915 – организатор и председатель правления Ольховского Кредитного товарищества. Организатор и председатель:

а). Ольховского волостного комитета по сбору пожертвований нижним членам передовых позиций (со 2 января по 22 августа 1915 года);

б). Ольховского Попечительского совета семьям лиц, взятых в войска (с 17 августа 1914 года по 1918 год);

в). Ольховского волостного попечительства по оказанию помощи беженцам (со 2 сентября 1915 года по 14 июня 1917 года).

В 1917 году был членом епархиального съезда Новгородской епархии для избрания кандидатов на Всероссийский церковный Собор. С 1918 года – председатель приходского совета, член представителей от родителей в совет Леушинской церковно-учительской школы. С 1920 года – секретарь подотдела ЗАГСа при Ольховском сельском совете. С 28.06.1921 – председатель Ольховского районного комитета по оказанию помощи голодающим жителям Поволжской губернии. Согласно прошению уволен за штат 16/29 июня 1922 года.

Награды:

1896 г. – набедренник за усердную службу при одобрительном поведении;

1899 г. – скуфья;

1904 г. – камилавка;

1916 г. – наперсный крест.

Дети:

Серафима (28.07.1892 г.) замужем за ветеринарным врачом Ермаковского участка Пошехонского уезда;

Николай (3.02.1894 г.) – на службе в лесозаготовительной конторе Ермаковского участка Пошехонского уезда;

Василий (30.01.1898 г.) – учитель Ольховской трудовой школы первой ступени.

Источник: Ведомость о церкви за 1921 год (ГАВО, фонд 1067, опись 1, дело № ...)

Заштатный псаломщик Павел Иванович Смирнов, 78 лет, из духовного рода. Уволен из 4-го класса Устюженского Духовного училища. Посвящен в стихарь в 1867 году. Живет на попечении детей. Дьячок сей церкви с 23.11.1864 по 28.08.1903. Уволен за штат по прошению.

Дети:

Александра (8.05.1866) – в замужестве за диаконом Романовской васьлевской церкви Череповецкого уезда;

Мария (1.01.1870) – в замужестве за священником Волоховской церкви Кирилловского уезда;

Иоанн (10.06.1873) – священник Угловской церкви Валдайского уезда;

Михаил (18.05.1876) – священник в Логиновской церкви Череповецкого уезда, благочинный.

Источник: Ведомость о церкви за 1921 год (ГАВО, фонд 1067, опись 1, дело № ...)

Староста: Поликарп Андреевич Черепанов, 77 лет, на должности с января 1881 года. Сын купца, казначей приходского совета. Имеет двух замужних дочерей и одного женатого сына. Вдов. Член благочиннического совета. Грамоте учился дома. Находился за штатом с мая по июнь 1918 года.

Награды:

1890 – медаль «За усердие» на Станиславской ленте (дважды; 1900 – повторно);

1895 – грамота от Святейшего Синода;

1911 – медаль серебряная «За усердие» на Владимирской ленте.

Источник: Ведомость о церкви за 1921 год (ГАВО, фонд 1067, опись 1, дело № ...)

Материал предоставил Жамков Алексей Петрович, студент Сретенской Духовной Семинарии (г. Москва).

Материал перепечатан с сайта «Род Белоликовых» http://www.belolikovi.narod.ru/cerk_olhov.htm

К истории закрытия церкви в селе Ольхове

Архивные материалы предоставил Жамков Алексей Петрович, студент Сретенской Духовной Семинарии (г. Москва).

ГАРФ. Фонд Р-5263. Опись 1. Дело № 1072¹.

[1] Заседание Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов. 20 октября 1936 года.

Слушали: Постановление президиума Ленинградского Облисполкома от 20.02.1936 о закрытии церкви в селе Ольхово Мясинского района (Вн. Комиссией по вопросам культов). Дело № ЛО-2.

Постановили: Постановление президиума Ленинградского Облисполкома утвердить, церковь закрыть. Здание передать под клуб.

Секретарь ВЦИК: А. Киселев.

[2] Заключение по делу закрытия церкви в селе Ольхово Мясинского района Ленинградской области.

Церковь закрыта постановлением президиума Облисполкома от 20 февраля 1936 года. Здание предполагается использовать под клуб. Переоборудование незначительное. Средства на переоборудование имеются. Ближайшая функционирующая церковь остается в 3-х километрах (2 церкви)². Основание закрытия: ходатайство населения. Незначительное количество верующих. Двадцатка неполная (13 человек). На общем собрании из 235 человек голосовало за закрытие церкви 213 против 22 человека. Верующие в жалобах указывают, что просят не закрывать церковь. Серьезных возражений нет. Полагаю: церковь закрыть под клуб.

Инструктор-консультант: Узков. 25 июля 1936 года.

[3] Москва. Центральный исполнительный комитет. Михаилу И. Калинину. От верующих граждан всего прихода Ольховской религиозной общины села Ольхова Ольховского сельсовета Мясинского района Ленинградской области.

ЖАЛОБА

Мы, граждане верующие всего прихода, в том числе и двадцатки религиозной общины села Ольхова, просим вас, пожалуйста, принять нашу жалобу и разобрать ввиду того, что председатель сельсовета Демидов отнял от нас наше старое кладбище самовольно, где похоронены наши деды, и

¹ ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации. Фонд Р-5263 – Комиссия по делам культов при ВЦИК СНК РСФСР. Дело о закрытии церкви в селе Ольхово.

² Речь идет о Николо-Выксе.

отцы, и матери, да вдобавок то, что (у) того кладбища стоит наша церковь. Вот, обещает это кладбище и наши родные могилы отцов и матерей сравнять, а нам где-то отвел кладбище новое за деревней. Даже многие прихожане не знают, и где, как скоту. Эта проделка со стороны председателя сельсовета недопустима, потому что он должен собрать общее собрание всех граждан прихода, да тогда и нарушать старое кладбище, а он этого не хочет делать, а взял да и сделал один, чтобы никто не знал. Даже и двадцатка верующих не знает, только было объявлено одной церковной казначее, но казначея просила разрешение у председателя сельсовета объявить двадцатке. Но председатель сельсовета не разрешил и даже сказал казначее, что если она кому объявит, то ее отправят в РИК, а сельсовет по сие время не объявляет. И еще обещает отнять у нас келью, принадлежащую к нашей церкви. А поэтому граждане верующие Ольховской религиозной общины и двадцатка просим вас, пожалуйста, не оставить нашу жалобу без внимания, сделать зависящее Ваше распоряжение Ольховскому сельсовету, чтобы он не имел права препятствовать погребению на старом кладбище умерших граждан. Мы просим вас, пожалуйста, сделать распоряжение: оставить наше старое кладбище и келью в пользование, и наши родные отцовские могилы, чтобы мы были (...)³, а поэтому просим мы вас сообщить по адресу на общину верующих. К сему и подписуемся: Ольховская двадцатка⁴.

[4] Евдокия Афонюшкина, Романенкова Агафья, Александра Грехова, Агния Грехова, Шведов Иван, Трошин Федор, Парамонова Парасковья, Петухова Екатерина, Курилова Ульяна, Мясникова Ольга, Земскова Елизавета, Карчугова Евлампия, Катышева Акулина, Паланов Арсений. За председателя расписалась казначея Амосова⁵.

[14] 9 декабря 1935 года. Выписка из протокола заседания Президиума Мясинского РИКа от 7 декабря 1935 года.

Слушали: ходатайство общего собрания граждан Ольховского сельсовета о закрытии церкви в селе Ольхово и использовании ее под дом культуры колхоза «Искра 2-я».

Постановили: Поддержать ходатайство граждан Ольховского сельсовета о закрытии церкви в селе Ольхово. Просить Президиум Облсполкома

³ В квадратных скобках – номер листа в деле. В круглых скобках – написано неразборчиво.

⁴ Жалоба верующих, как и другие документы, отправленные ими и хранящиеся в деле, написаны неразборчиво, безграмотно, со множеством орфографических и грамматических ошибок, которые мы решили не передавать. Лексика же и стиль документов сохранена полностью.

⁵ Видимо, председатель двадцатки даже писать не умел.

утвердить данное постановление.

П/П Председатель Райисполкома: Шматин.
Секретарь Райисполкома: Воробьев.

[15] Мяксинский Районный Исполнительный Комитет. № 886.

21 апреля 1936 года. Леноблисполком. Сектор Адмнадзора. Тов. Неглюевичу.

Президиум Мяксинского райисполкома сообщает, что здание закрытой Ольховской церкви будет использовано под колхозный клуб. Специального переустройства для этого не требуется, т.к. помещение для клуба приспособлено. Требуется лишь следующее оборудование: скамьи, сцена, буфет. Имеется смета на 800 руб., средства изысканы, и часть уже израсходована на изготовление скамеек.

Кладбище, о котором идет речь в отношении двадцатки (старое), существует уже 200 лет и в настоящее время по постановлению сельсовета и РИКа в соответствии со ст. 10 постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года, на основании акта санитарной комиссии, закрыто и отведено место для нового кладбища на возвышенном месте «Губа» на расстоянии 2-х километров от с. Ольхово.

Президиум Райисполкома считает, что площадь 0,25 га старого, запущенного кладбища целесообразней будет использовать для площадки колхозного клуба.

Председатель Райисполкома: Старичков
Секретарь Райисполкома: Восс

[16] Список членов религиозной двадцатки Ольховской церкви, которые отказались от своих обязанностей в существовании таковой.

№ Ф.И.О.

1. Курилова Анна Ионовна
2. Карчугова Анна
3. Грехова Анна Михайловна
4. Афонюшина Евдокия
5. Курилова Ульяна
6. Грехов Василий Васильевич
7. Карышева Агриппина

Подписи рук отказавшихся членов двадцатки
заверил Ольховский сельсовет. Штамп.

[17] Мяксинский РИК. 19 декабря 1935 года. №045-21. В Сектор Административного надзора при Облисполкоме.

Ближайшее молитвенное здание от села Ольхово есть Николо-Выкса, где имеются две церкви: одна каменная, размером больше, чем Ольховская, и вторая деревянная, поменьше. Состояние хорошее, особенно каменной, деревянная будет старше, но также пригодна для отправления молитвенных потребностей. Обе церкви в Николо-Выкса имеют такое же течение, что и в Ольховской, расстояние от Ольхова до Николо-Выкса всего три километра, почти рядом.

Заместитель Председателя Районного Исполнительного Комитета:
Воробьев.

[19] Протокол №6 Общего собрания граждан Ольховского сельсовета Максинского района от 24 ноября 1935 года. На собрании присутствовало всего 235 человек согласно регистрационного списка. Председатель: Демидов. Секретарь: Паланова.

Повестка дня:

1. О закрытии Ольховской церкви и часовни (доклад председателя колхоза «Искра» т. Шихова).

2. Разное.

Слушали: Доклад т. Шихова, который говорил, что вопрос поставлен на повестку дня не случайно, но потому, что подошло время. Посмотрите, товарищи колхозники и колхозницы, как жизнь движется вперед, что люди творят такие чудеса! Возьмите сей год: по всей стране развивается стахановское движение, люди работают ускоренными темпами, мы тоже имеем немало среди нас таких стахановцев, лучших людей, поэтому мы могли выйти в колхозном первенстве в передовые в районе. Раз так, нам нужно передовыми выйти в культурной жизни колхозников. Мы сейчас не имеем дом культуры. Если его строить новый, то дорого стоит нам. Нужно использовать церковь, которая очень хорошая и подходящая для дома культуры. Зачем нам строить, уже есть здание. Посмотрите, кто в это здание ходит: 10 старух. Нет там ни одного сознательного колхозника и, по-моему, общее собрание скажет: это здание нужно приспособить для дома культуры и часовню для столовой.

Вопрос Амосовой, председателя двадцатки: Почему вам охота занять церковь у нас, в первую очередь?

Отвечает Шихов: Потому что наш колхоз передовой в работе, и мы должны идти впереди остальных колхозов, поэтому и хотим закрыть.

Выступление т. Хамова, старика 70 лет: Церковь нужно отдать для культурной жизни, не для того, что творится в ней сейчас. Церковь нам не дает ничего полезного, а без пользы она не должна стоять. Я, старик, и то хожу в клуб, а в этом клубе, как в церкви, пойду даже плясать.

Выступление т. Демидова: Товарищи. Мы собрались сюда обсудить вопрос по-деловому. Возьмите два года тому назад: что творилось у вас в колхозе? Вы гноили хлеб, оставался некопанным картофель, было на 50% единоличников. Люди ходили в церковь, молились, чтобы скорее развалили

ваш колхоз, смеялись над вами: это у вас все гниет, и в лето было до 50 разных праздников. Ходили люди в церковь, а на хозяйственные работы не обращали внимание. Классовый враг вел свою работу. Мы сейчас разрубили все, что мешало, идем вперед к новым победам, и колхоз «Искра» из отстающих стал передовым колхозом [20] в Мясинском районе, и мы идем вперед (к) культурной жизни, значит, существующую церковь надо приспособить для дома культуры.

Выступление т. Мед (...) кова: Основная масса трудящихся колхозников давно уже покончила с церковью, а в церковь ходят одни старушки, которые находят только себе удовольствие. Они мешают молодежи культурно расти. Если нам строить новый дом культуры, дорого стоит, а такое здание оставить десяти старухам будет преступлением. И мало того, они тащат детей несознательных родителей. Мы перевоспитывали детей в школе. Они окончили семилетку и стали антирелигиозными, поэтому церковь нужно передать колхозу для дома культуры.

Выступление Степиной С.П.: Посмотрите, кто ходит в церковь. Это люди, которые ничего не соображают, люди неграмотные, темные. Возьмите такой пример. Церковный сторож Карышева Вика увела у меня дочку двух лет и окрестила у себя в келье. Разве это не темнота? Попрыскала водой – и все в порядке, а дочка мне рассказала, что меня крестила бабка. До чего додумались эти люди! Стали насильно крестить детей. По-моему, церковь закрыть надо и открыть дом культуры.

В прениях всего выступило 13 человек.

Постановление: Заслушав доклад т. Шикова, общее собрание граждан Ольховского сельсовета постановило: одобрить решение Пленума Ольховского сельсовета от 23 ноября 1935 года, закрыть молитвенное здание в селе Ольхово и передать колхозу «Искра 2-я» под дом культуры. Имеющуюся часовню передать под столовую колхозу «Искра 2-я», просить Президиум Мясинского Райисполкома об утверждении данного протокола. Вопрос решался простым голосованием. За закрытие церкви – 213 голосов, против – 22 голоса. Вопрос решен: закрыть по большинству голосов.

Председатель Собрания: Демидов.

Члены Президиума:

Шихов, Вдовичев, Никуличева Е., Саушкин А, Парамонова М.

Секретарь: Паланова

[21] Протокол №14 расширенного пленума Ольховского сельсовета Мясинского района от 23 ноября 1935 года. Присутствовали: члены сельсовета – 9 человек, кандидаты – 2, актив – 32 человека, всего – 43 человека.

Повестка дня

1. О закрытии молитвенного здания в селе Ольхово, докладчик т. Демидов.

Слушали: доклад т. Демидова в том, что страна наша стала культурной страной невиданного творчества и крепкая в экономике. Если взять Ольховский сельсовет, только за один 1935 год он изменил свое лицо. Колхозы ведут большие стройки скотных дворов, свинарников, проводят электрификацию. Колхоз «Искра 2-я» приобретает автомашину, строит больницу в 12 коек, открыли сельмаг, переоборудовали магазины (...) на 28%. Вот что проделали за 1935 год, но колхозники и колхозницы не имеют хорошего дома культуры. Дом, который у нас есть, сейчас нас не удовлетворяет по своему размеру. Имеющуюся церковь в селе Ольхово нам нужно использовать для дома культуры, а имеющуюся часовню – для столовой. Посещаемость в церкви такая, по данным двадцатки: от десяти до пятнадцати человек. Двадцатка полностью состоит из 13 человек, а остальные отказались.

Вопросы. т. Нес (...): Кто возглавляет двадцатку? Все находящееся имущество в церкви кому принадлежит?

Отвечает т. Демидов.

Выступление т. Шихова: Сегодня ставили вопрос о закрытии церкви. Представьте себе: в этом здании какой будет дом культуры, и колхозники свободное время могут провести культурно: посмотреть кино, спектакль, и мы сейчас проводим электрификацию и на будущий год приобретем звуковой киноаппарат. Этим будем служить примером для всех колхозов Мясинского района.

Выступление т. Вдовичева: Я не допускаю мысли, что мы на 19 год революции были против культуры, чтобы для нас было лучше. Но классовый враг еще не добит, он старается подорвать колхозное хозяйство, и в этой двадцатке тоже люди ненадежные, раскулаченные; (...) раз масса колхозников требует культурной жизни, хорошего театра и т.д. Товарищ Сталин на XVII съезде партии сказал, что колхозы должны быть большевистскими, а колхозники зажиточными. Это значит быть культурными и сытыми. Возьмите Пустынь: строят новый дом культуры, а у нас такое здание пустует, где можно открыть великолепнейший дом культуры, а сейчас его занимает каких-нибудь 10 старух. Поэтому надо нашему активу доказать отсталость части населения и церковь передать для дома культуры.

Выступление т. Трошина: Не к лицу нам, активистам, чтобы 10 старух занимали такое здание, где можно развернуть всю культуру, и церковь закрыть, и открыть двери для нас, активистов и колхозников, видеть нам хорошие постановки и кино.

[22] Выступление т. Нестоля: Чтобы вам дал раньше 18 лет назад 40 тысяч рублей на электрификацию вашего колхоза, т. Жданов лично наложил резолюцию, вам дали денег. Проводя электрификацию колхозов, я знаю,

уже имеют дома культуры и звуковое кино. У вас для этого имеются все возможности. Заключительное слово сказано.

Постановление: Учитывая важность культурной жизни колхозников и колхозниц, которые своим трудом вывели колхоз «Искру» в передовые в районе и в настоящее время не имеют помещения для удовлетворения своих потребностей, как то: посмотреть кино, постановку и другие развлечения, расширенный пленум Ольховского сельсовета постановляет: закрыть церковь в селе Ольхово и предназначить ее для дома культуры при колхозе «Искра 2-я», имеющуюся часовню приспособить столовой колхоза «Искра 2-я». Просить Президиум Мясинского райисполкома о быстрейшем его утверждении и открытие дома культуры приурочить к открытию электрификации колхоза «Искра 2-я». Постановление принято единогласно.

Председатель сельсовета: Демидов

Секретарь сельсовета: Паланова.

Печать и подписи.

[23] гор. Ленинград. Областной Исполнительный комитет, комната № 505 по вопросу культов. От граждан Мясинского района Ольховского сельсовета и от верующих Ольховской религиозной общины, и от двадцатки верующих, и от верующих деревень Ольховского прихода: с. Ольхово, д. Ольхово, д. Горлово и д. Васильевское.

Заявление

Мы, верующие, просим Вас разобрать наше заявление по вопросу об отбирании Ольховским сельсоветом у нас последней церкви. Но возьмите во внимание то, что эта церковь стоит у нас среди наших родных могил, где похоронены наши отцы, матери и дети. Если возьмут нашу церковь под клуб, то все могилы сровняют, а нам это тяжелее всего видеть. В 1933 году мы отдали одну церковь под кладовую колхозу с тем условием, что вторая остается в нашем пользовании⁶. Но мы, верующие, не протестовали против той церкви. Теперь так председатель сельсовета заявил нам: церковь нашу последнюю через 15 дней отбираю, и прочитал нам копию дела из Области об отбирании церкви и дал нам срок 15 дней для обжалования дела в центр⁷. Но мы просим у председателя сельсовета эту копию прочитать нам самим для ознакомления дела, но он нам этой копии никак даже в руки не дал, а

⁶ В селе Ольхово были две церкви. От одной из них община отказалась в 1933 году, но от которой именно, пока установить не удалось. В документах о закрытии название церкви не отражено. Отказ от одной из церквей связан с тем, что у общины просто не было средств, чтобы выплачивать огромные суммы налогов и страховок.

⁷ 15 дней для обжалования дела о закрытии церкви – очень мало. Почта работала тогда известно какими темпами и письма с жалобами за это время иногда даже не успевали приходиться в центр.

заставил подписаться одну казначею общины. Еще возьмите во внимание то, что у нас церковный налог государству уплачен полностью за весь 1936 год, а поэтому и просим мы, верующие Ольховской церкви, Облисполком оставить церковь за нами.

К сему и подписуемся, двадцатка верующих.
Лукашова П.М., Парамонова П., Петухова К., Афонюшкина Е. ...

[26] Телеграмма. Москва. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Подтвердите решение Ленинградского Областного Исполнительного Комитета 2 февраля 1936 года о закрытии молитвенного здания. Сообщите срочно телеграфом. Ольхово Мьяксинского района Ленинградской области. Председатель совета: Демидов.

[27] Добавочная жалоба от Ольховской религиозной общины.

1. Мы, двадцатка Ольховской религиозной общины Мьяксинского района Ленинградской области добавляем к ранее писанной жалобе на имя Михаила Ивановича Калинина от 12-го марта 1936 года за почтовым № 500. Когда наша уполномоченная гражданка Амосова 12-го декабря была лично у заместителя товарища Калинина, комната № 20. в том заявлении было написано, как у нас проходило собрание, а в жалобе 12 марта мы не упомянули вопрос о церкви. Председатель сельсовета поставил в разном. Во 2-м часу ночи, когда народ почти весь разошелся, утомленный дневной работой, осталась только одна двадцатка. Другие деревни, что состоявшие тоже членами общины, не были извещены о собрании. Со стороны сельсовета голосовали несовершеннолетние школьники, так что их голосование неправильное.

2. В соседнем приходе Пустыни⁸ того же района и области службы нет в церкви уже 2 года, на днях наложил РИК печатать двери, заявив, что здание отходит от религиозной общины. Они обращаются к нам для исправления своих религиозных нужд. Расстояние зимой к нам 7 км., а летом 9, что наша церковь обслуживает два прихода. Ввиду этих причин и ранее сказанных в жалобе за № 500 просим оставить за религиозной общиной нашу церковь. Сельсовет забывает, что мы, пожилые люди, уже работали на пользу государству и теперь работаем. Местная власть [28] не идет навстречу нам. У молодежи есть здание большое. Надеемся на вашу защиту и милостивое отношение к нам, пожилым гражданам, и оставить за нами церковь. Налог за 1936 год уплачен полностью, а за 1935 год переплата 65 рублей. Еще просим вас известить о телеграмме, которую мы

⁸ Церковь в селе Досифеева Пустынь, как можно вычислить, была закрыта в 1934 году.

посылали вам ни имя Михаила Ивановича Калинина с ответом, которая послана 23 марта.

Штамп: 11.04.1936.

Договор ⁹

Мы, нижеподписавшиеся граждане _____ имеющие свое местожительство, заключили настоящий договор с Советом Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов в лице его полномочного представителя _____ (Ф.И.О., должность) в том, что сего числа _____ месяца _____ 1930... года приняли от Совета в лице _____ в бесплатное пользование находящееся (указать место нахождения) _____ здание культа, состоящее из _____ с предметами культа по особой, нами заверенной своими подписями описи, на нижеследующих условиях:

1. Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам НАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность врученного имущества, а также за соблюдение всех иных, лежащих на нас по этому договору обязанностей.

2. Зданиями культа и находящимися в них предметами культа, мы обязуемся пользоваться и представлять их в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей.

3. Мы обязуемся принять все меры к тому, чтобы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст. 1 и 2 настоящего договора.

В частности, в принятых нами в заведывание зданиях культа обязуемся не допускать:

а.) политических собраний враждебной Советской власти направленности;

б.) раздачи или продажи книг, листовок и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей;

в.) произнесение проповедей или речей, враждебных Советской власти или ее отдельных представителей;

⁹ Такие договоры заключались в 1930-е годы со всеми церквями, в том числе и Мясинской, после выхода в свет нового закона о религиозных культах от 8 апреля 1929 года. С текстом этого закона можно ознакомиться в книге "Русская православная церковь и коммунистическое государство". – М., 1995.

г.) обязуемся подчиняться всем распоряжениям местного Совета относительно распорядка пользования колокольнями;

д.) преподавание религиозных вероучений лицам, не достигшим совершеннолетия;

е.) перенесение каких бы то ни было предметов культа для каких бы то ни было целей без особого всякий раз на то письменного разрешения.

4. Мы обязуемся из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию вышеупомянутого здания культа и находящихся в нем предметов, как то: по ремонту, отоплению, страхованию, по оплате налогов, местных обложений и т.п.

5. Мы обязуемся иметь у себя инвентарную опись всего имущества культа, в которую должны вносить поступающие (путем пожертвований, передачи из других храмов и т.п.) предметы культа, не представляющие собственности отдельных граждан.

6. Мы обязуемся допускать беспрепятственно во внебогослужбное время уполномоченных Советом лиц к периодической проверке и осмотру имущества.

7. За пропажу или порчу переданных нам предметов мы несем материальную ответственность солидарно, в пределах ущерба, нанесенного имуществу.

8. Мы обязуемся в случае сдачи принятого нами имущества возвратить его в том самом виде, в каком оно было принято нами в пользование и хранение.

9. В случае желания нашего прекратить действие сего договора, мы обязаны довести об этом до сведения письменно, причем до получения от последнего извещения о расторжении договора продолжаем оставаться связанными этим договором и несем всю ответственность по его выполнению; сдача имущества при расторжении договора должна быть проведена нами в срок, указанный _____.

10. Каждый из нас, подписавший договор, может быть исключен из числа участников договора, подав о том письменное заявление, что, однако, не избавляет бывшее лицо от ответственности за весь ущерб, понесенный народному достоянию в период участия выбывшего в пользовании и управлении имуществом до подачи в _____ соответствующего заявления.

11. Никто из нас и мы все не имеем права отказывать кому бы то ни было из граждан, принадлежащих нашему исповеданию и не опорооченных по суду, подписать позднее сего числа договор и принимать участие в управлении упомянутом в сем договоре имуществом на общих со всеми подписавшими этот договор основаниях.

12. За неприятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же прямое его нарушение, мы подвергаемся уголовной ответственности, а настоящий договор аннулируется.

Подлинный сей договор хранится в делах _____, а засвидетельствованная установленным порядком копия выдается группе граждан, подписавшихся под ним и получившим по описи здание культа с находящимся в нем инвентарем.

Дата, список членов двадцатки, их подписи, примечания.

ГАРФ. Фонд 6991, опись 1, дело № 761. Наблюдательное дело и секретная переписка по Вологодской области № 11/87. Начато: 17 марта 1951 года – кончено 25 января 1952 года.

[162-163] Председатель Мясинского райисполкома тов. Ульяновский сообщил письменно в облисполком о том, что работники Шекснинского управления речного пароходства самовольно без разрешения Облисполкома и Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР приступили к разборке здания бывшей Ольховской церкви, стоящей на берегу и являющейся ориентиром для судоводителей. При этом было разобрано и погружено кирпича на баржу в количестве 52 тысячи штук. Председатель райисполкома лично был на приеме у уполномоченного Совета и консультировался о принятии следующих мер: срочно прекратить незаконный слом церковного здания, вывезти баржу из места погрузки, оплатить стоимость погруженного кирпича в Мясинский райфинотдел, причем начальнику Управления Шекснинским пароходством поручено привлечь виновных в незаконных действиях к судебной или административной ответственности, о чем сообщено было и прокуратуре. Распоряжение (какое?) облисполкома было выполнено.

ГАРФ. Фонд 6991, опись 1, дело №890. Наблюдательное дело и секретная переписка по Вологодской области №14/24. Начато 1 февраля – завершено 18 декабря 1952 года.

[1] 30 января 1952 года виновники в разборе церкви в селе Ольхово Введенский и Рыднев наказаны приказом нач. Шурпа (И.Игнатов – тов. Бельшеву С.К., заместителю председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР). Введенский – начальник череповецкой пристани, Рыднев – бригадир по разборке здания. № баржи 2645, расследование от 30 сентября 1951 года.

По материалам музея Мяксинской средней школы

СПИСОК

хозяйств, переселившихся из зоны затопления
по Мяксинскому району на 20 мая 1939 года

(Выписка из большого списка населенных пунктов, предоставленного
«Череповецким центром хранения документации»)

№ п.п.	Фамилия, имя и отчество	Начислено		Куда пересел
		На перенос	За Волгостроем	
	дер. Ольхово (стр. 7)			
1	Шунова Евдокия Матв.			
2	Фокичев Иван Степан.			
3	Хамов Иван Афонас.			вывез на реку
4	Катышев Иван П.			- " -
5	Афонюшкин Ник. Вас.		да	за пределы района
6	Грехов Ал-р Гер.	да		перевез в Мяксу
7	Дудочкина Анна Ив.	да		- " -
8	Черепанов Ал. Ив.	да		вывез на реку
9	Черепанов Петр Ф.	да		- " -
10	Кузылев Кузьма Ив.	да		- " -
11	Петухов Дмитрий Хар.		да	уехал на Свирстрой 2
12	Борисова Анна Вас.		да	освободила
13	Рыбин Еф. Д.		да	- " -
14	Кувылев Иван Мат.		да	- " -
15	Кувылева Анна Вас.		да	дом купила в Щетинском
16	Романенков Сергей П.		да	Служит в РККА
17	Хамова Екат. Мак.		да	освободила
18	Ершикова Екат. Фед.	да		перевезла в Хантаново
19	Махаев Ал-р Ив.	да		вывез на реку
20	Афонюшкин Осип Ив.	да		- " -
21	Шадрухина Ольга С.	да		- " -
22	Парамонов Иван К.	да		- " -
23	Ваничева Анна Ив.	да	да	- " -
24	Лазарев Иван М.		да	купил в Суркове
25	Люшина Хар.		да	- " - в Щетинском
26	Галанина Мария Як.		да	освободила
27	Савина		да	- " -
28	Савин К.Ф.		да	купил в Череповце
29	Рыбина Мария Ф.		да	- " -
30	Павлова Евд. Вас		да	умерла
31	Трошина У. Як.		да	уехала в Ленинград
32	Тимкина Мария Тим.		да	- " - в Пришекснин. р-н
33	Лебедева Пар. К.		да	- " - на Д. Восток
34	Земскова Анна Е.		да	- " - в Б. Бычек
35	Тюликов В.		да	освобожден
36	Киселева Екат.		да	- " -
37	Тюликова Дарья		да	купила в Михайловком
38	Биткина Пар.		да	уехала за пределы р-на
39	Кисточкин Иван Кон.		да	купил в Травлянке
40	Варюхин А.А.		да	за пределы р-на
41	Хамова Ал-ра К.		да	- " -

№ п.п.	Фамилия, имя и отчество	Начислено		Куда переехал
		На перенос	За Волгостроем	
	дер. Ольхово (стр. 12)			
1	Коршунова Марина		да	дом занят волгостроем
2	Шадрухина Евдок.		да	освобожден
3	Шведов Иван Гер.		да	"
4	Киселев Анд. Т.		да	"
5	Шадрухина Б. Мат.		да	"
6	Сереженькина Еф.М.	да		
7	Орлов Ив. Григ.		да	купил дом
8	Грехова Над. Б.		да	освобожден
9	Семенов Мих Ст.		да	"
10	Возин Егор Дмитр.		да	"
11	Галанин Фед. Мих.		да	"
12	Жуков Ал. С.		да	"
13	Курилов Мих. Як.		да	"
14	Грехова Анна К.		да	"
15	Грехова Ал-ра		да	"
16	Коршунов Ал.		да	"
17	Черепанов Дм. Ник.		да	"
18	Сереженькина Анна А		да	"
19	Амосова Анна Ив.		да	"
20	Ковалева Анна Вас.		да	"
21	Карнилова Анна		да	"
22	Люшин Дмитр. Ив.		да	"

Фрагмент карты Мякшинского района Ленинградской области

Фото из архивов

*Остатки
колокольни Ольхово*

*Черепанов М.А. у развалин
колокольни с. Ольхово*

*Колокольня
с. Ольхово*

Фотографъ Владимиръ Михайловичъ Волковъ.

Иконостас Ольховской церкви (?)

1. Шлюз Черепановский
2. Паром в Ольхове

3. Шлюз Черепановский.
Подъем плотины
4. Школа с. Ольхово
5. Перед затоплением

Охотники села Ольхово

Активисты с. Ольхово

- Ольхово, 1920-е
- 1) Тимуров Павел
 - 2) Алексей Ершов
 - 3) Александр Филипп (О.Л.С.С.)
 - 4) Петр Чернышев
 - 5) Алексей Филипп (О.Л.С.С.)
 - 6) Григорий Гр. Филипп
 - 7) Иван Григорьевич

Поклонный крест на мысе

1. Семья Черепановых.
2. Черепановы, д. Черепановка, 1911 г. Фото Василия Волкова
3. Семья Черепановых, д. Черепановка
4. Семья Черепановых, г. Череповец
5. с. Ольхово, 1932 г.
Слева Галанина Анна.
Надпись на обороте:
«На память дорогой подруге Нюре от Лены Кисточкиной»
6. Семья Галаниных.
Отец Александр Николаевич,
мать Полевикова Анна Андреевна
7. Галанина Анна Александровна,
бывшая ольховчанка
8. с. Ольхово, слева направо
Варюхина Е.А, Трошин А.П.,
председатель сельсовета
Полевикова (Трошина) Екатерина
9. с. Ольхово.
С гармошкой Трошин Паша

ХОД КОНЕМ

Статья в газете «Красная звезда»,
11 апреля 2003 года

- *В шахматы играешь?*
- *Играю.*
- *Какую фигуру больше любишь: коня или слона?*
- *Коня.*
- *Вот давай и сделаем ход конем – поедешь во Фрязино.*

Так выпускник Московского энергетического института Юрий Афонин попал на подмосковный завод, где уже вскоре создал схему на базе первого электровакуумного прибора – клистрона, генерирующего высокую частоту в радиолокаторах. Казалось, у него выросли крылья от этой первой победы. Но специалистом по приборам ему все же не суждено было стать. Через полгода вызвал к себе главный инженер: «Есть приказ Лаврентия Павловича Берии о переводе спецов вашего профиля в Москву, в КБ-1, – голос главного инженера немного дрожал от волнения. – Я думаю, своим добросовестным трудом вы оправдаете это высочайшее доверие».

Взрыв ракеты в безмятежной синеве неба потряс своей неожиданностью всю группу испытателей, и, прежде всего, начальника лаборатории Юрия Афонина. Столько энергии, воли, ума они вложили в разработку ЗРС С-200, и вдруг, когда, казалось бы, все неудачи остались позади, – подрыв в воздухе, на 65-й секунде полета.

Шли 60-е годы. Порядки в стране были строгие. За неудачу, если она произошла по халатности, недосмотру, можно было загреметь куда подальше. Но даже не это угнетало. Пугала полная неожиданность, загадочность и даже таинственность происшедшего. Ведь они предусмотрели, на их взгляд, все до мелочей.

Афонин с коллегами проанализировали возможные причины случившегося. Отмели одно предположение, другое. Ни одного упущения, параметры систем – в норме. С особой тщательностью подготовили к старту другую ракету. Но, увы, и она взорвалась в полете на мистической 65-й секунде. Потом – еще одна и еще. Специалисты никак не могли найти причину отказа. Казалось, их преследовал какой-то злой рок. Репутация да и судьба Афонина, в будущем главного конструктора НПО «Алмаз», профессора, доктора технических наук, были под серьезной угрозой.

Он родился 7 октября 1927 года в деревне Ольхово Мяксинского

района Вологодской области. Родители были из крестьян, и все же тяга к технике ему передалась, видимо, именно от них. Точнее, от отца, который еще в армии стал с техникой «на ты», даже оружие ремонтировал. А после увольнения в запас много лет отработал инструментальщиком в судоремонтных мастерских.

После Великой Отечественной войны мать, хоть и была малограмотной женщиной, настояла, чтобы Юрий поступал в институт. Ему тогда как раз попала в руки книжка про Московский энергетический институт. «Ну, я и написал заявление, отослал его в Москву, – вспоминает с улыбкой Юрий Васильевич. – Аттестат у меня был неплохой, и меня в 1945 году вызвали. Так, по заявлению и хорошим оценкам в аттестате, стал студентом».

Мама провожала его до Вологды. Билетов на поезд не оказалось аж на неделю вперед. Ему ничего не оставалось, как рискнуть пристроиться между вагонами на буферах и так проехать почти половину пути, пока проводник не сжалился над ним.

На факультете электровакуумной техники и спецприборостроения он начал постигать азы автоматического управления летательными аппаратами. Только на третьем курсе понял, каких «штучных» готовят из них специалистов. После выпускных экзаменов его распределили в Омск, хотя получил диплом с отличием. Он немного расстроился, но мама успокоила: везде люди живут, работают.

Приглашение в профильное министерство было неожиданным. Оказавшись в декабре 1950 года в КБ-1 (ныне НПО «Алмаз»), Юрий встретил там многих своих однокурсников. Вскоре они поняли свою задачу. Начиналась «холодная война». Американские высотные бомбардировщики уже вторгались в советское воздушное пространство со смертоносным грузом на борту. Заокеанские политики открыто шантажировали СССР, намекая, что Москву, другие наши города ждет участь Хиросимы и Нагасаки. Об этих чудовищных по своему цинизму планам США докладывала и разведка. Сталину ничего не оставалось, как попытаться отгородиться частоколом ракет. Первая задача – «закрыть» столицу.

Удивительное дело, но она была решена всего за пять лет. Афонин занялся моделированием движения и управления ракет, хотя какие-либо наработки в этой области практически отсутствовали. Они стали буквально первопроходцами. Поэтому пришлось набираться ума-разума даже у вольнонаемного немецкого ученого доктора Хоха.

Афонин вскоре понял: надо решить две проблемы. Во-первых, путем экспериментов определиться с выбором оптимальной траектории полета и точки встречи с целью. Ошибки тут вели к резкому возрастанию

перегрузок вплоть до отказа приборов и разрушения ракеты. Во-вторых, решить, как выводить на уже выверенную траекторию ракеты, которые стартовали у ЗРК С-25 «Беркут», например, лишь вертикально.

Немало дней и ночей ушло, прежде чем они подобрались к разгадке этой, казалось бы, неразрешимой задачи. Причем многие идеи им, молодым тогда ученым, подарил, чего тут скрывать, тот доктор Хох. Но русские превзошли своих немецких учителей. Афонин с коллегами создали счетно-решающее устройство, которое пошло в серию и позволило корректировать команды управления ракетой. То была первая серьезная работа Юрия, позволившая ему поверить в собственные силы, заявить о себе как о неординарном ученом. Более того, ему с коллегами удалось вскоре усовершенствовать и автопилот. Его изначально пытался разработать доктор Мюллер для баллистической ракеты. Они создали не только новый гироскоп, но и скоординировали его работу с датчиком ускорений.

И все же на полигоне, уже в канун госиспытаний, ракету на пусках стало раскачивать. Оказалось, нарушена устойчивость в одном из контуров. Пришлось срочно менять параметры следящей системы. А еще отвечать на прямые, в лоб, вопросы академика Александра Расплетина – человека дотошного во всем, что касалось работы. Афонин был уверен: он все сделал правильно. Однако страшно волновался перед госиспытаниями: что покажут стрельбы? Когда пуски прошли успешно, радости и охватившему чувству гордости не было предела. Еще бы, ведь сам Александр Расплетин пожал ему руку и поблагодарил при всем честном народе за работу!

Образно говоря, вся жизнь и работа военного конструктора – это хождение по лез-вию ножа. Ведь за твоими решениями, если они государственной важности, оборона страны, вложение громадных средств в приоритетный вид оружия. И не дай Бог ошибиться!

Прошли годы, и Афонину предложили возглавить лабораторию по разработке новой зенитной ракетной системы дальнего действия С-200. Это было во многом его детище, первый ребенок, которого он поднимал и выводил в жизнь с самого рождения. К тому времени он успел поработать уже на других участках, набрался опыта. Поэтому кое в чем было легче, а в чем-то труднее. Например, впервые пришлось решать задачу самонаведения ракеты на цель. Для чего они даже разработали свой метод проектирования системы с переменными параметрами с помощью частотных характеристик, построили цифровую модель контура управления. Что это дало? Многое. Но, помимо всего прочего, Афонин получил еще и головную боль. Сколько труда, энергии уходило на пробивание, отстаивание своих идей, убеждение чиновников!

Однажды, перед самым пуском одной из испытываемых ракет 200-й системы, Афонин заявил: старты надо отменить. Как отменить, когда весь полигон на ушах? Когда уже выехали боевые расчеты, комиссия. К совету не прислушались, и пуск оказался аварийным. После чего все же были внесены коррективы в параметры ракеты. Но даже после этого главный конструктор Борис Бункин спросил довольно строго: вы уверены, что теперь не будет отказов? Афонин держался с присущей ему твердостью. Лишь «главный судья» Расплетин оставался, казалось, совершенно спокойным. Но чувствовалось, как и ему мучительно трудно дается решение. И все же оно оказалось таким, какое предлагал Афонин. Это был, пожалуй, самый главный в его жизни ход конем.

Ну, а тот случай с роковой 65-й секундой. Они раскусили этот орешек. Оказалось, все элементарно просто. Факел вспомогательного движка прожигал через тонкую стенку обшивки жгут проводов управления. Происходило это ровно на 65-й секунде. И ракета выходила из подчинения, разрушалась.

После завершения работ на С-200 Афонин сменил на посту начальника отдела Анатолия Георгиевича Басистова, назначенного генеральным директором объединения «Вымпел». Надо было браться за разработку С-300. Это особый период в его жизни. Ведь в ЗРС С-300, прославившейся на весь мир, удалось воплотить самые современные достижения науки и техники, обскать в том числе и американский «Пэтриот». С-300 смогла атаковать цели, летящие даже с огибанием рельефа местности, и стала грозой крылатых ракет, которыми с территории Германии вновь попытались угрожать нам США. Не зря эту его работу оценили Ленинской премией.

Вообще, что касается наград и званий, то Юрия Васильевича судьба ими не обделила. Он лауреат не только Ленинской, но и премии РАН имени академика А.А. Расплетина, обладатель двух орденов Трудового Красного Знамени, многих медалей. А еще – прекрасный семьянин, заботливый отец и дед, что тоже сродни почетному званию.

И последнее. В ходе работы над «трехсоткой» Юрий Васильевич понял: систему наведения можно совершенствовать лишь до тех пор, пока есть мощность в цифровой машине. Но, образно говоря, ее запасов они еще не исчерпали. Впрочем, и запасов идей – у «алмазовцев» их всегда хватало. Тем более сейчас, когда мировые события в очередной раз доказывают, что значение ПВО и зенитного ракетного оружия возрастает с каждым годом. И, судя по всему, главные мировые «шахматные партии» с его применением еще будут разыгрываться. А значит, и опытные «шахматисты», умеющие делать ход конем, очень нужны нашему государству.

Н. АМОСОВ

ГОЛОСА ВРЕМЕН

Главы из книги

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Не будет декларации: «для чего пишу?», – пишу, для самовыражения, пишу потому, что мне 87 лет и боюсь оторваться от памяти, чтобы не потерять себя перед концом.

Пожалуюсь – плохо остаться без дела, даже в старости. Вроде бы есть еще силы, но уже знаешь: конец близок, будущего нет. Значительного дела не сделаешь. Остаются размышления и прошлое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОДНЯ. МАМА

1. Семья Никаноровых: Север. «Медвежий угол».

Отец нас оставил, поэтому вся семья для меня была в маме. Самый идеальный человек: на всю жизнь.

Родина мамы – север Вологодской области, деревня Суворово, 20 домов, «Медвежий угол» – буквально! Охота на белку, на лис, на медведей.

Дед имел крепкое хозяйство. В семье, было, пять сынов и две дочери. Дядя Павел – чекист с 18-го года, дослужился до генерала, арестован, расстрелян в 1937. Тетка Евгения – колхозница, посажена «за колоски» (сноска 1), умерла в тюремной больнице. Слышал, что еще двух дядей убили под Сталинградом.

Мама была старшей – о ней главный рассказ.

2. Мама. «Девичий грех». Акушерская школа. Село Ольхово. Замужество. Мои детские впечатления.

Мама родилась в 1884 году. Умная девочка. Читала книжки. Но: согрешила. Родила девочку, назвали Марией. По тому времени – позор. Замуж не возьмут.

Дед решил учить дочку. Отвез в Кириллов, нашли учителя: сдала экстерном за четыре класса гимназии. Школа повивальных бабок в Петербурге – акушерка. Жизнь в столице: очень бедно, но интересно. В Питере мама стала, скажем так, «средне интеллигентным» человеком. И, даже, атеисткой.

В 1909 году земство дало ей место акушерки на фельдшерском пункте в село Ольхово, 25 км от Череповца. Тут она и закончила свою жизнь – профессиональную и физическую. «Кирилловной» ее звали во всей округе. Через три года вышла замуж за Мишу Амосова – в большую семью, против воли свекрови. Об этом я расскажу позднее.

В ранних двадцатых годах «аптека», как звали крестьяне медпункт, со слов мамы оставалась такой же, как и при земстве. Всегда было три комнаты: ожидальня, приемная, где фельдшер или акушерка вели прием больных и сама

аптека – шкафы с лекарствами, стол с аптечной кухней для приготовления лекарств. Аптекой ведала мама. Медпункт обслуживал десять-двенадцать деревень и сел в радиусе десяти километров – шесть-семь тысяч жителей. Ближайший врач в Череповце.

Воспоминание раннего детства: Перед медпунктом десяток саней и разномастные лошади, жующие сено из передка. Полная ожидальня мужиков, баб, детей – в армяках, полушубках, платках, тулупах. В лаптях, в валенках.

Главная работа акушерки – принимать роды на дому, от 100 до 150 родов в год. Две трети из них – в других деревнях, иногда за 8-0 километров. Помню такие сцены. Ночью стук в дверь. Мама встает, зажигает лампу, накидывает платье, открывает дверь в сени. Слышу разговоры примерно такие:

– Кириловна! Марья родит. Поедем, бога ради!

Мужика впускают в избу, он приносит запах мороза и сена. Усаживают на кухне. Дальнейший разговор: какая Марья, давно ли «схватило», которые роды, приходила ли на осмотр. Мама уже оделась, бабушка тоже встала, крестится на икону. Я лежу, вида не подаю, что не сплю. Прощальные поцелуи у нас приняты.

– На, неси ящик.

Был такой особый ящик для акушерских принадлежностей. Довольно тяжелый – много всего с собой брала – в некоторых избах было грязно. Мужик забирает ящик, мама надевает тулуп, и они отправляются в ночь. Вот скрипнула калитка, у нее был особый скрип, до сих пор не забыл. Бабушка тушит лампу, забирается на печку, зевает, шепчет молитву. Все замолкает, и я засыпаю.

Утром мой первый вопрос:

– Мамы нет?

– Больно скоро хочешь. Туда шесть верст, небось, снегу намело. Слышь, воеет в трубе.

Я слушаю, и мне видится метель – дороги нет, и лошадь, и мужика, и маму занесло снегом. Пока маму не привезут с родов – в доме тревога. Как там? Что?

Обычно бабы рожали быстро и раньше времени акушерку не тревожили. Мама возвращалась через восемь – двенадцать часов. Но иногда задерживалась на сутки, и на двое – у «первородящих». Я это слово знал с раннего детства.

Но вот наступил вечер, а мамы нет: Я уже не отхожу от окна. Поздно ночью слышу, как бабушка становится на колени перед иконой и громким шепотом творит молитву:

– Господи, разреши от бремени рабу твою Марью: Господи, яви божескую милость к рабе божьей Елизавете, помоги ей. Под молитву я засыпаю: бабушка водит меня в церковь, я знаю о Всемогущем.

Под утро слышу скрип калитки.

Радость – мама приехала.

Мы постоянно жили при родах. Каждый третий – четвертый день мама уезжала или уходила со своими вещами. Иногда с одних родов прямо на другие, потом – на третьи. По неделям дома не бывала. А мы с бабушкой жили в постоянной тревоге (она не только молилась, но и ругалась: «Ишь, прорвало

их, б.. й!», – грубая была старуха). У мамы за двадцать четыре года работы, на три слишком тысячи родов, умерла одна роженица. Примерно пять она возила в Череповец, там им делали операции, и, кажется, тоже все остались живы. Видимо, деревенские женщины были крепкие, тренированные.

Было в интеллигентской среде слово «бессеребрянник», тот, кто «не берет». Акушерки всюду принимали (и теперь грешат!) подношения – «на счастье дитя». Так вот, моя мама – не брала. При крайней бедности, во все времена. Вообще никогда не видел лжи, хитрости, всегда доброжелательность и доверие к людям. Все о ней так говорили. Очень вспыльчивая была. То же и на меня – за пустяк, не разбираясь, схватит – и отшлепает. Потом жалеет, я видел. Не обижался.

И – веселая. Голос был такой звонкий, что разговоры слышно было с другого проулка. Говорили: «Вон Кирилловна идет». Не помню сильно плачущей. Когда уже совсем допечет – смахнет слезу, и все.

Не хочется говорить банальности, но работа была главным смыслом в жизни. Она жила жизнью деревни и ни за что не хотела ее менять.

3. Село Ольхово. Дом Амосовых. Деревня до революции и при НЭПе

Ольхово – большое село, домов двести, центр волости. Главная улица тянулась километра на три. Мостовых не было, и грязь по осени и весне была ужасная. А летом – пыль. Двухэтажная школа стояла на самом дальнем конце села, над рекой, а наш дом – на противоположном, километрах в двух.

Старый дом Амосовых тоже помню: хороший, под железной крышей. «Зимовка» – большая кухня с двумя маленькими светелками, и «летний дом» – по-городскому типу: кухня и три комнаты. К дому – через сени – примыкал скотный двор, с большим сеновалом. Во дворе высился журавль над колодцем. На участке был огород и сад с яблонями, малиной и смородиной. В общем, было нормальное хозяйство, называлось – «средняцкое».

Село Ольхово при НЭПе помню отлично. Бабушка говорила, что так же было и при царе. Жили бедно. Корова, лошадь, пара овец, куры. Посевы – 3-4 гектара. Многолетние – бедствовали: хлеб – не досыта, с добавками картошки. Мясо – только в праздники и в страду. Молоко – в обрез. Самые бедные одевались в домотканное. Но лапти носили только на покос и в лес – уже была культура.

Сельский кооператив с маслодельней и «лавкой» был центром общения. Правда, была изба – читальня, она же клуб. Кино стали привозить в 1924 г. Разнообразие в жизни создавали престольные праздники. Политических страстей не помню. При НЭПе крестьяне были лояльны к власти.

4. Род Амосовых. Судьбы

Расскажу об Амосовых. Меня воспитала мама, но вышел я – Амосовым, а не Никаноровым. Получается: гены.

Мало было интереса к прошлому. Но знал, по крайней мере, два поколения Амосовых были полукрестьяне – полурабочие. Летом – хозяйство, зимой – завод. Отец – мастером, сыны – рабочими.

Жили Амосовы хорошо, но небогато. Наверное, могли бы лучше, но были две страсти у деда – к лошадям и к водке. Сыновья тоже все стали пьяницами. Мама считала, что это наследственное, и боялась за меня.

О бабушке мама: «Добрейшая душа». Бабушка: «Дурной. Бывало, в праздник всех зазывал выпить. Лошадьми менял. Зато сама бабушка, Марья Сергеевна, была властная женщина, все хозяйство держалось на ней. Грамоты не знала. Родилась еще крепостной. У них было три сына и три дочки.

Я помню дядю Сашу. По рассказам мамы: «В Питере работал на заводе и вышел в первоклассные мастера. Талант, изобретатель, патенты имел. Хорошо зарабатывал, но пил. В 1918 году, приехали в Ольхово. Работал механиком на мельнице, поэтому жили безбедно. Но не жилось. Умер от пьянства, оставив без средств четверых детей». Они жили рядом, и я с ними дружил.

Младший, дядя Ваня, окончил Техническое училище в Череповце, то же что и я. Был эсером. Погиб в 1918 году, в стычке с большевиками.

Тетя Катя выучилась на акушерку. Помню ее отлично.

5. Отец. Сельский кооператив. Брак. Война. Плен. Возвращение. Череповец – служба. Попойки. Распад семьи. Другой брак. Болезнь

Теперь об отце можно все говорить: никто не обидится, все умерли. Мама его всегда хвалила: «Был прекрасный человек». Не знаю (мне даже папой его называть не хочется). Кончил двухклассное училище. Был вполне грамотным. Несомненно, много читал. Собрал порядочную библиотеку: классики, политика, философия, история. Она и мне пригодилась...

Отслужил в армии. Организовал в селе потребительский кооператив и маслобойню: существовали до конца Ольхова до 1936 года. Идейный был.

Дальше биография замыкалась на маму и на меня.

Мама приехала в Ольхово в 1909 году и поселилась с молоденькой учительницей Шурой Доброхотовой. Тогда же состоялось знакомство: Миша Амосов, с претензиями на интеллигентность. Бабушка браку сопротивлялась. Тяжело было маме с такой свекровью. Жизнь скрашивалась только любовью мужа. Говорила – всегда очень любил и были счастливые.

В положенное время родился я. Тогда не было отпусков по беременности. В связи с выездами на роды, молоко у мамы «пересохло» и пришлось кормить искусственно. Поэтому я был хилым, болел. Однако когда дорос до школы – болеть перестал.

1914 год – началась война. Фронт. Мне было восемь месяцев. И тут же кончилось мамино счастье. Через полгода перестали приходить письма: «Пропал без вести». Но война была гуманнее, и после восьми месяцев молчания пришла открытка – уже из Германии, из плена. Плен был не тот, что теперь,

легче. Работал на разных работах, больше – в сельском хозяйстве. Дважды пытался бежать, неудачно. Из Германии вернулся только в начале 1919.

Смутно помню: комната, яркий свет, надо мной стоит мужчина – он кажется огромным. И чужим. Таким и остался для меня на всю жизнь. Отец научился у немцев и хотел заняться хозяйством, но скоро уехал – пригласили в Череповец, на большую должность, по кооперации. Сблазнился работой и хотел обновить свое хозяйство. Оно было в полном упадке – осталась одна корова да куры. Работать было некому: бабушка постарела, мама – урывками, нанимать не на что.

Но ничего из этих планов не вышло. Дом и имущество разделили с дядей Сашей. Тот передвинул свою «летнюю» половину на соседний участок. Отец снес старую «зимовку», и начал строить хороший дом, но не достроил.

Стал сильно пить. Завел любовницу. Сошлись.

Семья развалилась.

Судьба у отца была грустная. В новой семье родилось два сына.

Не знаю, почему не был оформлен развод родителей, но будто бы мама потребовала, чтобы отец забрал дом с участка. И он это сделал: новый дом разобрали и увезли. Через год ольховские мужики помогли маме построить «особняк» в два окошка. В нем она и дожила век.

Когда в 1926 г. я приехал в Череповец учиться, отец давал мне на содержание 15 р. в месяц. В 1929 г. Маруся закончила институт и мама отказалась от его помощи.

В 1930-м отец заболел – ослеп. От мамы слышал диагноз «атрофия зрительного нерва на почве алкоголизма». Лечился в Ленинграде, наступило некоторое просветление, и он снова стал работать. В 1931 году внезапно умер, видимо от болезни сердца.

Мама его очень жалела.

Так мне не повезло с отцом. Простить ему никогда не мог, хотя мне он был не нужен: ушел, ну и ладно. Мама же осталась!

ГЛАВА ВТОРАЯ**ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ****1. До 1926г. Одинокое детство.****Школа. Пионерия. Книжки. Город Череповец**

Пожалуй, можно перейти к сути дела, к своему детству. Оно было необычным для деревни: до школы с ребятами не общался. Так и в школу пошел – одинокий. Прямо-таки – барчук! Читать тоже не умел. Помню только, что много рисовал, фантазировал, больше о войне. Гулять не любил: зимой чуть не силой выгоняли «дышать воздухом». В общем – рохля и рохля! Неправильно воспитывала мама.

Зато школа стала событием. Одна учительница учила два класса: первый и третий. Меня посадили со старшими, у первоклассников места не оказалось. Тут я быстро выучил буквы и стал читать. Робинзона Крузо прочел за три месяца. Но школа сначала не нравилась: очень много шума, ребята буйные, все – незнакомые. Не было контакта. Даже на переменах я не выходил из – за парты. Освоился только к рождеству.

В первое школьное лето барство с меня слетело: бегал босиком, дни проводил с товарищами на речке. Но все равно остался неловким – не научился плавать, не дрался, плохо играл в городки, в лапту, не умею ездить на велосипеде, танцевать, плавать. Всегда ощущал свою неполноценность. Удивляюсь, как это стал хирургом: ручная все-таки работа!

Учился хорошо, но учили плохо. Условий для этого не было – учебников, бумаги, умения преподавать. Впрочем, нашу учительницу, Серафиму Петровну, вспоминаю с удовольствием.

В 1924 году организовался отряд пионеров. Это было очень интересно. Тогда же у меня появился первый чин – заместитель вожатого отряда. Такое хорошее было партийное начало – и не получило продолжения! Общественная работа кипела: сборы отряда, «проработки» нерадивых, походы, стенгазета. Даже участвовал во взрослом драмкружке. На митинге к седьмой годовщине Октября на площади стихи читал! Помню, как в 1924-м году пришел дядя Саша и сказал, что Ленин умер. Нет, не жалели, не слышал.

В пионерии сложились «политические убеждения»: все богатые – плохие, бедные – хорошие. Революция справедлива – равенство. Белогвардейцы – звери. Имена: Ленин, Троцкий, Зиновьев. О Сталине не слышал.

Еще одно: организовал школьный кооператив – тетради, карандаши.

Красные галстуки привились легко, а вот с трусами было плохо – старухи протестовали: «Стыдобушка!». Случалось, ребята самовольно – ножницами (или даже топором!) – укорачивали подштанники, чтобы получились трусы.

В общем, ничего выдающегося в моем деревенском детстве не было. Река, лес, луг, игры. Лидером по части забав не был. Уважали, что хорошо учился. А летом – работа: сенокос, жатва, молотба. У нас было тогда скромное,

но хозяйство – корова Лушка, собака Арфик, кошка, куры. С 12 лет я был главный работник.

Почему-то не помню, чтобы готовил дома уроки. Наверное, не задавали: много новаций пережила школа.

Читал много книг – библиотека была хорошая. Особенно запомнилась толстая «История Великой французской революции» Карлейля.

В школе все было интересно – шла общественная работа в пионерии.

В 1926 году кончилось мое счастливое детство и началась довольно грустная жизнь.

Нужно было учиться дальше. Для этого надо ехать в чужой город – Череповец, поступать в школу второй ступени.

2. 1926 – 29 гг. Череповец. Квартира. Обязанности. Финансы. Одиночество. Походы в Ольхово. Книги.

Мы приехали на пароходе, мама свела в школу – держать экзамен. Что – то писали, решали задачи, был уверен и не волновался. Познакомился с Лней Тетюевым, другом на целых сорок лет. Вернулись в Ольхово и ждали извещения о приеме. Помню, думалось: «Хотя бы не приняли». Но тут же: «Надо!» И так пошло на всю жизнь: «Надо!» «Надо!»

Пароход «Кассир» ходил от Череповца до Ольхова, ночевал у пристани и в 4 утра отплывал обратно. Такое себе суденышко с дизельным двигателем. Даже сейчас слышу: «Тук – тук – тук», над рекой.

Горько плакал, когда один пришел с пристани в свою комнатку, у Александры Николаевны. До 15 лет меня охватывала лютающая тоска по возвращении из дома. В одиночестве, со скупыми слезами.

Почти весь период жизни в Череповце прошел тоскливо. Не было счастья. Полегало лишь в последние годы, когда появились новые интересы.

Мама поселила меня к своей лучшей подруге Александр Николаевне Доброхотовой. Она учительствовала, жила одна, имела маленький домик, было две комнатки и кухня: площадь метров 20, потолки низкие. Учителя жили нищенски, хуже, чем мы – у нас дома огород. Электричество было дорого, освещались лампой. Пищу готовили в русской печке.

Мне полагалось носить воду от колонки, колоть дрова, чистить тротуар.

Александра Николаевна была отличным человеком и прекрасной учительницей. К ней часто приходили такие же одинокие, как она, коллеги, и разговоры были только об учениках. С тех пор школьные дела остались близки моему сердцу (вспоминаю ее, маму, их подруг – и улыбаюсь, до чего все-таки люди были преданы своему делу!).

Как я уже упоминал, отец давал мне 15 рублей в месяц. Пять рублей платил за квартиру и на 10 должен был питаться. Два раза в месяц надо было ходить за деньгами к отцу в Губсоюз – там он занимал хорошую должность.

До чего же тягостны были для меня эти походы! Бывало, подойду к лестнице на второй этаж, – постою, вернусь, похожу по улице. Но куда денешься? У мамы денег не было – училась в институте сестра. Поднимусь, вхожу в ком-

нату – это контора с несколькими столами, его – главный. Подойду, поздороваюсь, он всегда выглядел добрым.

– Папа, мне нужно денег.

– Сколько тебе?

Первого числа я отвечал – десять, а пятнадцатого – пять рублей. Он каждый раз задавал этот вопрос, но я ни разу не попросил больше. А он не предложил.

Все закупки делал сам. Всегда хватало денег: педант с детства. Не так уж плохо питался на 10 рублей. Суп с мясом (1 кг на месяц!), на второе гречневая каша с коровьим жиром – его в плошке растапливали в русской печке, он тут же застывал. Утром и вечером – чай с хлебом без масла, сахар в прикуску. Витаминов мало, поэтому по весне всегда болели глаза. Но других болезней не помню. За все годы своего учения не помню, чтобы пропустил уроки.

Два раза в месяц ходил в кино – 20 копеек, в первых рядах. Изредка покупал на лотке ириску – 1 копейка. Шоколадных конфет не пробовал ни разу.

Одевался бедно – мама обшивала себя и меня. Были две ситцевые рубашки, одинаковые, серенькие. Еще была суконная курточка перешитая из старья. Матрацную наволочку осенью набивали соломой на весь год. К весне она превращалась в труху и спал уже на досках. Простынь была, пододеяльник – не полагалось. Одеяло ватное, лоскутное.

В баню ходил раз в две недели. Стирать белье возил домой.

Образ жизни (скучные слова!). Такой был и «образ».

Вставал в семь, ложился в десять. Ни разу не нарушил режима.

Невесело жил. Но – не скучал. Только сильно тосковал по маме и по дому. Через две-три недели обязательно бывал в Ольхове. Осенью и весной – на пароходке, зимой ходил пешком. Много раз я вымерял эти 25 км.

Учиться нравилось: все легко давалось, был первым, даже старостой класса: журнал посещений доверяли. Но «не высывался». Странные были порядки: оценки – «уд» и «неуд». Равенство? Глупость?

Уроки не готовил. Заданий мало, все успевал делать в классе. Даже сочинений дома не писали. Между прочим, учителя были дореволюционной выучки. Только правильно писать не научили – до сих пор ошибки делаю.

Было и слабое место – физкультура. Неловкий, стыдился, хотя сила была. Поэтому хитрил, даже сбегал с уроков. Петь тоже не мог: ни слуха ни голоса. Музыка не слушал, электричества и радио у Александры Николаевны не было.

Любимый предмет – литература. Все читал, все знал, учительницы были умные.

Не помню, чтобы на переменах бесился, как полагалось мальчишке. Все потому же: «рохля». В драках не участвовал, меня не били, потому что был сильный, сам не задирался. За всю жизнь ударили однажды – еще в Ольхове.

Вне школы с ребятами не общался. Порядок такой: пришел из школы, пообедал, помыл посуду и читать.

Это и было, как говорят, «Одна, но пламенная страсть».

Книги. Состоял в трех библиотеках, детской, взрослой городской и школьной. Кроме того, в чулане у Александры Николаевны были «приложения к Ниве» за несколько лет – собрания Горького, Куприна, Андреева, Бунина, Сервантеса, Золя. Комплекты приносил и прочитывал «от и до». Гоголя и Пушкина уже раньше знал, в Ольхове. Еще читал всю новую литературу, что приходила в городскую библиотеку – в 20-х годах еще свободно печатали «попутчиков». Конечно, был Есенин, кумир молодежи. Но мне больше нравился ранний Маяковский. Строчки из «Облако в штанах» до сих пор помню. Вся моя «образованность» выросла из беллетристики, научных книг читал мало. Разве, что историю.

Общение. Первые четыре года домашних друзей совсем не было, только в школе. Пионеры не понравились, комсомола даже не попробовал. Однако культурные «мероприятия» были. Во-первых, театр. Для школьников по субботам билет последние ряды – 10 копеек. Выходной одежды не было, немного смущался, но превозмогал. Еще ходил на публичные лекции. Еще помню «чистки партии»: здорово драили!

Историю как предмет, нам не преподавали, было «обществоведение». Я был «за революцию и социализм». Мама и Александра Николаевна – «в основном» тоже. Верили, что власть – для народа, и надеялись на будущее. О ЧК говорили шепотом.

Вел дневник. Неблаговидное о себе тоже писал, но по-немецки. Тетрадочку позднее взяла моя «любовь» и не вернула.

О любви. Конечно – влюблялся, и очень рано. Под домом ходил. Сирень в окна бросал. Но писем не писал, и слов не произнес. Предметы: сначала Шура Венчинова, потом Валя Шобырева, особенно долго. Влюбленность чистая, в постели себя воображал с другими. Да, романтика была, мотивы в уме звучали.

Самое счастливое время – каникулы. От деревенских приятелей отошел сразу, как попал в Череповец. Общался с сестрами, они жили рядом. Пока вели хозяйство – была работа: сенокос, картошка, огород. Грибы, ягоды собирал в лесу. Все вместе – не очень много времени занимало. А в зимние каникулы даже этой работы не было. В 1928 году организовались колхозы и хозяйство ликвидировали – остался только огород. Все свободное время лежал на диване и читал книги. Мама называла: «книжный червь» и грозилась продать диван.

3. 1928–29 гг.»Страсти–мордасти»: Воровство книг. Бог спас?

Где-то у Горького написано: «Придут страсти – мордасти, принесут с собой напасти».

Да, приходили и ко мне. Но как – то всю жизнь удавалось удерживать их «в пределах», не заносило. За исключением короткого периода в отрочестве.

Все было в 14 лет. Сначала – факты. Помню до мелочей.

Я воровал книги. Добрый десяток. Все помню – пять томов сочинений Маяковского, англо-русский словарь, курс фармакологии, «Медицинская терминология» – собирался стать медиком-теоретиком. Был большой книжный

магазин с открытыми прилавками. Я приходил с папкой, рассматривал книги, листал и незаметно прятал книжку между своих бумаг. Заведующего помню: интеллигентное лицо с бородкой, средних лет.

И вот, последний раз: только я спрятал Маяковского, заведующий подходит, берет у меня папку, вынимает книжку, кладет на место и говорит, почти ласково:

– Не надо это делать, молодой человек.

И – все. Я убежал, раздавленный стыдом и страхом.

Мне и сейчас жутко, через 70 лет: чтобы могло быть! Бог спас?

4. 1928 – 30 гг. Конец НЭПа, процессы, колхозы. Разрыв с отцом. Любовь. Лесная практика. Клятва

В восьмом классе, на границе 15-16-ти лет, я сам и жизнь изменились.

Даже и страна. НЭП кончился, началось движение в социализм.

В классе были «лишенцы» – дети, у которых родители относились к «нетрудовым элементам», лишенным избирательных прав. Это все «бывшие» – дворяне, купцы, кулаки, попы. Мы знали о таких детях, но «дискриминации» не подвергали – слишком абстрактно для мальчишек.

За съездами партии не следил, но был в курсе дела: планы индустриализации. Первая пятилетка. «Левый уклон» – Троцкий. Дальше – «правый уклон» – Зиновьев, Бухарин, Рыков. Но пока их только ругали, не судили. Знали слово «врагители»: «Шахтинское дело», «Промпартия».

Пошло наступление на кулака – сначала налогами, а потом раскулачиванием. Образовались колхозы, сплошная коллективизация. Партия посылала читать мужикам «Головокружение от успехов», даже нас, восьмиклассников. Началось массовое бегство из деревни наиболее предприимчивых мужиков. В том числе, и на «стройки социализма». Уверен, что без коллективизации и арестов, партия бы не построила пятилетки.

На рынке ломали ларьки и магазинчики частников. За год все товары исчезли. Ввели талоны, а потом и карточки.

Мама в колхоз не вступила, определилась как служащая и ликвидировала хозяйство. Это уже назревало – работать некому. Мы уже жили в новом домике – маминной личной собственности, хотя с долгами. Маруся кончила институт и поехала на врачебный участок за 20 км. Отказались от папиной помощи и даже купили мне ботинки вместо деревенских сапог.

Между тем идея социализма уже укоренилась в умах «малой интеллигенции» и не помню, чтобы мама и учительницы у Александры Николаевны роптали на коммунистов. Конечно, мама переживала за «баб», что плакали, отводя скотину в общественные дворы. Но это относили за счет «ошибок». ГПУ еще так не свирепствовало, как в 37-м, богатеи в наших деревнях было мало, поэтому раскулачивание в Ольхово шло сравнительно легко.

Школьные дела тоже изменились: после 7-го класса многие ученики отсыпались. Создали один класс из двух. В средних школах ввели специализацию – «уклоны». Нам достался «лесотехнический»: инженеры из леспромхоза читали

лекции. Было ново и интересно: «таксация», «геодезия», «лесоустройство». Зачетов не устраивали, но водили «в поле» – работать с приборами. Чего еще лучше?

Любовь. Валя Шобырева из нашего класса. Каждое утро, как шел в школу глядел – не появится ли из-за угла черный берет с красным помпоном. Лицо, как сейчас вижу – очень красивое. Было «тихое вздыхание», никаких провожаний, встречаний и записок. Не скажу, что пользовался взаимностью, так – благосклонность. Был даже соперник – школьный поэт.

Странное это чувство – отроческая любовь без сексуальности. Кажется, так пели: «только сердце от чего-то сладко таяло в груди». Притом, что грешные желания были – но к другим предметам, к взрослым женщинам.

На летнюю практику в лес мы поехали четвером: Валя, Шура Ванчинова, Коля Чернышов и я.

Маленький лесной поселок с конторой, с заводиком, службами. Встретили, как взрослых. Выдали продукты, отвели комнату в новом недостроенном доме – одну на всех. Мы, мужчины, устроились в углу за печкой, девочкам – лучшее место. Молодой техник – (ревновал!) два дня водил в лес и показывал, как отводить лесные делянки и пересчитывать в них деревья.

Вечером девочки варили суп из мясных консервов. До этого о консервах только читал в романах.

Сплошной праздник жить в одной комнате с любимой! Через несколько дней отправились в «настоящий лес» еще за 20 км. Дали нам в помощь двух лесников. Поселились в лесной избушке, с нарами, очагом в центре, маленьким оконцем без стекла: и тучами комаров. Спасались только дымом.

Работали с утра до вечера: мужчины измеряли, (инструмент: «мерная вилка») кричали цифры, девочки записывали на фанере. Уставали. Вечером лесники варили вкусный «кулеш» из консервов и крупы, чай в котелке, еще – вяленая вобла. Спали на голых нарах из отесанных жердей, подстелив одежду. Очень хотелось поцеловать Валу, приложиться, как к иконе, но не решился. Работу сделали за семь дней и вернулись на базу. Прошла одна из самых счастливых недель моей жизни.

Дальше все было плохо.

Вернулись. Заявились в контору, к этим молодым и красивым техникам. Написали отчет. Потом нас с Колькой отправили в лес, а девочек оставили.

Второй заход в лес был очень грустный. Совершенная глушь, вырубки, пустоши. Болота, кочки, комары. Кукушки тоскливо кукуют. Ветрено, деревья скрипят. Дожди, крыша в землянке течет. Мужики неприятные. Работа не продуктивная – измерять и самим записывать, лес редкий, кусты.

А там, в леспромхозе, осталась любовь в окружении мужчин.

Через неделю я люто затосковал. Поздним вечером сидел перед дымным очагом, смотрел на огонь и думал горькие ревнивые думы, сжавши зубы, чтобы не заплакать. А тут еще забытый дневник. Что тут ждать хорошего?

Результат – я сбежал с практики. Симулировал болезнь и рванул на станцию прямо из леса, вещи на Колю оставил. Приехал домой. Сочинил «легенду». Мама была рада. Не думаю, что она поверила, но напрямую не пристыдила.

Просто пропустила мимо ушей. Зато Маруся как – то потом сказала: «Все ты выдумал!» Я не упорствовал. Написал письмо Вале на леспромхоз – с тем же враньем. Стыдно было признаться. И стал ждать ответ, с большим страхом.

Письмо пришло через месяц, уже из Череповца. Очень грустное: «Я все прочла. Поняла, что сбежал. Очень жаль, что ты такой». Обидных эпитетов не было, признаний, что любила – тем более, но дело ясное – конец!

Все у меня сжалось внутри.

– Что ж, заслужил – получил.

Я не помню, чтобы произносил клятву, но чувствовал без слов:

– Никогда больше не допущу.

Чего – «не допущу?» – позора перед людьми? Греха перед Богом? Ни то, ни другое. По-прежнему считал себя главным судьей своих поступков. Выше людей. И не верил в Бога. «Не допущу слабости». Что это было? Пробуждение совести? Еще – нет. Была – «гордыня».

Только много позднее сформировалось другой внутренний закон – уважение к чувствам других людей, не причинять им горя. Права не имею! Сам слаб и грешен.

5. 1930 – 32 гг. Аресты. Ленька-компания Техникум. Работа на «прорыве». Практика в Ленинграде. Смерть отца. Машинист. Окончание учения

Грустно закончилось то лето: лежал, читал. Куприн, Арцибашев:..

Перед 1-м сентября приехал в город, прибежал к Леньке и узнал потрясающую новость:

– 9-го класса не будет. Учеников распределяют – кто хочет остаться дома – в механический техникум, другие – в Ленинград, в Ораниенбаум, учиться на лесника. Уже идет запись. Валя записалась. Ты как?

– А ты?

– Я, и почти все – остаемся. Денег нет в Ленинград ехать.

И я остался, вроде бы по той же причине – знал, как тяжело досталась маме Маруся. Только-только вздохнула и, чтобы опять: да и стыдно было перед Валей. К тому же одеть нечего, очень беден для Ленинграда.

Записался в техникум, вместе со всеми. Из нас, школьников, создали отдельный класс, зачислили на второй курс.

Техникум был основан еще в прошлом веке: выпускали механиков. Назывался Александровское техническое училище.

Теперь индустриализация страны вдохнула новую жизнь: готовить техников для лесной промышленности и электростанций.

«Школьников» стали ускоренно обучать, чтобы догнать основных студентов-«техников». Занимались по восемь часов: математика, физика, химия, механика, черчение. Потом пошли специальные предметы – паровые котлы, машины, турбины. Учили много, но плохо. Была эпоха «бригадного метода»: пять человек вместе готовили уроки, отвечал один от всей бригады.

Зато дали стипендию – 30 рублей! Обедали в столовой, не дорого, но жидко

и порции малы. Домашние обеды прекратились, все давали по карточкам, хлеб черный, 400 гр., а вместо сахара – песок, который я тут же съедал. Не голодал, но и сытым не был. Наедался только у мамы: бюджет ее поправился, когда у детей появились свои получки.

Жизнь менялась на глазах.

Рыночная площадь опустела, частная торговля исчезла. Город быстро расстраивался: мужики перевозили дома из деревень – спасались от колхозов. Культура хирела: прекратились удешевленные спектакли. Открылся торгсин – государство собирало золото и серебро на индустрию. Я в магазин не заходил.

В стране шла тотальная зачистка – арестовывали бывших офицеров, эсеров, меньшевиков, дворян, купцов. Не скажу, что нас, ребят, это сильно трогало – народ все бедный, аресты коснулись лишь нескольких человек.

Моя жизнь значительно изменилась. Валя уехала в Ленинград. Я ее не видел. Тоска осталась, но как-то притупилась. Отболело.

Зато мужская компания расцвела. У Леньки Тетюева открылся музыкальный талант – стал играть на гитаре, мандолине, на трубе в оркестре. Все мальчишки начали курить. Я – не поддался, но на «посиделки» ходил. Однако, к десяти часам всегда возвращался. Маме писал каждую неделю, но ездить стал реже.

В большом темпе мы проучились почти до нового – 1931-го года.

И тут пятилетка нас настигла: отправили на «ликвидацию прорыва» в лесопильные заводы на север, за Белое озеро. Там остро не хватало рабочих.

Шли пешком, расстояние около двухсот километров. Мороз 20-30 градусов, выдали фуфайки, ватные штаны и рукавицы. Валенки у всех свои.

На Кемском заводе я попробовал рутинную жизнь рабочего и понял классовую ненависть. Работа была тяжела и однообразна – отвозить доски на вагонетках и складывать в стопы. К обеденному перерыву уже вымотан, а после еще четыре часа тянуть. В общежитие сначала приходил чуть живой. Потом втянулся.

С ужасом представил: если бы так на всю жизнь? Понял, почему культурные рабочие шли в революцию – завидовали. И я бы пошел.

Жизнь большой компании не тяготила. Народ подобрался хороший, не пьянствовали и не хулиганили. Вот только жестоко обовивели – спали вповалку, мылись редко, дезкамер тогда не было. Без малого четыре месяца проработали, социализму помогли.

После прорыва мы все как-то повзрослели. Я чуть не через день ходил к Тетюевым, девушки приходили, разговоры вели. Ленька собрал струнный квартет. Танцевали. Но не я. Так и не выучился. Комплексовал.

Техника мне понравилась, читал по паровым турбинам, котлам, дизелям. Изобретал машину для укладки досок в стопы. Делал чертежи.

Учились без каникул до июля и сразу же поехали на новую практику, на этот раз под Ленинград, на целлюлозно – бумажный комбинат.

Там снова была тяжелая работа кочегаром в котельной.

Очень хотелось повидать Валю. Ораниенбаум – вот он, рядом, час езды от Ленинграда, только в другую сторону. Уже знал, что она вышла замуж, но все равно, хотя бы взгляд. О моей любви, конечно, не знали, но повидать одноклассников согласились. Поехали компанией в воскресенье.

Запомнился бескрайний парк, болтовня с приятелями об учебе – они будут лесничими, и короткое свидание при людях с замужней женщиной Валец.

– Все очень хорошо, муж – студент, любит, имеем комнатку в общежитии.

Вот так: «Все прошло как с белых яблонь дым...»

Нет, не сразу прошло, года два еще болело, девушки не нравились.

После практики был месяц отпуска: мама, диван, книги («книжный червь»).

В сентябре умер отец. Мы работали на разгрузке дров с барж, близко от города: возили на тачках на крутой берег. В обед бригадир сказал:

– Батяка у тебя умер. Поезжай хоронить.

Никаких чувств не пробудилось. Сажу около гроба, смотрю на мертвое лицо, думаю о его прожитой жизни. Гроб до кладбища несли на плечах. Я тоже нес, всю дорогу. На поминках не был, да и не помню, чтобы приглашали. Зато помню, (о подлая память!) как на пути с кладбища купил красный ломоть арбуза – первый в жизни. Помянул.

Ни разу могилу не посещал. Не много места в душе занимал отец, а теперь совсем вычеркнул. А мама плакала:

– Хороший был человек.

С осени меня одного из «школьников» перевели к «техникам»: их предполагало выпустить досрочно. Пятилетка требовала.

В новой группе я был самый бедный – у меня, единственного, не было пиджака, его заменял джемпер Маруси. Оглядываясь, скажу – лодырь. Мог бы подработать, сила и время были. Так нет, только книги и треп с друзьями.

Уроки по-прежнему, не готовил. Но положение в новом классе завоевал. На девушек совсем не глядел, хотя любопытство (все по Фрейд!) имел. Всю жизнь с ним прожил, с сексуальным любопытством.

Занятия кончились как-то внезапно – послали на практику на полгода, разбросали по лесопильным заводам. Я попал в село Луковец, 12 км. от города.

Проходили практику «на рабочих местах». Я – машинистом на паровой машине. Это было интересно и нетяжело. Заработал на тужурку из шинельного сукна и, наконец! – купил полушерстяной черный пиджак, самый дешевый.

Сразу после практики объявили, что «техникам» учение кончилось.

Мне и Севке Милославу выписали путевку в Архангельск, на лесозавод имени Мологова. Прибыть 25 октября.

До отъезда был еще отпуск: путешествие с мамой по Шексне и Волге в гости к Марусе. Обратились поездом с заездом в город Арзамас к дяде Павлу, начальнику НКВД, и в Москву на два дня.

Последние недели сидел дома под окном, непрерывно лил дождь, а я читал «Братьев Карамазовых», потом всего Достоевского подряд. Настроение было соответствующее.

Юность закончилась. Счастливая? Пожалуй – да.

Материал взят с украинского сайта о Н.М. Амосове: http://www.icfcsst.kiev.ua/amosov/voices1_r.html

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Борин. Ольхово (исторический очерк).....	3
Послесловие	89
И. Борин. Село родное	92
Письмо Бориной А.Ф в Мяксинскую школу.....	97
Из воспоминаний Озерининой А.В. об отце.....	103
Из письма Елены Николаевны Степиной-Мельниковой.....	104
Письмо от Александра Мольс	105
В. Викулов. Как в капле росы.....	107
А. Зайцева. История одной деревни.....	112
Ольховско-Казанская церковь	116
К истории закрытия церкви в селе Ольхове.....	119
По материалам музея Мяксинской средней школы (жители Ольхова).....	130
Ход конем	136
Н. Амосов. Голоса времен (главы из книги).....	141

ОЛЬХОВО

Сборник воспоминаний о малой родине

Обложка О.В. Родионова

Редактор В.Л. Леонтьев

Сдано в набор 21.07.2008 г. Подписано в печать 9.09.2008 г.

Формат 60x84^{1/16}. Гарнитура Times New Roman.

Тираж 250. Заказ 178458. 2008 г.

Верстка и печать выполнены в ООО «Издательский дом «Принт»,
г. Череповец, ул. Металлургов, 14а.
Телефон отдела сбыта: 53-48-46.

